
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 23 ИЮНЬ 1983

ФОТО НЕДЕЛИ

6 июня — день рождения Александра Сергеевича Пушкина. См. в номере материал Ю. Глушаковой, И. Бочарова «Венецианская Пушкиниана» — стр. 26—28.

Фото М. Савина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (2916)

4 ИЮНЯ 1983

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1983

В НОМЕРЕ:

Население западноевропейских стран, в которых США и НАТО планируют размещение новых американских ракет средней дальности, не хочет стать ядерным заложником вашингтонских стратегов. Об этом красноречиво свидетельствуют массовые антивоенные выступления.

На снимке: участники Марша мира близ города Хейльбронна (ФРГ).

Фото ДПА — ТАСС

Арвид Янович ПЕЛЬШЕ

29 мая 1983 г. на восемьдесят пятом году жизни после тяжелой болезни скончался член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Арвид Янович Пельше. Ушел из жизни видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный интернационалист, один из старейших представителей славной когорты большевиков-ленинцев.

Арвид Янович Пельше родился 7 февраля 1899 г. в Грюнвальдской волости (ныне Бауский район Латвийской ССР) в семье крестьянина. В 1914 году Арвид Янович поступил на политехнические курсы в Риге. Там он вскоре установил связь с подпольной коммунистической организацией. В 1915 году А. Я. Пельше вступил в ряды Коммунистической партии. С этого времени вся его деятельность неразрывно связана с борьбой и историческими свершениями Коммунистической партии Советского Союза.

В годы первой мировой войны Арвид Янович Пельше работал в мастерских Риги и Витебска, фрезеровщиком на паровозостроительном заводе в Харькове, штамповщиком в Петрограде, грузчиком в Архангельском порту и всюду по заданиям партийных комитетов вел революционную агитацию и пропаганду. После Февральской революции 1917 года А. Я. Пельше был избран депутатом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле — августе 1917 г. он, как делегат от Архангельской партийной организации, участвовал в работе VI съезда Коммунистической партии.

Арвид Янович Пельше принимал активное участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 году он был сотрудником ВЧК в Москве. В 1919 году вступил в Красную Армию, в рядах которой прослужил десять лет, участвовал в боях на фронтах гражданской войны под Ригой и на Украине, а затем находился на работе в армейских политорганах. С 1929 по 1931 год А. Я. Пельше учился в Институте красной профессуры и одновременно вел преподавательскую работу в ряде высших учебных заведений Москвы.

С 1933 по 1937 год Арвид Янович Пельше был начальником политотдела Магаджановского и Черноиртышского совхозов Казахской ССР, а затем работал в наркомате совхозов в Москве. В 1937 году А. Я. Пельше направляется на преподавательскую работу и ему присваивается звание доцента кафедры марксизма-ленинизма.

В начале 1941 г. Арвид Янович Пельше был избран секретарем ЦК Компартии Латвии по пропаганде и агитации. В период Великой Отечественной войны наряду с пропагандистской работой он занимался подготовкой партийных и советских кадров. В ноябре 1959 г. А. Я. Пельше был избран первым секретарем ЦК Компартии Латвии. Под его руководством партийная организация добилась больших успехов в развитии экономики и культуры республики. С момента образования Академии наук Латвийской ССР А. Я. Пельше — ее член-корреспондент.

Арвид Янович Пельше являлся делегатом XX, XXII—XXVI съездов Коммунистической партии Советского Союза. На XXII—XXVI съездах партии он избирался членом Центрального Комитета КПСС. С 1966 года А. Я. Пельше — член Политбюро ЦК КПСС и с того же времени — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР 2—10-го созывов, а также депутатом Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета Латвийской ССР.

На всех постах партийной и государственной деятельности А. Я. Пельше отдавал все свои силы, богатый опыт и знания беззаветному служению великим идеалам марксизма-ленинизма. Он внес вклад в развитие теории и практики партийного строительства, в организацию и осуществление партийного контроля, в укрепление партийной и государственной дисциплины. А. Я. Пельше активно участвовал в деятельности КПСС по развитию связей с братскими коммунистическими и рабочими партиями.

Арвид Янович Пельше был человеком большого сердца и прекрасной души. Его отличали простота и скромность, внимательное и чуткое отношение к людям. Он снискал к себе в партии и народе глубокое уважение.

За большие заслуги перед Родиной Арвид Янович Пельше дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и многими медалями.

Светлая память об Арвиде Яновиче Пельше, верном сыне Коммунистической партии, посвятившем всю свою жизнь великому делу коммунистического строительства, навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, Е. К. Лигачев, Б. И. Стукалин, К. М. Боголюбов, И. С. Густов, Г. С. Павлов, А. Э. Восс, А. М. Школьников, А. А. Епишев, С. А. Шалаев, В. М. Мишин, Ю. Я. Рубэн, П. Я. Страутманис, А. К. Малмейстер, В. К. Круминьш.

Глубокой скорбью отозвалась в сердцах советских людей весть о кончине Арвида Яновича Пельше — видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, члена Политбюро ЦК КПСС, председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР.

...Дом Союзов. На фронтоне здания — в траурном обрамлении портрет А. Я. Пельше. 31 мая здесь, в Колонном зале, на постаменте среди цветов был установлен гроб с телом покойного.

Перед постаментом на алых подушечках — награды, которыми отмечены большие заслуги А. Я. Пельше перед Родиной.

У гроба — венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Здесь же — венок от Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

11 часов. В почетный караул встают товарищи Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков.

Нескончаем поток москвичей в Колонный зал.

В Москве 1 июня состоялись похороны Арвида Яновича Пельше.

...Второй день в траурном убранстве Колонный зал Дома Союзов. Здесь на высоком постаменте среди венков и цветов — урна с прахом А. Я. Пельше.

В почетном карауле — члены правительственной комиссии по организации похорон.

Под звуки траурной мелодии урну выносят из Колонного зала и устанавливают на артиллерийский лафет. Траурный кортеж направляется к Красной площади.

На Красной площади — представители трудящихся столицы и Подмосковья. Здесь же, на трибунах,— члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутаты Верховного Совета СССР, руководители министерств и ведомств, партийные и советские работники. Присутствуют главы дипломатических представительств, аккредитованные в СССР.

На площади в четком строю застыли воинские подразделения. Над их колоннами склонены боевые знамена.

Траурная процессия поравнялась с Мавзолеем. Урна с прахом покойного переносится на постамент.

На Центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, члены правительственной комиссии по организации похорон.

Траурный митинг открывает председатель правительственной комиссии, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

На митинге выступили кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый секретарь ЦК Компартии Латвии А. Э. Восс, рабочий московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» Герой Социалистического Труда И. И. Мальцев.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства спускаются с трибуны. Они поднимают урну и направляются к Кремлевской стене.

Урну с прахом А. Я. Пельше устанавливают в нишу, которую закрывают мемориальной плитой. На ней начертано:

АРВИД ЯНОВИЧ ПЕЛЬШЕ

7 18—99 II   29 19—83 V

Гремят залпы артиллерийского салюта. Звучит Государственный гимн Советского Союза.

Торжественным маршем проходят воинские подразделения. Представители Советских Вооруженных Сил отдают последние воинские почести Арвиду Яновичу Пельше, верно служившему социалистической Отчизне, великому делу Ленина.

В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского государства.

Москва, 1 июня 1983 года. Траурный митинг на Красной площади. На трибуне Мавзолея В. И. Ленина.

ПОХОРОНЫ А. Я. ПЕЛЬШЕ

У Кремлевской стены.

Фото А. ГОСТЕВА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ОБСТАНОВКА ОБОСТРЯЕТСЯ

Юрий **КОРНИЛОВ**

Нет мира под кедрами Ливана. Не проходит и дня, чтобы телетайпы не приносили тревожные сообщения о провокационных действиях израильской военщины, оккупирующей значительную часть территории этой суверенной арабской страны. Тель-Авив с лихорадочной поспешностью перебрасывает все новые партии войск и боевой техники в долину Бекаа, строит здесь долговременные укрепления, радиолокационные станции, военные дороги. Над долиной проносятся израильские военные вертолеты и самолеты-шпионы, израильские танки «меркава» утюжат ливанскую землю, а израильская артиллерия то и дело открывает огонь по позициям сирийских войск из контингента межарабских сил по поддержанию мира в Ливане. Волны кровавого террора, направленного против мирного палестинского и ливанского населения, прокатываются по районам страны, где расположены штаб-квартира, казармы и другие военные объекты оккупантов; пытаясь создать вокруг этих объектов «мертвую зону», интервенты с помощью бульдозеров сносят жилые кварталы в Сайде, Тире, Эль-Харубе, уничтожают деревья, губят посевы. Все это осуществляется под аккомпанемент угроз в адрес Сирии.

Нынешняя вспышка агрессивности Тель-Авива — прямое следствие так называемого ливано-израильского «соглашения о мире», подписанного 17 мая в пригороде Бейрута Хальде, а затем в израильском городе Кирьят-Шмона. В чем суть, стержень этого «соглашения», навязанного Ливану в условиях, когда сионистская военщина топчет ливанскую землю, а на Бейрут наведены стволы израильских орудий? В основу «документа», о котором идет речь, положены требования Тель-Авива, ведущие к беспрецедентному попранию суверенитета ливанского государства, к его расчленению; разуму и элементарной логике вопреки «соглашение» налагает обязательства и ограничения не на агрессора, а на его жертву. Южные районы Ливана выводятся из-под контроля ливанского правительства. Устанавливаются ограничения на состав и вооружения ливанской армии. Создается основа для продолжения беззастенчивого грабежа Израилем национальных богатств Ливана. Эта страна лишается даже права обратиться с просьбой об оказании ей помощи к какому-либо государству, коль скоро последнее не имеет дипломатических отношений с Израилем, хотя известно, что таких отношений нет ни у одной арабской страны, кроме Египта.

Не составляет секрета, что Вашингтон воспользовался агрессией Израиля против Ливана, дабы добиться ввода на ливанскую территорию так называемых «многонациональных сил», костяк которых составляют американские морские пехотинцы. Ныне США, оперируя ливано-израильским «соглашением», пытаются узаконить оккупацию Ливана, сделать ее бессрочной. Вашингтонская администрация не только нарушила собственное обещание о «временном пребывании» американских солдат в этой стране, но и открыто заявляет, что «многонациональные силы» могут быть размещены в любом районе Ливана, а контингент этих сил может быть увеличен до 12 и более тысяч человек — разумеется, прежде всего за счет «подкреплений» из США. Характерно и то, что уже через неделю после подписания «соглашения» президент Р. Рейган официально отменил эмбарго на поставку Израилю 75 новейших американских военных самолетов-истребителей «Ф-16», а на днях стало известно, что к берегам Ливана направляется еще одна группа судов ВМФ США. Это ли не свидетельство того, что пресловутое «соглашение» открыто рассматривается в Вашингтоне как очередная ступенька в процессе эскалации американо-израильской агрессии на Ближнем Востоке?!

События в Ливане и вокруг него вновь и вновь подтверждают: сионистские круги Израиля — ударный отряд американского империализма. Именно всесторонняя военная помощь и политическая поддержка Вашингтона стимулировали и стимулируют агрессивность Тель-Авива против соседних стран и арабского национально-освободительного движения. Именно США стояли за спиной Израиля, когда он совершал вторжение в Ливан; под патронажем Вашингтона разработано и подписано и ливано-израильское «соглашение», являющееся следствием этой агрессии и нацеленное на продолжение антиарабского курса Кэмп-Дэвида, который игнорирует решение ключевых проблем региона, в том числе вопрос о создании самостоятельного палестинского государства под руководством Организации освобождения Палестины, и отвечает только интересам сионистских интервентов и их заокеанских покровителей, стремящихся установить на Ближнем Востоке военно-политическое господство американского империализма.

Прогрессивные силы арабского мира, миролюбивая международная общественность решительно отвергают ливано-израильское «соглашение», которое бывший президент Ливана С. Франжье с полным основанием охарактеризовал как «американскую ловушку», президент Сирии Х. Асад расценил как «противоречащее интересам ливанского народа», а кувейтская газета «Аль-Ватан» назвала «второй после Кэмп-Дэвида западней» для арабских стран. Вместе с тем видные политические и общественные деятели, печать подчеркивают, что в нынешней ситуации, когда Израиль и США готовят очередную агрессию, на этот раз против Сирии, и одновременно делают все, чтобы противопоставить арабские страны друг другу, ослабить ряды национально-освободительного движения, оторвать Ливан от других арабских государств, как никогда важно общеарабское единство.

Что касается позиции Советского Союза, то она ясна и определенна: наша страна — за единый Ливан, за восстановление его суверенитета и территориальной целостности. Выкручиванием рук проблем Ливана не решить. Чтобы мир пришел на многострадальную ливанскую землю, необходимо прежде всего, чтобы оттуда были выведены войска агрессора, а также американские и другие иностранные войска. «Положить конец сионистскому игу в Ливане!» — таково требование и советской и международной общественности.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Отец, почему ты сжег школу? Ты говорил, чтобы я не ходил в школу, я и не ходил. А за что ты учителя убил?» Это говорит герой афганского телевизионного фильма «Возмездие», недавно показанного по Советскому телевидению. Это искренний рассказ о том, что происходит сейчас в стране, показ драматических коллизий революции, когда отношения между людьми достигают такого напряжения, накала, степени остроты и антагонизма, что даже такие веками охраняемые связи, как родственные, уже не могут объединить людей, становятся несущественными, если противоположны взгляды на революцию. Тогда близкие родственники становятся непримиримыми врагами, и рассудить их может только смерть.

Сюжет фильма «Возмездие» в какой-то степени напоминает нам историю мальчика-героя Павлика Морозова. Отец Хасана — Хайрутдин — главарь оголтелой банды, в жестокости своей подобен загнанному зверю. Да он и есть загнанный зверь, ибо его ненавидят родные и односельчане, его боятся и презирают собственные подручные по банде. Он и его головорезы прячутся, как шакалы, в старой заброшенной крепости, откуда по ночам вылезают для совершения кровавых злодеяний. Терроризируя местных жителей, убивая, ве-

---

«Возмездие», телевизионный художественный фильм Кабульского телевидения, 1983 год.

НАМ НУЖНО МИРНОЕ НЕБО

Я работаю фрезеровщиком. У меня двое детей. Как и все, не могу спокойно относиться к нагнетаемому правительством Соединенных Штатов напряжению в мире. Думаю, что американский народ видит губительную сущность, которая лежит в основе политической морали нынешнего правительства — морали превосходства «с позиции силы».

Настало время сократить военные бюджеты. Наша страна, более всех пострадавшая во второй мировой войне, не захочет оказаться слабее США. Вы прекрасно это понимаете, господин Рейган. Так что же руководит вами? Разве нет у вас проблем внутри страны? Конечно, есть. Но разрешаются эти проблемы не в пользу трудового народа, а в пользу владельцев тугих кошельков. Из-за гонки вооружений выросла огромная армия безработных и простые американцы выстраиваются в длинные очереди для получения благотворительной подачки.

Еще и еще раз обращаюсь: остановитесь, потому что мы, советские люди, не хотим войны, не хотим гонки вооружений. Мы воспитываем детей, строим дома, выращиваем хлеб. И наш труд идет нам же во благо. Нам нужно мирное небо и мирная пашня.

А. Ю. ДАШКОВ

Ульяновск.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

шая активистов, разрушая мосты и дороги, сжигая школы и учреждения, они сами живут в постоянном страхе перед людьми. Страх гонит их на новые преступления и убийства. Жестокость Хайрутдина маниакальна, но расчетлива. Бандиты убивают сельского учителя, человека, посеявшего семена добра и надежды не только в душах своих учеников, он уважаем и любим всеми бедняками кишлака. Пылает школа, подожженная бандитами Хайрутдина, летят по ветру обгоревшие листки ученических тетрадей и учебников.

Все это происходит на глазах Хасана. Он мучается оттого, что он сын бандита. Он мечется, стремится найти какой-то выход из этого темного тупика. Ведь это Хайрутдин избивает до полусмерти его мать, это он, Хайрутдин, измывается и над ним — маленьким и беспомощным. Так где же ему найти защиту и у кого? И он невольно тянется к тем людям, которые хотят покончить с бесправием и бандитизмом, к тем, кто хочет наладить мирную и трудовую жизнь на селе, и он решается, он показывает солдатам афганской армии место, где прячется его отец вместе с душманами. Чтобы пойти на это, надо слишком много пережить, слишком о многом передумать. Солдат спрашивает Хасана: «Если это твой отец, зачем доносишь на него?» Хасан отвечает: «Я... я... как вам сказать... вы это не видели, чтобы понять. Мать сошла с ума... до сих пор плачет. Бабушка Самада рвет на себе волосы и не помнит себя от горя. Все в селе знают, что я сын Хайрутдина... Мать говорила: «Ничего, если нас убьют, лишь бы жители кишлака не пострадали...»

Кто же эти бандиты, поднявшие руку на народ? Вот как высказывается о них один из жителей кишлака: «Я же говорю, что все они воры... Под маской ислама обворовывают дома бедняков...» Как это точно и справедливо! А ведь кое-кто на Западе прославляет их как защитников справедливости, свободы и ислама; все это контрреволюционное отребье науськивается на законную власть народа, активно снабжается оружием. Когда один из душманов говорит Хайрутдину, что кончаются патроны, в ответ он слышит: «Ничего, хозяева помогут». Хайрутдин уверен в том, что говорит, и он прав. Хозяева помогают, и немало. Отваливают миллионы, организуют различные комитеты «помощи», обучают ремеслу убийств и диверсий в специальных лагерях. Словом, делают все, чтобы не было мира на земле Афганистана, чтобы задушить Апрельскую революцию. Не все душманы — баи и «бывшие». Среди них много обманутых, затянутых в сети банд хитростью и ложью, подкупом и силой.

Действие фильма неторопливо, но напряженно. Столкновение характеров происходит как бы в лоб. И это естественно. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Пощады от бандитов ждать не приходится. Поэтому и размежевание сил идет резко, бескомпромиссно. А тот, кто мечется, не зная, к какому берегу пристать, тот все равно не может остаться в стороне от жестокой схватки. Образы не смазанные, не расплывчатые, а четкие, выполненные крупными мазками, в условиях напряженных, а не будничных предстают перед зрителем.

Фильм достоверен. Веришь в реальность героев и событий. И хотя действие происходит в одном из афганских сел, понимаешь, что все это характерно для всей страны: новая жизнь побеждает, люди тянутся к ней, уходит почва из-под ног бандитов, люди побороли страх и вместе с солдатами афганской армии громят осиные гнезда душманов...

В. ДУНАЕВ

ЗАМЕТКИ О XVI ВСЕСОЮЗНОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ

ВТОРОЙ РАЗ В ЛЕНИНГРАДЕ

В мае северный город еще небогат цветами. И все же более миллиона роз, нарциссов, гвоздик приготовили ленинградцы к празднику: они ждали его пятнадцать лет.

Теперь здесь прошел конкурсный просмотр более ста лучших фильмов года, претендовавших на награды очередного, шестнадцатого по счету фестиваля.

Ленинград не просто жил под знаменами кинопраздника, но и сам был его активным, заинтересованным участником.

Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей объединения «Ленинградский Металлический завод» В. Чичеров сказал:

— Мир кино — особенный мир, в который мы попадаем с детства и в котором проходим памятные уроки доброты и справедливости, мужества и патриотизма...

И сегодня важной чертой ленинградского фестиваля стала высокая содержательность. Герои многих лент предстали как люди активные, остро чувствующие ответственность за все, что происходит в стране.

По-прежнему актуальной остается для искусства проблема, подчеркнутая в недавнем (1982 г.) постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства», где сказано: «Новые поколения советских людей нуждаются в близком им по духу и времени положительном герое, который воспринимался бы как художественное открытие, влиял на поступки людей, отражал бы судьбы народные».

Именно поиск такого героя отразил ленинградский киносмотр. Фестиваль подвел творческие итоги знаменательного для нашей страны года — 60-летия СССР. И закономерно, что одним из самых значительных фестивальных событий стал День союзных республик, день встреч кинематографистов с тружениками объединений «Кировский завод», «Ижорский завод», «Позитрон» и многих других.

Любители автографов. Фото В. Голубовского

— Горжусь тем, что среди моих наград есть медаль «За оборону Ленинграда». Ведь я воевал на Волховском фронте, участвовал в прорыве блокады, был ранен,— сказал, посетив объединение «Невский завод» имени В. И. Ленина, председатель Госкино Таджикской ССР Ш. С. Саидов.— Народ нашей республики с благодарностью хранит память о том, что в самую суровую блокадную пору, в 1942 году, в Ленинграде были отпечатаны и отправлены в Таджикистан учебники для наших ребят...

В неразрывном единстве судеб советских людей — основа единства народа.

Сейчас, когда уже известны все лауреаты, когда им вручены призы и подарки, хочется все-таки пожелать фестивалям года на будущее... Ведь мало, бесконечно мало дано людям времени для того, чтобы осмыслить творческие итоги за год! Ведь была показана еще и обширная внеконкурсная программа; были хорошие ленты детского кино, порадовали документалисты... Право же, стоило бы заранее проводить в том городе, где состоится очередной фестиваль, предварительный показ фильмов будущей программы.

Наверное, следует начинать эти просмотры хотя бы за месяц до начала фестиваля,— создать рекламу, провести анкетирование, итоги которого могут стать небезынтересными и для жюри. Во всяком случае, «рядовой» зритель тогда встретит долгожданный кинопраздник во всеоружии, имея свое мнение о фильмах.

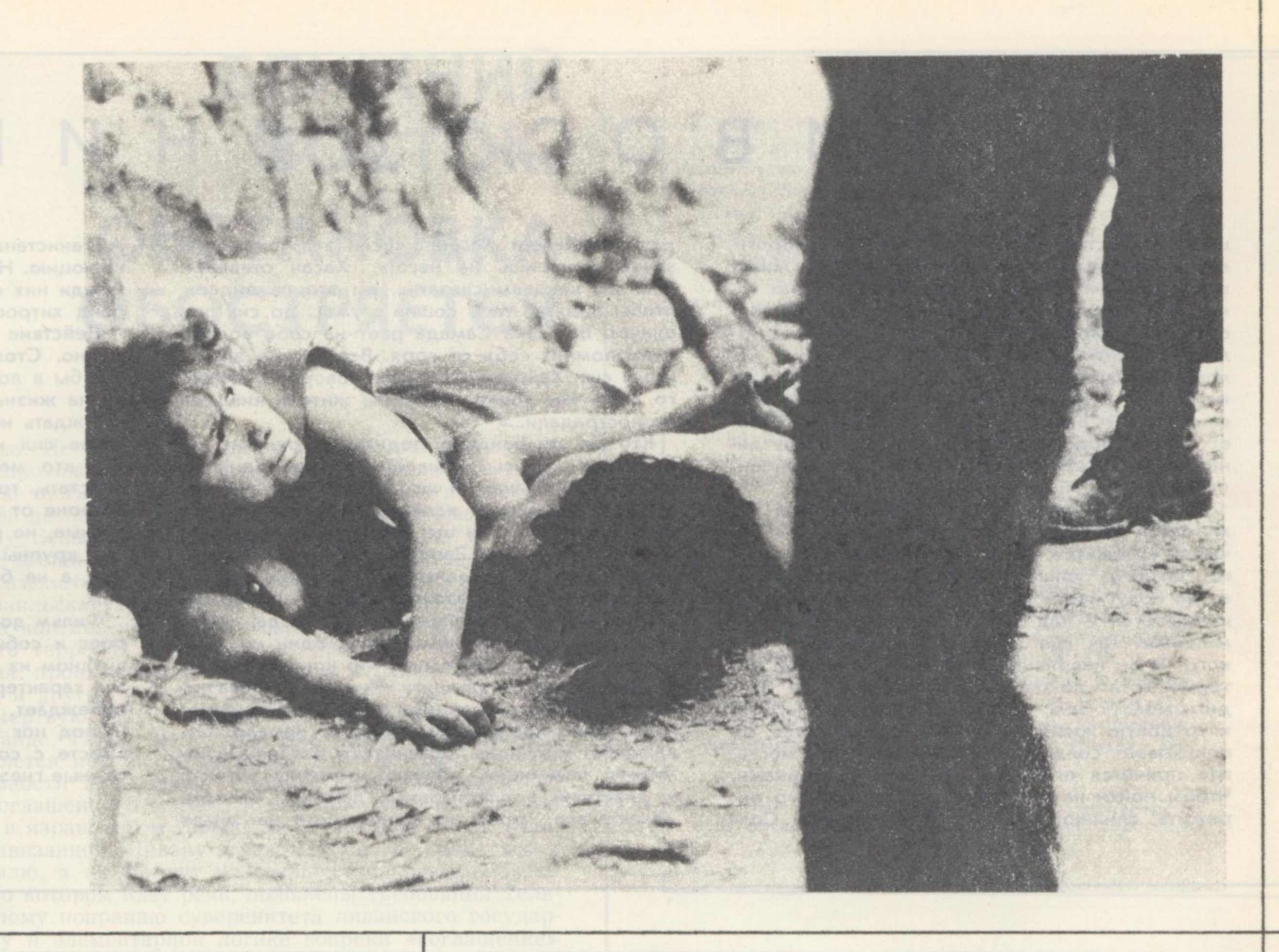
Что же касается нынешних итогов, то они выглядят следующим образом. Среди художественных фильмов три главные награды присуждены картинам «Частная жизнь» («Мосфильм»), «Влюблен по собственному желанию» («Ленфильм»), «Юность гения» («Узбекфильм»). В конкурсе детских и юношеских картин первый приз получила лента «Мужское воспитание» («Туркменфильм»). По разделу мультипликации обладателями первого приза стали две работы «Союзмультфильма»: «Жил-был пес» и «Осень»... Среди документальных картин лучшей признана работа Рижской киностудии «Созвездие стрелков». Среди научно-популярных лент отмечена созданная в Киеве «Царапина на льду». Специальный приз «Память» получила «Песнь прошедших дней».

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

САЛЬВАДОР

КАРАТЕЛИ СВИРЕПСТВУЮТ

Сальвадорская хунта продолжает чинить расправы над мирным населением страны. По сообщениям, поступающим из этой латиноамериканской страны, за последние три года в ходе рейдов по «умиротворению» убито и замучено более 43 тысяч стариков, женщин и детей. Солдаты прогнившей диктатуры врываются в города и села, устраивают массовые облавы. Аресту подлежит каждый, на кого пало хоть незначительное подозрение в сочувствии партизанам. Характерно, что применяемые карательными батальонами методы борьбы с партизанами в точности заимствованы у печально известных «зеленых беретов», прибывших в Сальвадор для передачи местным головорезам своего богатого вьетнамского опыта.

На снимке: момент облавы в провинции Усулутан.

Фото ТАСС

США

ОТЧАЯНИЕ МИЛЛИОНОВ

Сколько надежды и тоски во взгляде этого безработного! Хоть какую-нибудь работу... А за его спиной сотни таких же, как он, сильных и работящих, но не имеющих возможности приложить свои силы нигде. И у каждого из них в душе теплится надежда, что на этот раз все будет «о'кэй», все мучения и отчаяние останутся позади.

Американский журнал «Ньюсуик» посвятил проблеме безработицы специальный репортаж из городов Среднего Запада, некогда процветающего района США. Этот район известен всему миру заводами Эндрю Карнеги, выпускавшими железнодорожные рельсы, с помощью которых был освоен дикий Запад. Здесь Генри Форд пустил конвейер, который стал прообразом современной промышленности. Груженные рудой товарные поезда и заводы, работавшие круглые сутки, помогали многим американским рабочим жить более-менее сносно.

Теперь картина иная. Как поется в песенке знаменитого певца Боба Дилана о тяжелых временах в его родном городе: «...витрины, забитые картоном, и старики на скамейках говорят о том, что город опустел». Журнал пишет, что затихла жизнь в таких городах, как Брэддок, где «на 140 акрах территории завода «Эдгар Томсон» царит кладбищенская тишина. Брэддок умирает, а скоро полностью вымрет и вся долина Мононгахила».

35-летний Марк Васин, потерявший работу металлург из соседнего городка Хомстед, говорит: «Думаю, что волна увольнений никогда не пойдет на убыль. Нас ожидает мрачное будущее». И действительно, американская промышленность находится в состоянии кризиса, признает журнал. Всюду видны плакаты «Наем прекращен», «Рабочие руки не требуются». Уровень безработицы в городе Флинт, например, 24,6 процента. Это — следствие ликвидации 20 тысяч рабочих мест на заводе компании «Дженерал моторс». По официальным данным, уровень безработицы в Хиббинге — 28,4 процента, но в частных беседах местные должностные лица говорят, что на самом деле он приближается к 40 процентам.

Особенно тяжелое бремя легло на плечи молодых рабочих. На складах «Дженерал моторс» в городе Флинт оставлены на работе лишь те, кто имеет не менее чем 18-летний трудовой стаж. Все, кто был нанят на работу позднее 1965 года, уволены. На заводе компании «Шевроле» во Флинте сохранили работу только люди, имеющие 14-летний стаж, а люди со стажем менее пяти лет вообще не надеются, что они когда-либо снова найдут работу.

Фото из журнала «Ньюсуик»

ОТРАВЛЕННЫЕ ОСТРОВА

На множестве островов, поросших пальмами и расположенных в гигантском треугольнике Тихого океана между Америкой, Японией и Австралией, летом 1944 года разворачивались ожесточенные сражения между японской и американской армиями. В 1947 году ООН отдала часть Микронезии под патронаж Соединенных Штатов, которые тут же начали сгонять с некоторых островов коренное население и приступили к испытаниям ядерного оружия. Такие острова, как Эниветок или атолл Бикини, оказались зараженными на многие годы.

Янки нужна территория, нужны базы, полигоны. Например, на острове Кваджалейн, закрытом для туристов, испытываются «минитмены-III», на другом острове министерство обороны США собирается складывать атомное оружие и соорудить современный военный аэродром.

Обещанные американцами программы восстановления экологических условий в зоне атомных испытаний неоднократно отменялись из-за высокой степени опасности радиоактивного заражения.

Так было в прошлом, когда переселенцы уничтожали аборигенов, захватывая их земли, так происходит и сейчас, в веке XX, с той лишь разницей, что ныне, как никогда ранее, громко звучат с Капитолийского холма стенания о «свободе» и «правах человека»...

ЗАОКЕАНСКИЕ ТРЮКИ

Прицельный прыжок.

Шаткий баланс.

Рисунки Ю. Черепанова

ИТАЛИЯ

БОЙКОТ ФИРМЕ

«Бойкотируйте продукцию фирмы «Хоффман — Ла Рош», эти препараты несут в себе смерть» — такие листовки можно встретить в различных итальянских городах у многих аптек и магазинов. Они расклеиваются активистами Лиги защиты окружающей среды, чтобы вновь привлечь внимание общественности к безнаказанности руководителей этой многонациональной компании, виновных в трагедии итальянского города Севезо. Семь лет назад на заводе фирмы произошел мощный взрыв, и в результате утечки сильнодействующих ядовитых газов десятки человек получили отравление, свыше 800 семей были вынуждены навсегда покинуть зараженную зону. Лишь спустя семь лет, в апреле этого года, начался судебный процесс по делу, связанному с этой катастрофой, в Монца, маленьком городке близ Милана.

Предприимчивые дельцы, грубо нарушавшие нормы техники безопасности, после длительных проволочек произвели дегазацию и дезинфекцию местности, которая была заражена диоксином. (Этот препарат применялся американской военщиной во Вьетнаме в качестве дефолианта). Затем свыше 40 контейнеров со смертоносным грузом были тайно вывезены в неизвестном направлении.

Местная демократическая печать подчеркивает, что в результате действий руководителей «Хоффман — Ла Рош» многие человеческие жизни и сегодня находятся в опасности.

Активисты Лиги защиты окружающей среды во время забастовки протеста перед зданием суда в городе Монца, где проходят слушания по делу компании «Хоффман — Ла Рош».

Фото Ап — ТАСС

ФРАНЦИЯ

СТРАХ В ПАРИЖСКОЙ ПОДЗЕМКЕ

Похоже, в парижском метро становится так же опасно, как в подземках Нью-Йорка и других городов Америки. В течение прошлого года в полицию Парижа было заявлено примерно о 16 тысячах случаев воровства, нападений и увечий, которые произошли в метро. При этом следует иметь в виду, что к полиции обращается далеко не каждая жертва.

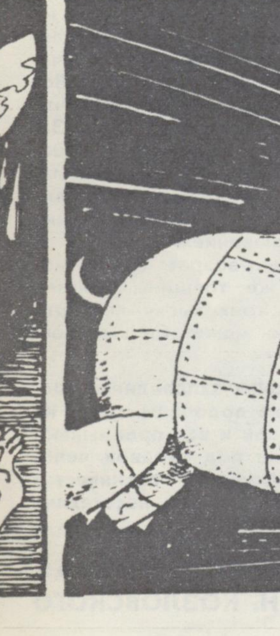
Парижане постоянно испытывают в своем метро чувство страха. Это страх перед стоящим сзади человеком, который может столкнуть тебя на рельсы. Это страх перед хулиганами, которые вооружены ножами. Это также страх перед организованными карманниками. В большинстве случаев они работают шайками по 4—5 человек. Некоторые подростки воруют по приказу своих родителей, и, поскольку они несовершеннолетние, их нельзя судить.

О безопасности в парижском метро заботятся около 500 полицейских, но они не в состоянии уследить за всеми 350 станциями с их переходами, лестницами и платформами общей протяженностью 80 километров.

Все больше людей постоянно «живут» в метро. На платформе почти все скамейки постоянно заняты подозрительными типами. Это уже не старые, безобидные бродяги, которые спят здесь под газетами. Их вытеснили молодые люди, ставшие алкоголиками и наркоманами. Они выглядят агрессивно и стремятся затеять потасовку. Для многих из них воровство не случайный заработок, а профессия. Потеряв всякую надежду найти работу, они вступают на этот скользкий путь.

На снимке: совершено преступление в метро. На этот раз преступники задержаны.

Фото из журнала «Штерн»

НАТОрог.

Выверты буржуазной прессы.

«Миролюбивые» ноты.

Эталон Кавказа

5 июня — Всемирный день охраны окружающей среды

Б. СМИРНОВ, В. СТОЯНОВ

Биосфера — это живой покров планеты, оболочка Земли, в которой существует жизнь. И поскольку все, что происходит на Земле, вокруг нее и даже вне ее пределов,— все связано единой цепочкой жизни, человеку небезразличны сложнейшие процессы, постоянно творящиеся в биосфере. А изучать их лучше всего в постоянных точках планеты, где каждое мгновение космических, земных и внеземных взаимодействий так или иначе отражается на состоянии атмосферы, на росте трав, деревьев, поведении диких животных...

Такие точки тщательно выбраны учеными и названы биосферными заповедниками. В мире их около ста пятидесяти, в нашей стране — пока только семь. И, пожалуй, самым ценным в научном отношении, уникальным по своим природным особенностям можно считать крупнейший в Европе — Кавказский государственный биосферный заповедник.

...Вдоль автострады, ведущей от аэропорта к Сочи, установлены огромные рекламные щиты: столько-то во всесоюзном городе-курорте здравниц, такие-то пляжи, условия для отдыха... Очередная надпись сообщала, что в Сочи ежегодно приезжают свыше четырех миллионов человек. Четыре миллиона! Помнится, мы в тот момент переглянулись: ведь нам обещали показать здесь, в двадцати минутах ходьбы от пляжа, нетронутый уголок природы. Под стеклянным колпаком он, что ли, хранится?

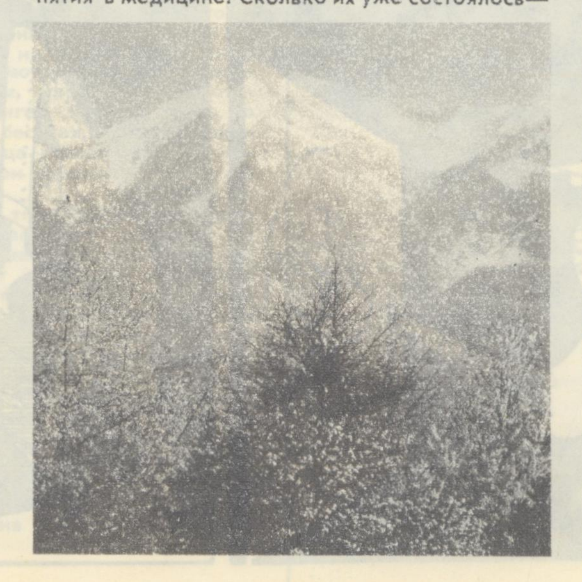
Но мы действительно не более получаса шли от пестрой хостинской набережной по истертым миллионами подошв городским тротуарам, потом по крутым тенистым улочкам, по душистым тоннелям цветущих садов и газонов, пока не оказались у узорчатых ворот с вывеской «Хостинская тисо-самшитовая роща». Прибрежная жара сменилась влажным ветерком, тянувшим из-под крон заслоняющих небо деревьев-гигантов. Туристы, еще спаянные в группки тряской своих раскаленных солнцем экскурсионных автобусов, с уважением разглядывали сквозь решетку ворот барса, изваянного в камне словно бы для защиты заповедника от чрезмерно шумных гостей.

— Последний барс Кавказа! — пошутил провожавший нас старший научный сотрудник заповедника Александр Владимирович Дубень, и мы вступили на аллею рощи. Именно вступили, потому что тишина и торжественность обступивших аллею деревьев были сравнимы разве что с величием древних храмов. И если в таком сравнении что-то проигрывает, то это храмы! Ведь века — ничто перед эрами, а этот лес, который мы видим сегодня, сейчас, был таким же... тридцать миллионов лет назад!

— Это единственный в мире участок сохранившегося реликтового колхидского леса,— объясняет Александр Владимирович.— Я здесь уже около пятнадцати лет работаю, что, конечно, ерунда на фоне веков! — засмеялся наш провожатый.— Но и сегодня оторопь берет, когда представляешь себе зримо такие понятия, как мезозойская, кайнозойская эра. Зримо! Хотите, я покажу вам сейчас выход слоя, где виден окаменелый морской еж? Два миллиона лет! Пошли!

Мы вошли — словно нырнули в заросли. Осторожно ступали, чтобы не придавить, не примять травки и цветочки, о которых Дубень то и дело бросал нам через плечо фразы: «Реликт! Красная книга! Посмотрите, клекачка колхидская, она как раз цветет. Улавливаете аромат? Цветы, между прочим, съедобны — нет, нет, пробовать нельзя, у нас это растение неприкасаемо!.. Иглица колхидская. Редкость большая. Видите, красные ягодки под листьями? Кажется, что они приклеены к листьям, а если приглядеться — виден стебелек, он растет прямо из листа, значит, лист — не лист в нашем обычном понимании, а побег в форме листа. Для ботаников это — откровение, кладезь тайн! А у нас иглицей в аэропорту из-под полы торгуют, по полтиннику за пучок. Веники еще из нее вяжут. Браконьерство злостное, ведь последнее загубим!.. А это орхидея пчелоносная — тоже Красная книга...»

Очарование дикого леса постепенно овладевало нами, потому что дикость и древность были здесь подлинными, без скидок на экскурсионный эффект. Здесь нельзя было даже про себя умиляться природой — ах, цветочки, ах, какие ягодки! Здесь хотелось больше знать, чтобы вникнуть вглубь, в закономерности бесконечного разнообразия жизни. Ах, как мало мы еще знаем! И как мало нам удастся узнать, если растопчем, пустим на веники этот невзрачный на вид стебелек! А в нем, быть может, ключ к секретам, которые позволят, например, перевернуть какие-то понятия в медицине! Сколько их уже состоялось— подобных открытий, а сколько их уже никогда не состоится, потому что растоптали, раздавили колесами, понадергали на букеты уже все такие вот стебельки многих других растений! Все до единого на Земле!.. И эти бы исчезли, не будь здесь заповедника. Раскатали бы лес по бревнышку бульдозерами, жарили бы шашлыки на углях из тех деревьев, под которыми, быть может, отдыхал легендарный Ясон со своими аргонавтами, утомившись искать золотое колхидское руно...

— Насчет деревьев, под которыми отдыхали аргонавты, можно говорить вполне серьезно,— поддержал эти рассуждения Александр Владимирович.— Когда они, по легендам, ходили в Колхиду, около трех тысяч лет тому назад? Пошли, покажу вам дерево примерно того же возраста...

Мы уже изнемогали от эмоций. Уже погладили своими пальцами морского ежа, который окаменел, ожидая этой ласки два миллиона лет, уже испили воды из ручейка, продолбившего за неисчислимые годы глубоченный каньон в скале, уже без почтительного содрогания прикасались к палеогенным и неогенным камням и чувствовали себя по крайней мере героями фильма доисторических времен. Сочи с машинами, пляжами, курортной мишурой казался бесконечно далеким и нереальным... А тут не окаменевший, а живой, доныне живущий свидетель тысячелетий! Быть такого не может!

Александр Владимирович, демонстрируя навыки скалолаза, уверенно вел нас вверх по уступу горы. Попутно объяснял: вот заросли самшита, этому дереву «всего» лет двести — триста, а толщиной оно с молодую березку, зато древесина плотна необычайно. Мох на самшите целебный, антисептический, в годы войны его собирали здесь на повязки для раненых бойцов — вот следы сборов. Хорошо, что сохранился самшит, а то ведь в 1895 году на горе Ахун за несколько месяцев его почти весь вырубили, подбирались и к хостинской роще... Наконец, мы уткнулись руками в огромный серовато-коричневый ствол. Попробовали обхватить его руками — трех пар рук не хватило. Высоту ствола тоже взглядом не измеришь — не видна вершина, не разглядишь за кроной толстых ветвей, где кончается этот могучий растущий вверх конус. Вот где понимаешь смысл мудрых слов о том, что большое лучше видится на расстоянии... Зато отчетливо чувствуешь время — по сросшемуся с корой зеленому мху толщиной с ладонь, и ощущаешь силу, способную противостоять потоку лет,— по могучему корню, ставшему как бы продолжением скалы.

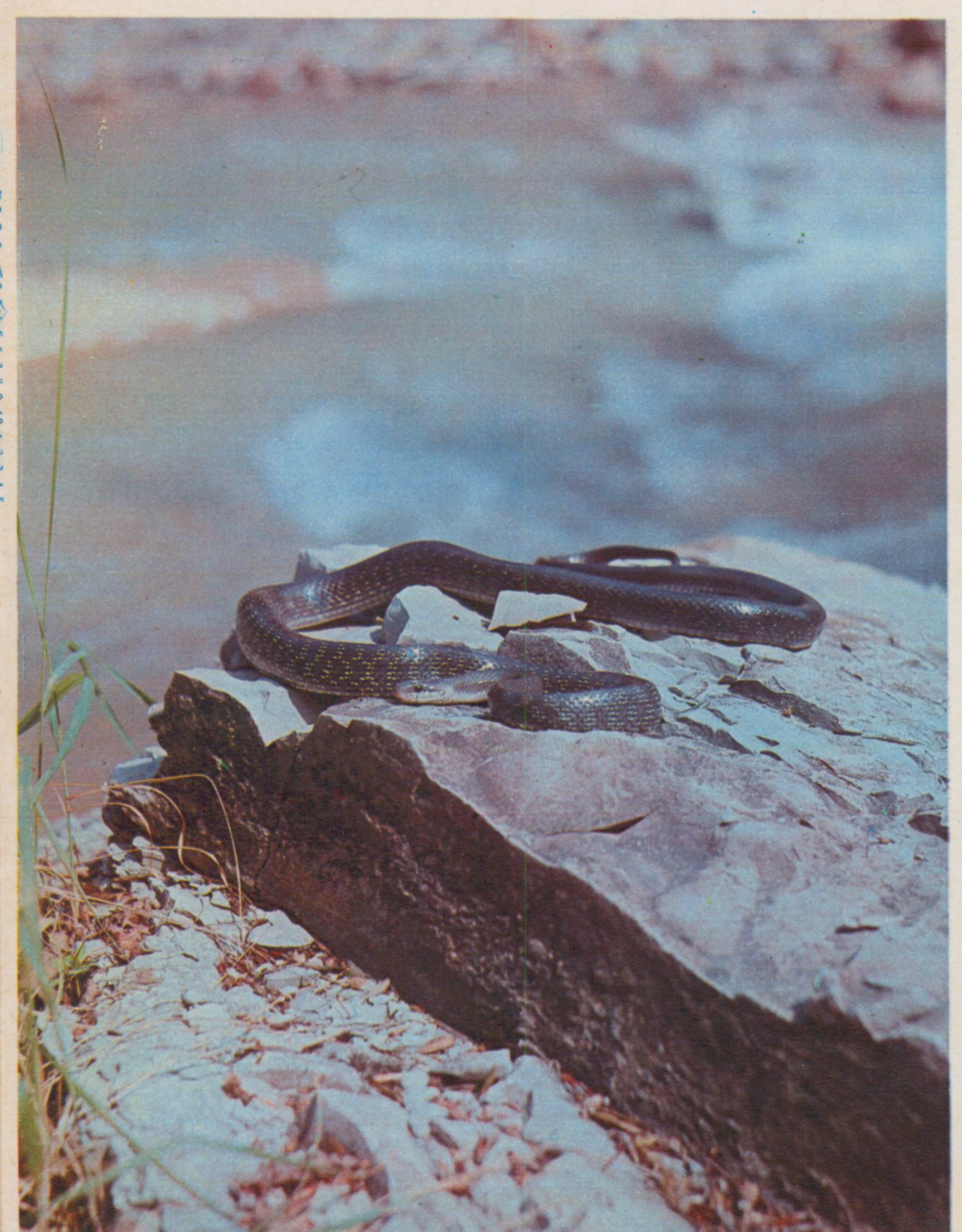
— Точно определить его возраст мы не можем, но на пнях такой же толщины считали годовые кольца: около трех тысяч лет! Это тис ягодный, старше его может быть секвойя.

Старший научный сотрудник заповедника зоолог А. В. Дубень * Такие водопады здесь не редкость * Этот полоз, как и все пресмыкающиеся заповедника, тоже под охраной человека * Лесничий Южного лесничества М. И. Турьянский (слева) и лесотехник В. Г. Салтыков.

Фото А. ДУБЕНЯ, Т. КАДЖАЯ, Н. КОЗЛОВСКОГО

Представляете, когда еще только зарождался древний Рим, этому дереву уже было три-четыре сотни лет! И что за древесина — ни дупла, ни червоточинки! Сколько еще сотен лет простоит... А это от нас, между прочим, зависит!

Обратно мы шли уже по бетонной тропе, причудливо перевившей рощу, и по тропе шли навстречу нам группы туристов с экскурсоводами, и мы понимали, что этим туристам нельзя соступить с бетона двадцатого века и мысленно перебросить себя в пространство минувших эпох. Сойдет с тропы один, второй, сотый — и рощи не станет.

Этот бетон — как расплата за прошлое бездушное отношение к природе, искупить и восполнить которое теперь уже нельзя. Можно посадить новые деревья, но воссоздать такую вот рощу — нет. Для природы, как и для истории, не существует обратного хода. Были колхидские леса — осталась роща. И прав Александр Владимирович: в наших руках ее будущее. Мысль понятная, ясная всем...

— Нет, не всем, к сожалению! — смеется Дубень, хотя в эту минуту его смех кажется нам не таким, как обычно, веселым.— Знаете что, давайте еще раз заглянем в прошлое — теперь совсем недалекое...

Он круто сворачивает с тропы, ведет нас в заросли, и буквально в двадцати метрах мы натыкаемся на... колючую проволоку. Изгородь в рост человека. Рядом со старой, ржавой «колючкой» — несколько рядов новой, только что натянутой.

— Дальше заходить не советую: сторожевые собаки, вооруженная охрана.

— Важный объект?

— Да. База отдыха сочинского «Водоканала».

— База отдыха? В заповеднике?..

Как оказалось, эта «история» уходит корнями в тридцатые годы—конечно, нашего столетия. Сейчас трудно сказать, кто решил поставить водонасосную станцию именно на заповедной земле тисо-самшитовой рощи. В 1974 году вступил в строй мощный водовод Адлер — Сочи, и старую насосную демонтировали. Но, когда дирекция заповедника попросила разрешить ей использовать брошенные помещения для устройства в них лабораторий, «Водоканал» срочно установил у развалин вооруженную охрану и приступил к восстановлению зданий. Упустить участок в тихом, уютном уголке, в получасе ходьбы от моря? Да ни за что!

Все это мы прочитали в свежем номере местной газеты «Черноморская здравница», сидя в лабораторном корпусе, в кабинете А. В. Дубеня. Впрочем, «корпусом» трудно назвать барачного типа постройку, соседствующую с гаражом и мастерскими. В помещении тесно, сумрачно, сыро. Книги и бумаги держать здесь нельзя — разбухают от влаги, покрываются плесенью.

— В помещении насосной мы смогли бы разместить хорошую лабораторию, даже устроить небольшой музей природы,— считает А. В. Дубень.— Научная работа, конечно, ведется и в сегодняшних условиях, но для биосферного заповедника, получившего сертификат ЮНЕСКО, иметь такую лабораторию просто неприлично. Как вы считаете?— обратился к нам Дубень.

— А как считает «Водоканал»?

— Да вот, читайте газету. Обещания, заверения, а все остается по-прежнему. Пресса за нас борется, общественность возмущается... Мы и сами звоним во все колокола, требуем вернуть заповеднику его землю. Академик В. Е. Соколов, заместитель министра сельского хозяйства СССР А. А. Гольцов направляли руководителям Краснодарского края свои письма — пока безрезультатно. Водоканальцы сначала говорили, что хотят разместить здесь пионерский лагерь для детей сотрудников своего управления, потом пошли разговоры о базе отдыха... Что там теперь — сказать точно не можем, охрана нас за проволоку не пропускает: «запретная зона»!..

— Перед нашими учеными сейчас стоит очень важная задача: подготовка к первому Международному конгрессу по биосферным заповедникам,— рассказывал нам Анатолий Михайлович Хохлов, директор Кавказского биосферного заповедника.— Собран и обрабатывается богатейший материал, наблюдения продолжаются. Здесь, в роще, вы познакомились с представителями растительного мира, теперь вам надо подняться в горы, увидеть места обитания животных...

...Поселок Красная Поляна не назовешь высокогорным — он всего в шестистах метрах над уровнем моря, но на самом деле эта условная вертикаль выглядит крутой дорогой с резкими поворотами, пропастями и скалами, нависшими прямо над головой... Мы едем в так называемое Южное лесничество — один из участков огромного заповедника на склонах Главного Кавказского хребта.

— Особенность заповедника в том, что вокруг него — зоны интенсивнейшей хозяйственной деятельности человека,— рассказывает нам по пути А. В. Дубень.— Заповедник, словно бы живой природный индикатор, сигнализирует о состоянии биосферы. Мы можем предположить, ведя здесь исследования, каковы предельно допустимые нормы загрязнения воздуха, как это загрязнение влияет на рост трав, деревьев, на жизнь животных. В Париже, например, хранится эталон метра, а мы здесь охраняем эталон Кавказа, каким он был и каким должен быть всегда. Вот почему недопустимо даже малейшее вмешательство в жизнь заповедника: ни туристские экскурсии, ни выпас или даже прогон скота не должны нарушать естественного состояния природы.

— Когда был создан этот заповедник?

— В 1924 году, постановлением Совнаркома. Интересная деталь: маленькая оплошность его создателей чуть не привела к непоправимой беде. Заповедник был назван тогда Кавказским зубровым — здесь обитали зубры. И местные охотники — учтите, шел 1924 год! — решили: если мы перебьем всех этих зверей, заповедника не будет, и мы сможем охотиться, как прежде! Ученые спохватились, когда к 1927 году зубров в заповеднике действительно не осталось. Казалось, эта уникальная экологическая разновидность — зубр горный кавказский — исчезла навсегда. Но после долгих поисков выяснилось, что один зубренок еще до революции был вывезен в Беловежскую пущу, потом перекуплен Гамбургским зоопарком. В общем, только в сороковых годах удалось заполучить потомство того «последнего из могикан». Сейчас в заповеднике более восьмисот зубров, я их часто встречаю во время своих экспедиций. Благоденствуют! Можно твердо говорить, что эта разновидность — зубр горный кавказский — восстановлена...

На темы об истории Кавказа Александр Владимирович может говорить бесконечно, впрочем, как и на темы, связанные с жизнью и работой заповедника. Кабинетным ученым его никак не назовешь: за годы работы, изучая жизнь высокогорных копытных животных, он обошел (вернее, облазил) все кавказские кручи, но не с ружьем, а с фотоаппаратом. У него масса уникальных снимков животных (малая толика их — на нашей вкладке), и каждый снимок — целая история. То сутками выслеживал горного тура с какими-то особыми завитушками рогов (оказывается, это маленькое, но открытие!), то однажды подстерегал серн на солонцах, а на него нос к носу вышла рысь! Чего только не случалось — попадал туру на рога, кочевал «по долинам и по взгорьям» вслед за семейством зубров...

— А были встречи с браконьерами?

— Чаще, чем хотелось бы. Мы знаем все их «засидки» у солонцов, знаем тайные тропы через горные перевалы, ловим, штрафуем, конфискуем оружие, но случаи все равно есть. Правда, у нас хорошо организована егерская патрульная служба, и местное население нам активно помогает... Да вот пример: сейчас мы проедем мимо турбазы «Красная Поляна», а у нас с этой турбазой не антагонизм — дружеский, деловой контакт. Мы помогли им проложить и оборудовать тропы в живописнейших местах рекрационной зоны и знаем, что всегда там будет полный порядок, чистота, что туристы этой базы, так сказать, надежно охраняют границу заповедника...

От тихого, прижавшегося к склону горы поселка Красная Поляна мы поднимаемся вверх по крутой дороге, скорее, даже тропинке. Вокруг снежные шапки хребтов Псеашхо, вершин Ачишхо, Аибга, буйные заросли, цветы, белая пена над прозрачными струями речки Пслух... Так же называется кордон — цель нашего пути. Вот шлагбаум — граница заповедника, за ручьем видны несколько небольших домиков, пасущаяся лошадь, маленький ярко-красный трактор у огороженного садика.

Дальше мы идем в сопровождении лесника-наблюдателя Виктора Салтыкова, мохнатой собаки по кличке Яшка и коня Абханак. Конь упруго приседает на тонких ногах, испуганно косит глазом на гостей...

— Браконьерский,— кивает в его сторону Виктор.— Хозяин его ушел от нас, вот законная добыча. Ждем — может, вернется за конем, а?

Чем-то Виктор не похож на традиционного лесника, хотя внешне все на месте — дочерна загорелое лицо, карабин, тесак на поясе... Может, речь слишком городская для горного жителя? Оказалось — действительно, он окончил Одесский университет, получил специальность физика, работал преподавателем. И... «заболел» горами после одной из поездок на Кавказ. Стал проситься на работу в заповедник. Общее собрание лесников решило — пусть попробует. Это было пять лет тому назад.

— Только сейчас я начинаю ощущать себя настоящим лесником. А раньше смотрю вокруг и ничего не замечаю. Мне говорят: вон они, туры,— а я не вижу...

— Наверное, это не самое главное в вашей новой профессии.

— Как сказать! Здесь все важно. Дрова нарубить, оседлать лошадь, не забыть ничего в дорогу — без этого не проживешь. А если говорить о главном, то это чувство близости к земле. Мы все любим землю, все ценим ее, но только здесь я понял, как нужна она мне и как беззащитна. Потому и охраняю ее. И не считаю, что новая профессия менее важна, чем прежняя. А вот друзья мне пишут: «Брось ты, Витек, дурить, возвращайся, займись делом!» Я не обижаюсь — просто они далеки от земли.

— Но, согласитесь, такой «жизненный скачок» все же необычен...

— Необычен? Да у нас на кордоне из четырех лесников трое — с высшим образованием! Вот Володя Абрашкевич — математик, приехал из Ленинграда с женой, она театральный работник. Трудно им пока — я помню, каково нам с женой было в первый год. У меня еще были какие-то крестьянские навыки, а Наташа моя по специальности искусствовед... Сейчас она спокойно идет в Поляну за дочкой в музыкальный интернат, а это двадцать километров по горам, туда и потом обратно!

— Вы не думаете пополнить свое образование по новой профессии?

— Да, обязательно! Вы знаете, прежнее представление о том, что у лесников свое дело, а у ученых — свое, теперь уже никого не устраивает. Если не знаешь природы, не понимаешь повадок животных, то, сколько ни живи, будешь чужим в горах. В общем, заповедник для меня — тот же университет, и интеллектуальный и духовный... Одну минутку! Видите, на склоне пестрые пятнышки? Туристы пожаловали, «дикари»! А там, правее, видите, туры показались! Их, туров, сейчас спугнуть ничего не стоит, уйдут за границу заповедника, а там охотники...

— Как вы с ними думаете поступить?

— С кем? С турами или туристами?—засмеялся Виктор похожести слов.— С туристами проведу воспитательную беседу и провожу до границы, а туры — вам! Смотрите в бинокль, наслаждайтесь!

Мы так ничего и не увидели, сколько ни водили окулярами по скалам, зеленым пятнам зарослей, снежным языкам горных отрогов. Наверно, глаза у нас непривычны, или, как говорят лесники, «закрыты» городом... Но все равно ведь они здесь есть, туры и серны, олени и зубры, медведи и волки, а это значит, что по-прежнему жив и здоров древний Кавказ...

Осторожная рысь позволила фотографу сделать несколько кадров * На высоте в две тысячи метров лежит озеро Ачипста * Кавказские зубры * Красивейший уголок урочища Чугуш — озеро Круглое * Еще миг — и серны исчезнут в скалах...

На весеннем солнышке.

Марк БАРИНОВ,
фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

...Нас разбудило яростное, звенящее птичье многоголосье. Ясно различались нежные флейты и певучие скрипки, отрывистые звуки щипковых инструментов и даже глухие удары барабанов. Но уж если сравнивать этот торжественный утренний гимн свету и жизни с оркестром, то придется признать, что было в нем множество неведомых нам, не сравнимых ни с чем инструментов...

Болото вокруг нас было переполнено удивительно концентрированной и многообразной жизнью.

Все ярче разгоралась заря. Розовый свет, окрашивая туман, лежащий над мхами, высвечивал тонкие акварельные силуэты кустарников, деревцев, скрадывал расстояния, превращал нежные тростинки в могучие стволы древнего леса.

Едва проснувшись, едва вернувшись из царства снов, мы сидели в своей шлюпке, зачаро-

ВОДА ИЗ ОЗЕРА П

Сельский почтальон Анатолий Степанович Степакоч.

ванно глядя вокруг, будто опять погружаясь в сказочный сон.

Много раз описана дикая красота горных пейзажей. Неизъяснима прелесть тихих среднерусских лесов. Потрясает воображение зеленый океан сибирской тайги. Бесконечно волнует душу русского человека бескрайняя ширь родных полей. Но удивительная, колдовская красота, завораживающие ритмы болотного края стали для нас истинным открытием.

Есть на нашей Русской равнине особенное место — Валдайская возвышенность с ее многочисленными отрогами. Отсюда берут свое начало многие великие и малые, знаменитые и не очень знаменитые реки, речки России. Шелонь и Великая, Ловать и Мста, Западная Двина и Полисть, Уда и Ашевка и сама, наконец, наша матушка Волга. Имена эти звучат как песни, как былины. Имена — знаки нашей многовековой истории.

Откуда же берется река? Еще детьми мы знаем: бьет из-под земли ключик, течет ручеек. Потом он каким-то образом набирает силу, превращается в речку... Так, да не так.

Слишком уж просто мы понимаем мир в детстве. Нередко такое понимание сохраняется на всю жизнь. Но природа ведь далеко не проста, и примитивный подход к ней... Впрочем, об этом — позже. А на самом деле начинается река так...

Узнал я об этом в самой, пожалуй, необычной своей командировке за всю долгую журналистскую жизнь, когда на большой шестивесельной шлюпке «Ял-6» с молодежным экипажем клуба «Встреча с будущим», пройдя вверх по рекам Сороти и Ашевке до самого

ОЛИСТО

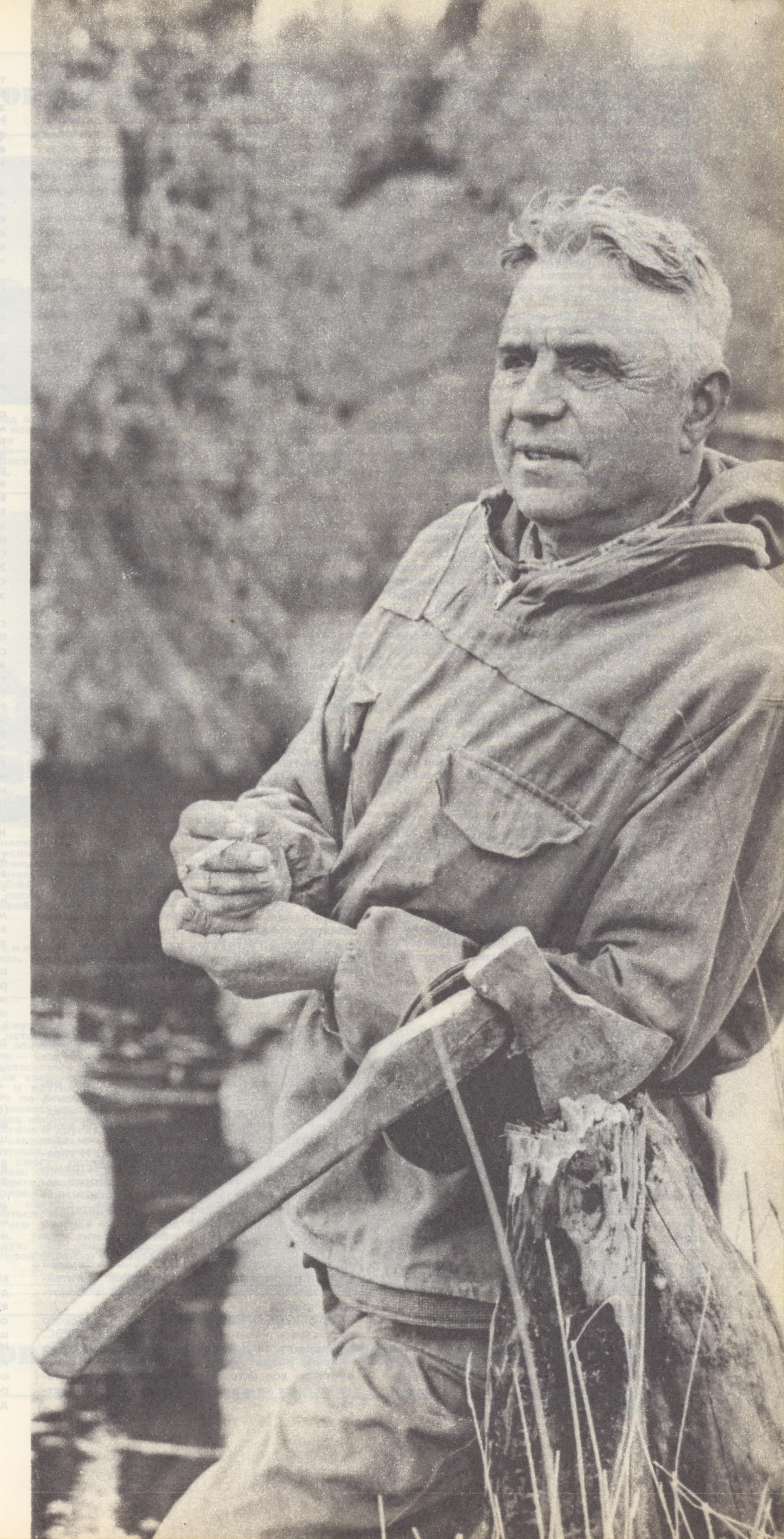
гребня водораздела, перешел в бассейн реки Полисти.

Так вот, узнал я из этого путешествия, что на самом деле река начинается из воды. Вода стоит наверху в многочисленных озерах, в бесконечных болотах, струится в подземных протоках. Озерный край, болотный край, край воды, кладовая воды — вот что такое начало наших великих рек Европейской России.

Река Полисть начинается там, где среди огромного болота лежит цепочка озер: Деревенец, Дубец, Цевло и Полисто. Цевло означает середину, а Полисто, главное озеро — огромный овал поперечником в двенадцать километров,— переводится на современный язык как озеро среди болот.

Здесь всегда жили люди. Вернее, издревле. Самобытная это была жизнь. На островах, возвышавшихся над зыбкими пучинами, стояли деревни и деревеньки, отрезанные от всего мира. Связью с большой Россией были водные пути.

На озере Полисто мы обнаружили деревеньку с удивительным древним именем

Ветеран войны и труда ухошинский лесник Иван Васильевич Артемьев.

Веряжка. Да, да, это имя пришло от варягов. Быть может, здесь, в этом самом месте, в заливчике, где стала на швартовы наша шестерка, тысячу лет назад так же стояли их корабли. Куда они направлялись? С нами по пути — в Новгород или в противоположном направлении — во Псков? А неподалеку от Веряжки древняя столица болотного края — село Полисто. Сегодня тут всего два дома, кладбище да фундамент древнего храма Георгия Победоносца. Необычное имя церкви напоминает о том, что люди жили здесь всегда в «готовности № 1». Сколько побывало тут разных любителей чужого добра, чужой земли? Не счесть. А в последнюю войну сожгли фашисты и храм Георгия, выжгли и все полистовские деревни в болотном партизанском краю.

А край богат особенными, необычными сокровищами. Россыпи всех самых ценных, целебных ягод драгоценным ковром покрывают мхи на огромных пространствах. Клюква и морошка, брусника и голубика, черника и костяника... А неподалеку от Полисто раскинулось Русское озеро. Оно дало свое имя не только реке, вытекающей из него,— Порусье. В болотном краю древнее занятие местных жителей — маслобойное производство. В водах озер обитает вкуснейшая пресноводная рыба.

Непросто в наше время вести земледелие и животноводство в таких вот «медвежьих углах». Было время, когда разбегались люди отсюда в города, в большие совхозы и колхозы. Сегодня здесь появились тенденции к переменам. На великолепных пастбищах болотных островов, на побережьях озер стали заводить телят на откорм. Жители по договору с совхозом выращивают их и сдают с немалой выгодой и для себя и для государства. И сбор ягод приобретает все больший размах, и рыбу ловят во все больших количествах. Но все это пока лишь ростки полезного, многообещающего дела, которому предстоит еще развиваться.

А люди какие тут живут?.. Вот один штрих для коллективной их характеристики. В большую проблему в поездке-плавании выросли для нас закупки продуктов у местных жителей. Наши «заготовители» возвращались обычно с ведрами изумительного молока, мешками картошки величиной с кулак, яйцами, домашними холодцами, ягодами, вкуснейшими караваями домашнего хлеба и неизменным сообщением: «Денег не берут ни за что!» Ну и ломали головы: чем отдаривать? В ход шли московские упаковки сушек-«челночков», конфеты и другие нехитрые столичные деликатесы. Брали нехотя, после дотошного выяснения: а хватит ли нам самим?

Да и не такие они отшельники, эти люди: над каждым домом телевизионная антенна, и самолет, внук военного «кукурузника», регулярно приземляется на ухошинском аэродроме, и фельдшер ухошинский Володя Опанасенков в любой момент может вызвать вертолетную «Скорую помощь».

* * *

...Отойдем в сторонку, подальше. Что же мы увидим? Сложную систему: болотный, озерный край — начало многих рек, речек, ручьев, которые в целом в немалой степени определяют нашу жизнь. Можно сказать, что воду из озера Полисто пьют и ленинградцы, и новгородцы, и псковичи, и эстонцы. А еще можно сказать, что «состояние здоровья», «настроение» болотного, озерного края влияет на многие стороны жизни Европейской России, а в первую очередь на климат и на благополучие сельского хозяйства. Размышляя об этом, приходишь к выводу, что «болотные люди» — главное звено в этой сложной системе. Очень любят они свой край, щедрые, отзывчивые, прямодушные. Очень любят они свой край и... губят его. Причинно-следственная цепочка весьма примитивна.

Издревле, со времен палеолита, сложилось у людей простое и ясное отношение к окружающей природе. Сформулировано оно может быть так: «Природа для тебя». Иными словами: бери сколько хочешь, делай с ней все, что тебе надо. Так было из века в век, из поколения в поколение, такое отношение закрепилось в психологии людей на правах естественного критерия.

В последние десятилетия стремительное развитие НТР наглядно показало в городах, в крупных промышленных регионах, чем грозит такое отношение. Мы свидетели знаменательных перемен в психологии, в практике нашего крупномасштабного хозяйствования. Однако эти перемены происходят там, где угроза наглядна, где горячи точки научно-технического прогресса. А вот в стороне от магистралей НТР положение иное. На первый взгляд болото дремлет, как и тысячелетия назад. Но это лишь на первый взгляд. Сегодня в руках у «болотных людей» современная техника. А что это значит, мы видели собственными глазами.

Мы шли по высокой воде, которая заливала луга, поля, леса. Проходили мимо белых, размываемых буйным половодьем холмиков удобрений, которые завезти завезли, а завершить важную полевую работу либо сил, либо времени, либо желания не хватило... Мы проходили мимо мощных скоплений техники — совхозных машинных дворов, и вода в таких местах жирно переливала всеми цветами радуги. Люди на берегу делали свое издревле привычное дело: мыли, обхаживали своих «коней» (а какая для них разница: прежде кони были живые, теперь — стальные?!). И как всегда, как при отцах, при дедах, половодье уносило все куда-то вниз, с глаз долой. Они не плыли, как мы, с половодьем, не знали, на сколько километров сверкает на весеннем солнце ядовитая пленка. И на Сороти, и на Ашевке, и на Верхних озерах, и на Полисти люди очень мало задумываются о своей воде. Десять километров вверх, десять вниз — это знакомые края, а что дальше — неизвестно. У жителей здешних нет в душе цельного понятия — река.

Нередко думалось: взять бы нам с собой не только местных руководителей всех рангов, но и всех прибрежных жителей да пройти с ними наш путь от самого верха до самого устья. Чтобы увидели они ту самую грязно-бурую Полисть, некогда прозрачную красавицу, бегущую под мостами Старой Руссы. Думалось, лучше любой лекции, любого телекинопутешествия была бы для них такая экскурсия.

Мы видели современные животноводческие комплексы, спускающие целые озера навозной жижи туда же — в половодье. И ведь не злодеи это делают... Со злодеем куда как проще: обнаружил, изолировал, наказал. А с ними что делать? Воспитывать! Это в сто раз труднее, чем просто наказать. А конечная цель такого воспитания — привитие людям основ технической культуры. Труженикам здешних колхозов и совхозов жизненно необходимо в самую душу вкладывать понимание того, что современное сельскохозяйственное производство, так же как и промышленные предприятия, обязано беречь природные воды.

...В Старой Руссе, стоя на мосту через реку, я спросил проходящую молодую девушку, почему у них тут река такого буро-шоколадного цвета. «Не знаю, она у нас тут всегда такая...» Полтора-два десятилетия назад Полисть была на редкость чистой рекой. Засорение началось после того, как в болотный край пришли мелиораторы и торфозаготовители, объяснил мне старик гидролог, давний житель Старой Руссы.

Мы видели работу мелиораторов. Весь регион верховых озер Пылец, Дубец, Цевло, Деревенец, Полисто на многие десятки квадратных километров расчерчен решеткой каналов. Обходя низкие мосты на реке, мы сделали большой крюк по этим каналам. И главное впечатление от этого плавания — стремительное, бурное течение, против которого мы с трудом выгребали веслами в помощь нашему полным ходом работающему «Ветерку». Вода с болот мчалась, летела, убегала вниз по каналам, и было ясно, что болота в этих краях, где легла решетка мелиораторов, обречены. А рядом с войском уничтожителей болот трудятся торфоразработчики. Богатейшие запасы торфа хранятся здесь, в болотном краю.

Торф нужен и как удобрение для сельского хозяйства и как топливо для Псковской ГРЭС. Но реки-то за последние годы стремительно мелеют, озера заиливаются, «болотный аккумулятор» вод истощается. Озерной рыбы становится все меньше, и климат сильно меняется...

Продолжая эти размышления, надо быть осторожным. «Мелиорация и торфоразработки в болотном краю вредны!» Можно ли так сказать? И на чем основывать это утверждение? На собственных впечатлениях?.. Добыча торфа, мелиорация, охрана природной среды — ведь это все элементы нашего хозяйствования на своей земле!

Впрочем, есть доводы серьезные. Крупнейший наш специалист-болотовед, член-корреспондент Академии наук СССР Н. И. Пьявченко сказал мне весьма определенно: «Болота в истоках рек трогать нельзя. Кроме тех исключительных случаев, если болота наступают на жилье или хозяйственные объекты».

Остальные ученые из Москвы, Ленинграда, Пскова — около десяти человек — в своих «микроинтервью» дали о судьбе болот в верховьях рек весьма широкую гамму отзывов. От «категорического» осушения до не менее «категорического» объявления зон верховых болот заповедными. Ясно, что единой точки зрения нет, и потому в таких случаях надо быть крайне осторожными и внимательными. Ведь речь идет о вмешательстве в природные процессы! Здесь, в болотном краю, мы сталкиваемся с весьма характерным для нашего времени явлением. Речь идет о дефиците научно-практического обеспечения народнохозяйственных программ. С подобным явлением я уже встречался, знакомясь с современными проблемами археологии. Дело в том, что все крупные стройки, связанные с земляными работами, должны быть обеспечены археологической разведкой: не погубят ли строители ценных исторических объектов? У археологов серьезная проблема: где взять столько специалистов, чтобы обеспечить все заявки?

Похоже, что не менее серьезно дело обстоит с работами на болотах. В Пскове, например, мне сообщили, что «мое» Полистовское болото включено в список будущих заказников. А как же с теми работами, которые уже ведутся? Ученые сказали еще о том, что последние взгляды на использование торфа в качестве топлива могут быть сформулированы как отрицательные: слишком дорогой органический материал, чтобы просто жечь его. А как же быть с существующими уже, с осуществляемыми планами и программами? Все яснее видно, что живем мы в такое время, когда идет естественная в эпоху НТР переоценка ценностей, и надо уметь быстро реагировать на новые хозяйственно-экономические ситуации.

А вот как воспитать «болотных людей» в мысли о том, что в нынешних условиях, с современной техникой в руках, надо любить свою землю бережнее,— это уже дело идеологическое, политическое, партийное дело на много лет, точнее, навсегда. Учить надо новому качеству взаимоотношений в системе «человек — природа».

И еще проблема, которую предстоит решать в этих краях. Хозяйство здесь своеобразное, ни на какой другой регион не похожее. Сейчас начинает понемногу оживать на островах в болотах, по берегам рек и озер своеобразное хозяйствование, основанное на долговременных договорных отношениях местных жителей с совхозом. Все в самом начале, но перспективы богатые.

Уже подсчитано, что стоимость лесной разнообразной продукции с одного гектара леса (без порубочных работ) выше стоимости древесины на том же гектаре. Стоимость продукции с гектара болот не подсчитана, однако тому, кто побывает здесь, ясно видно и «невооруженным глазом»: весьма велика эта стоимость!

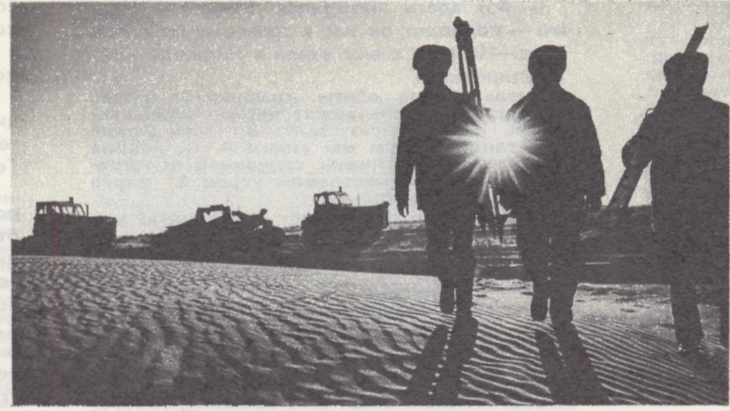
Ну, а если попытаться свести воедино все эти вопросы, заботы, проблемы? Как следует человеку в своей обычной практической жизни относиться к окружающей среде, к живой природе?

Был в нашем путешествии и такой разговор. Старый мудрый человек — лесник из деревни Ухошино Иван Васильевич Артемьев сказал: к природе в наше время надо относиться, как к любимому саду. Защищать от всякого вреда, от всякой скверны. И пользоваться плодами этого сада без всяких сомнений. Только с умом, с расчетом, с оглядкой, со всяческим бережением. Тогда и реки будут чистыми, и поля богатыми, и люди веселыми.

УЗБЕКСКАЯ ССР

ТАМ, ГДЕ ВИХРИЛИСЬ БАРХАНЫ

«Хорезм» в переводе с узбекского — «Солнечная земля». Но лишь обильная вода делает эту землю плодородной. Благодаря строительству Туямуюнского гидроузла, регулирующего ток Амударьи в ее низовьях, все новые и новые тысячи выжженных солнцем гектаров оживают, расширяя древнейший оазис за счет барханных песков. Хлопчатник, рис, виноград, овощи зелеными массивами теснят пустыню. Встают благоустроенные поселки со всеми коммунальными службами, школами, амбулаториями, кинотеатрами.

«Под ключ» сдают земледельцам новую землю строители треста «Хорезмсовхозводстрой» — экскаваторщики, бульдозеристы, монтажники, каменщики, отделочники. Бригада экскаваторщиков Янгибазарского строительно-монтажного управления во главе с Раисом Мухамедшиным, например, уже в 1982 году справилась с планом одиннадцатой пятилетки.

Солнцу и воде нужен хороший и надежный хозяин, постоянно живущий на этой возрожденной земле. Поэтому и строят все в комплексе: и жилые дома и культурно-бытовые объекты. Для обеспечения рабочих и служащих мясо-молочными продуктами развивают подсобные хозяйства со стадом крупного рогатого скота в триста голов, отарой овец в сто голов, около трех тысяч кур. И это на бывших барханах...

...Рано, по утренней прохладе начинают свой рабочий день строители новых совхозов пустыни — «голубых городов», которые веками снились хорезмцам.

В. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

На снимке: освоение новых земель в совхозе «Абад», Багатского района, Хорезмской области.

Фото Р. Джуманиязова

УКРАИНСКАЯ ССР

КРАН-ГИГАНТ

Чуть более полувека назад, в 1931 году, на заводе имени Январского восстания была выпущена первая продукция — 10-тонный паровой железнодорожный кран. За прошедшее с тех пор время «Январка» превратилась в крупнейшее, базовое специализированное производственное объединение. Краны с одесской маркой стали надежными помощниками строителей БАМа и КамАЗа, атомных электростанций, многочисленных новостроек разного назначения. Они экспортируются в 32 страны мира. И это не случайно. Удельный вес продукции со Знаком качества составляет на заводе 56 процентов, с гордостью носит он звание «Объединение высокого качества продукции».

В августе 1974 года началось сотрудничество советских и польских краностроителей. Недавно на второй международной выставке строительных и дорожных машин, средств механизации строительно-дорожных работ демонстрировался первенец новой серии — стотонных гигантов совместного советско-польского производства — кран «Январец-Бумар». Он мобилен, обладает солидной скоростью передвижения — 50 километров в час, его можно использовать для самых различных работ.

Сейчас новая машина модели КС-8471 проходит испытания, после чего будет налажен ее серийный выпуск.

Я. ЛЕВИТ

На снимке: кран «Январец-Бумар».

Фото автора

ЭСТОНСКАЯ ССР

ПОЖАЛУЙТЕ В «ЭСТОНИЮ»

В одном из российских журналов осенью 1913 года сообщалось: «Только что открытый театр «Эстония» в Ревеле построен по проекту финских зодчих А. Линдгрена и В. Лэнн. Он включает обширные залы: театральный, концертный и казино. Постройка обошлась в миллион рублей».

Есть и еще одна дата — предваряющая биографию нынешней «Эстонии»,— 1865 год: именно тогда было основано культурно-просветительное общество «Эстония». Сначала оно ставило самодеятельные спектакли и устраивало вечера танцев. И все. Но вот общество поселяется в одноэтажном неоштукатуренном, построенном из известняка доме на нынешней улице Сакала. (Дом не сохранился.) К нему пристраивается театральный зал, в саду проводятся вечера и концерты. Здесь в 1906 году под руководством актеров Пауля Пинна и Теодора Альтмана и начал свою деятельность профессиональный театр «Эстония». Когда встал вопрос о новом здании, начался сбор общественных средств. Строительство здания театра было закончено за четыре года. По заказу общества «Эстония», которое боялось понести убытки, архитекторы, муж и жена, Линдгрен и Лэнн в своем проекте предусмотрели не только казино, но и магазины на первом этаже...

После Великой Отечественной войны пострадавшее от боевых действий здание театра было быстро восстановлено, а все бывшие магазины приспособлены для чисто театральных нужд. Начались годы глубокого постижения искусства и совершенствования мастерства. Никогда «Эстония» не была так популярна в республике и за ее пределами, как нынче.

Оперный зал всегда заполнен до предела, билеты обычно распроданы на месяц вперед.

— Мы даем в год четыреста спектаклей,— рассказывает Антс Сыбер, директор театра.— Триста в Таллине и сто выездных. Каждый год театр показывает зрителям не меньше семи премьер.

Зрители Москвы, Ленинграда, Киева, Финляндии, Чехословакии, Дании, Норвегии, Исландии приветствуют на своих сценах Маргариту Войтес, Ану Каал, Хендрика Крума, Тео Майсте, Тийта Хярма, Элиту Эркину...

Из небольшой группы актеров-любителей театр оперы и балета «Эстония» стал одним из интереснейших художественных коллективов страны.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

Фото В. Сальмре

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

ПАССАЖИР РЕЙСА 3853

перенес перелет Хабаровск — Минводы нормально и уже доставлен к постоянному месту дальнейшего жительства.

Тихон, как окрестили этого необычного пассажира, оказался самым крупным из 28 полосатых красавцев тигров, взятых за сорок пять лет работы дальневосточным промысловиком Кондратом Шевкуновым. Двадцать восьмой трофей тигролова в трехлетнем возрасте имеет вес 150 килограммов. Проезд его Аэрофлотом оценен в 300 рублей.

В Амуро-Уссурийском регионе — кстати, это единственное место обитания тигров в нашей стране — насчитывается более 250 полосатых хищников. Отлов их для зверинцев и зоопарков СССР и других стран ведется строго по лицензиям, не более пяти животных в год.

Через некоторое время после карантина и других формальностей, связанных с «пропиской», посетители Нальчикского зоопарка смогут познакомиться с Тихоном. Однако обязан предупредить фотографов: Тихон, наверное, из-за сильной скромности наотрез отказывается сниматься. Моя попытка сотворить его портрет не удалась. Тихон, увидя аппарат, так рявкнул, что дрогнули руки. От второй попытки я отказался.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

НАШ ДРУГ ГАНС АЛЬБЕР

Показывая друзьям и знакомым эту фотографию из семейного альбома, всегда слышу: «Кто этот симпатичный и добрый человек?».

На снимке — Ганс Альбер, энтузиаст своего дела, друг нашей страны.

Вспоминается холодный январский день. Дует бешеный ветер, и наш автобус, в котором сидят двадцать советских моряков, раскачивает из стороны в сторону, словно едем мы не по асфальтированному шоссе, а вновь плывем по бурному Балтийскому морю. Мы едем из Варнемюнде, где ошвартовалась наша «Балтика», на остров Рюген. Здесь, в портовом городе Засниц, в 1977 году открыт мемориальный вагон-музей В. И. Ленина.

Сюда, в последний пограничный пункт Германии, прибыл 30 марта 1917 года Владимир Ильич вместе с товарищами по партии и единомышленниками, возвращаясь из эмиграции в революционную Россию.

И вот перед нами темно-зеленый железнодорожный вагон. У двери табличка с надписью: «Для некурящих». Нас радушно встречает плотный, энергичный мужчина в очках, с доброй, располагающей улыбкой. Так мы познакомились с Гансом Альбером — директором мемориального вагона-музея. Он так живо и увлеченно рассказывал о путешествии Владимира Ильича и его товарищей из Швейцарии через воюющую с Россией Германию, словно ехал сам.

— Вот здесь находился Владимир Ильич! — подводит он нас к третьему от входа купе.— Вместе с ним ехала и Надежда Константиновна...

Диваны купе обиты красным бархатом. На верхней полке лежит черная шляпа-котелок, рядом висит зонт. В такой шляпе и с таким зонтом мы видим В. И. Ленина на знаменитом снимке, сделанном фотографом Викке Мальмстремом утром 31 марта 1917 года в Стокгольме.

Ганс Альбер показывает очерченную мелом полосу, отделявшую от остального вагона самое первое, «особое» купе. В нем ехали сопровождавшие русских эмигрантов германские офицеры. Переступать черту никому, кроме швейцарского интернационалиста Фрица Платтена, не разрешалось.

Много труда приложили работники музея, чтобы отыскать вещи того времени, воссоздать обстановку. Ганс Альбер рассказал, что вагон был найден в апреле 1977 года на вокзале небольшого городка Заальфельда на юге страны. Были обнаружены еще два подобных вагона, но они находились в столь плачевном состоянии, что не подлежали реставрации.

Торжественное открытие мемориального музея состоялось 25 октября 1977 года. Первыми его посетителями стали работники советского посольства в ГДР. Директор музея показал нам выполненный на дереве портрет Ленина с дарственной надписью советского посла.

— У нас уже побывало около ста тысяч посетителей,— сказал Ганс Альбер.

Половина вагона отведена под экспозицию, рассказывающую об историческом путешествии В. И. Ленина из Цюриха через Германию до Засница.

Ганс Альбер подарил мне на память ксерокопию газеты «Нойе Цюрихер Цайтунг» от 16 марта 1917 года. Из этой газеты Владимир Ильич узнал более подробные новости о событиях на родине. На первой полосе напечатаны телеграммы о революции в России, об отречении царя от престола, о составе временного правительства во главе с князем Львовым. Здесь помещен пространный редакционный комментарий с рассуждениями, будет ли Россия продолжать войну до победного конца.

От директора музея мы узнали некоторые подробности о самом последнем отрезке путешествия В. И. Ленина и его товарищей от Штральзунда до острова Рюген. В 1917 году Штральзунд и Засниц не были соединены железнодорожной веткой. Мост построили только в 30-е годы. В. И. Ленин со спутниками доехали до вокзала Штральзунда, а оттуда на пароме добрались до порта Засниц и затем пересели на шведский пароход, совершавший рейсы между Засницем и шведским портом Треллеборгом.

В 1970 году на вокзале Штральзунда установлена мемориальная доска в честь приезда сюда в 1917 году В. И. Ленина. А в честь открытия мемориального музея выпущена памятная медаль.

В книге отзывов музея — сотни благодарных записей на немецком, французском, арабском и, конечно, русском языках. Сердечно поблагодарили и мы немецких товарищей и лично Ганса Альбера за создание интересного музея.

Е. КУНИЦЫН,
пассажирский помощник капитана турбоэлектрохода «Балтика»

Ленинград.

среди книг

НЕПОДВЛАСТНЫЕ

«Небольшая, в двадцать домов, белорусская деревня Ивановичи жила тихо и замкнуто до июня сорок первого. Электричества и радио тут не было, почту приносили нерегулярно, и потому о войне в деревне не сразу узнали, а лишь на второй день...»

Вот в этой деревне и жила до войны скромная, ничем не выделявшаяся учительница Ольга Васильевна Сухорук, одна из героинь новой повести Сергея Баруздина «Пора листопада».

Оккупировав деревню, представитель фашистской власти обер-лейтенант Ганс Ветцель был вполне уверен, что уж в таком-то захолустье Советская власть не имела никакого влияния на людей и он встретит здесь полную их покорность. В дом приглянувшейся ему молодой учительницы Ветцель вошел со словами сочувствия: «Да, немного вам дали Советы...» Он рассчитывал не только на успешные любовные шашни, но и на сотрудничество в борьбе с партизанами. И вдруг услышал резкое:

— Не понимаю, как нация, давшая миру Баха, Бетховена, Гете, Гейне, Шиллера, Вагнера, наконец, Карла Маркса, могла прийти к фашизму? К Гитлеру?

В этом маленьком эпизоде писатель ярко показал столкновение двух миров с прямо противоположными взглядами на жизнь. Ведь геббельсовская пропаганда убедила свою армию в том, что Советское государство при первом же ударе немецкого сапога распадется как карточный домик. И потому солдаты и офицеры вермахта надеялись легким победным маршем пройти по магистральным дорогам Страны Советов, сделать ее землю своей вотчиной, а наших людей — рабами, которые будут безропотно гнуть на них спину. И вдруг тут, в глуши, такой отпор. Гитлеровский офицер удивлен и обескуражен. Он не понимает причины такого открытого, резкого сопротивления и верит, что люди просто еще не поняли, что такое великая Германия, ее новый порядок. И чтобы утвердить этот порядок, показать, что он пришел навечно, навсегда, он казнит первого попавшегося коммуниста — директора школы Максима Семеновича. Но патриоты ночью выкрали труп повешенного учителя, чтобы похоронить его с честью, и разъяренный Ветцель сжигает несколько домов, расстреливает каждого десятого жителя районного села, угоняет в Германию весь скот со всех деревень района и отнимает у населения весь хлеб: пусть знают, какой он, новый фашистский порядок! И когда Ветцель еще во время казни директора приметил в толпе согнанных на площадь людей Ольгу Васильевну, то твердо решил, что теперь-то она во всем ему покорится. Теперь он будет здесь полным и безраздельным властелином.

Фашист, привыкший к легким победам в других европейских странах, не понял, что эта его зверская расправа с самым уважаемым на селе человеком лишь еще больше утвердила в безмолвной с виду толпе веру в правоту своего дела, в силу духа советского человека. Если до этого молодая учительница от растерянности не знала, что ей делать, то, насмотревшись на варварство фашистов в своем селе, поняла, что должна немедленно вступить с ними в непримиримую, смертельную борьбу, и начала искать пути к партизанам.

И простая, неприметная учительница становится активным связным партизан...

Гитлеровцы, вооружившись до зубов и разведав военную мощь СССР, не учли лишь одного: не узнали души советского человека. Они и не подозревали, что Советы (так они нас кратко именовали) за короткое время сумели вырастить целое поколение людей, неподвластных насилию и рабству, людей гордых и свободолюбивых, которые не станут на колени перед врагом.

И вот он, высокомерный представитель «высшей расы» обер-лейтенант Ганс Ветцель, пал на колени перед партизаном и униженно просил пощады за свои кровавые злодеяния. «Партизаны поволокли Ветцеля на площадь, туда, где немцы повесили Максима Семеновича.

— Господа! Побойтесь бога, господа! — продолжал кричать Ветцель, стоя под виселицей.

— Именем советского народа за совершенные на белорусской земле преступления,— торжественно произнес Яков Леонидович,— обер-лейтенант Ганс Ветцель приговаривается к смертной казни...

Двое партизан в упор выстрелили в немца».

По всему произведению лейтмотивом проходит твердая вера в человека, которого ты любишь. Собственно, любовь исключает недоверие. В силу этого маленькая повесть С. Баруздина «Пора листопада» несет большую идейно-воспитательную нагрузку и встает в один ряд с заметными произведениями советской литературы о Великой Отечественной войне.

Семен БОРЗУНОВ

Сергей Баруздин. Пора листопада. «Октябрь» № 5, 1982.

В СЕГЕДЕ, ЗИМОЙ 1944...

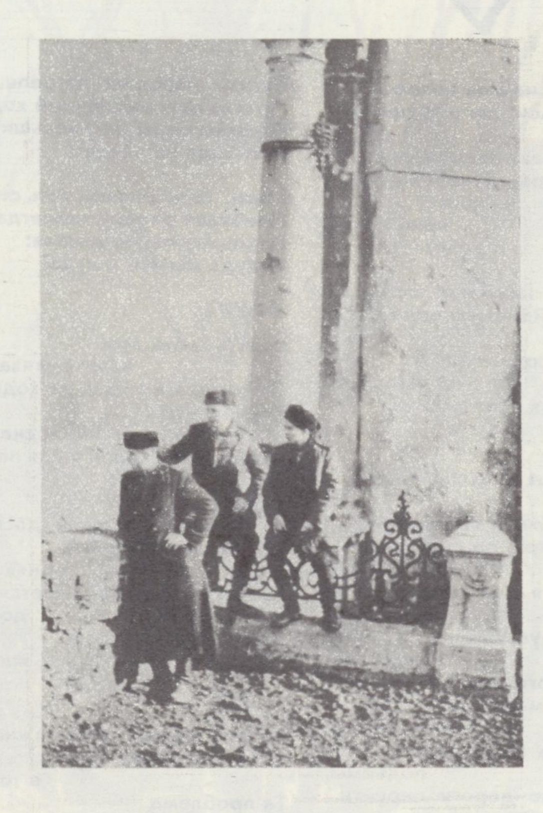
Дорогие друзья! Мне 63 года. Я врач, фронтовик, один из тех, кто, как говорится, «пол-Европы пешком прошагал». Освобождал от фашистов Румынию и Болгарию, воевал в Югославии, Венгрии, Чехословакии... Изгнав врага со своей родной земли, мы шли с освободительной миссией по Европе и уже тогда твердо верили: народы, познавшие тяжесть фашистского порабощения, изберут после войны новый, верный путь демократического развития.

Бок о бок с нами сражались против коричневой чумы солдаты освобожденных стран. Наше интернациональное братство по оружию скреплено кровью. За торжество интернационализма отдали жизнь сотни тысяч советских воинов.

И разве могу я сейчас без содрогания читать в газетах о зверином оскале империалистов, готовящих то «первый удар» по нашей стране, то «крестовый поход против социализма», то разрабатывающих планы «затяжной ядерной войны»... А не преступление ли против природы и людей химическая война, о которой взахлеб говорят пентагоновские генералы? Я вспоминаю при этом один фронтовой эпизод...

Дело было зимой 1944-го. Наша гвардейская стрелковая дивизия 46-й армии громила врага уже на территории Венгрии. Первым городом на пути дивизии был Сегед. Накануне разговоры у всех были об одном: как отнесутся к нам, советским солдатам, в стране, армия которой воевала против СССР? Как будем понимать людей, не зная ни слова из их родного языка? Но все тревоги оказались напрасными. Советских солдат встречали гостеприимно и с радушием, даже цветы появились. И это зимой!

У фронтовых медиков, конечно, свои заботы — разместить раненых, проверить, нет ли опасных заболеваний, да мало ли дел в перерыве между боями! На следующий день ко мне, дивизионному врачу, пришли несколько мужчин и женщин. Хотя и с большим трудом — переводчика не было, — но удалось понять, кто они и чего хотят. Оказалось, это персонал здешней больницы — врачи и медсестры. Нам предлагали помощь, что было особенно приятно. Мы не могли остаться в долгу перед коллегами. Так в городке уже к вечеру стал работать венгеро-советский полевой госпиталь, в котором лечились и солдаты и гражданские лица. Его назвали «Баратшаг» — «Дружба».

Помню, прибежал как-то запыхавшийся мальчик. Сбивчиво объяснял по-венгерски, чтобы все шли за ним. Привел в заброшенный винный подвал, в котором громоздились бочки с надписями по-немецки. Не поверите — холодный пот прошиб, когда узнали, что в этих бочках... иприт, сильнодействующее отравляющее вещество. А ведь еще по Женевским соглашениям 1925 года он был запрещен! Гитлеровцы не успели прихватить этот страшный яд с собой, так поспешно они бежали из Сегеда. Для нас и до этого случая не секретом было то, что в арсеналах вермахта имелось химическое оружие. Головорезы готовились применить его в любой момент, что им конвенции! Такие склады, как потом удалось выяснить, были разбросаны по всей Венгрии.

Вспомнить сорок лет спустя всех, с кем мы подружились тогда в Сегеде, не представляется возможным. В памяти имена Ференц, Янош, Марийка, Золтан... За те несколько дней, пока жили и работали вместе, выучили кое-какие слова по-венгерски. Когда поступил приказ дивизии выступать на Будапешт, тепло прощались, а на глазах у многих были слезы. Мы уходили из Сегеда, предстояло освободить столицу их родины — Будапешт. И уходили с твердой верой, что в больнице долго будут помнить русских врачей в белых халатах поверх гимнастерок...

Западнее Будапешта шли кровопролитные бои. В феврале 1945 года окруженная группировка немецко-фашистских войск была разгромлена и часть ее капитулировала. Целые соединения венгерских солдат отказывались воевать вместе с фашистами. Начальник военно-медицинской службы венгерской армии, который добровольно перешел на нашу сторону, сказал мне: «Гуманное отношение советского командования к гражданскому населению, к раненым и больным венгерским солдатам изменило мое отношение к Стране Советов».

Посылаю снимок, на котором я — справа. В центре — командир медсанбата нашей гвардейской стрелковой дивизии майор Махненко, слева — капитан медслужбы Давыдов. Таким предстал перед нашим взором освобожденный Советской Армией Будапешт. Фото сделал дивизионный фотограф капитан Лошаков.

М. МАРЧЕНКО,
заслуженный врач Таджикской ССР,
полковник медицинской службы в отставке,
ответственный секретарь общества «Знание» Таджикского государственного медицинского института

Душанбе.

ЖИТЬ И БОРОТЬСЯ

Советскому читателю хорошо известно имя писателя и журналиста, собственного корреспондента газеты «Известия» по Ближнему Востоку Евгения Коршунова. Главная тема его творчества — освободительная борьба за национальную независимость народов Африки, Азии и Ближнего Востока. Именно этой проблеме посвящены вышедшие ранее такие его произведения, как «Операция «Хамелеон», «И придет большой дождь», «Гроза над лагуной», «Псы войны... кому они служат».

В своей новой книге, «Наемники», автор завершает рассказ о вымышленном африканском государстве Гвиании, добившемся свободы и независимости и переживающем нелегкий период становления своей экономики и политической стабильности.

В романе Е. Коршунова ощущается горячее дыхание современности.

Как говорит майор Ннначи, возглавивший военное правительство Гвиании, борющейся с коррупцией и засильем иностранного капитала, «...монополии не впервые в Африке делают ставку на раскольников и сепаратистов. Не впервые прибегают они к провокациям, чтобы стравливать между собою племена и народности, населяющие нашу страну».

Главный герой романа советский журналист Петр Николаев и его друг поляк Анджей Войтович по воле случая становятся невольными свидетелями того спектакля, который подготовлен и осуществлен реакционными политиками с помощью отрядов наемников, завербованных из числа профессиональных военных.

«...В Луисе пьяные солдаты и специально нанятые подонки ночью оцепили кварталы, населенные преимущественно идонго, и стали врываться в дома, убивая на месте всякого, кто не мог доказать свою принадлежность к какому-нибудь иному народу, населяющему страну. Лагуны вокруг Луиса забиты трупами мужчин и женщин, детей, стариков» — так рисует в своем романе Е. Коршунов ужасы, которые оставляет после себя эта армия наемных убийц.

Перед глазами читателя проходит самая разнообразная вереница «дьяволов смерти», разными путями пришедших в армию наемников: это и любители острых ощущений и шальных денег, и обманутые вербовщиками вчерашние школьники, и закоренелые преступники, для которых убийство стало профессией.

Но, несмотря ни на что, народ Гвиании продолжает жить и бороться за свободу и независимость своей страны.

События, разворачивающиеся в другой новой книге Е. Коршунова, «Репортаж из взорванного «рая», имеют конкретный географический адрес — это одна из самых «горячих точек» нашей планеты, район непрекращающегося многолетнего конфликта, который, словно искра, может вызвать пожар гигантского масштаба и создать угрозу для существования всего человечества, Ливан.

Уже само название говорит, что книга написана в форме репортажа. Но есть в ней и вкрапления из личного дневника писателя, в которых запечатлены конкретные события 1978 года, очевидцем которых пришлось ему быть.

Вместе с автором читатель попадет на фронт Южного Ливана, побывает в лагерях палестинских беженцев, в госпиталях, на передовых позициях армии добровольцев, переживет ужасы бомбежек израильской авиации и грохот зенитных орудий, увидит страшное зрелище дымящихся развалин на месте многоэтажных зданий ливанских городов. И так же, как в африканской Гвиании, здесь, в Ливане, армия убийц не щадит ни детей, ни женщин, ни стариков.

Эта книга имеет определенные временные рамки: 1978—1981 годы. Но, по свидетельству самого автора, «эта книга (пока!) не имеет конца. Ее конец только пишется, и пишут его события, которые продолжаются».

Е. ЛОГИНОВА

Евгений Коршунов. Наемники. М., «Молодая гвардия». 1982, 288 стр.

Евгений Коршунов. Репортаж из взорванного «рая». М., «Советская Россия», 1982, 112 стр.

среди книг

Наследство

Юрий ПОЛЯКОВ

ВЕЧЕР ВСТРЕЧ

Седой учитель держит речь
И плачет поневоле —
Традиционный вечер встреч
Сегодня в нашей школе.
Я тихо выйду в коридор —
Тоска по переменам
Во мне осталась до сих пор,
А руки пахнут мелом.
И в сердце радостная дрожь—
Начальных дней наследство.
Как будто не во тьму идешь,
А в детство, в детство,
в детство.

КАЖДЫЙ ГОД

В городе Сланцы похоронен поэт-фронтовик Георгий Суворов. Рассказывают, что каждый раз в день рождения поэта на могилу издалека приезжает женщина с цветами...

Говорят, что она каждый год
приезжает сюда,
На могилу солдатскую в городе
этом неблизком.
И положит цветы и стоит,
вспоминая года,
Что лежат непробудно,
как мертвые, под обелиском.

Говорят, что покоится тут
молодой лейтенант —
Фронтовая любовь,
ослепившая сердце когда-то.
Он был весел и смел, он имел
неуемный талант
И к стихам и к войне —
той, что не пощадила солдата...

Летней ночью в округе
победно поют соловьи,
Зимней ночью метель дышит
с болью, как наша эпоха.
Говорят, на земле ничего нет
дороже любви,
А они ее отдали всю —
до последнего вздоха!

ДОЧЕРИ

Круглолица и светловолоса,
Мы с тобою—две капли воды.
Ты — ответ на мои вопросы,
Для тебя мои дни и труды.

Голубые глаза поднимаешь,
Смотришь радостно и хитро.
Может быть, ты еще
понимаешь,
Что такое зло и добро?

Только все затуманят годы.
Жизнь пройдет, как по телу
дрожь.
...Ты меня сохранишь
от невзгоды
И от счастья убережешь.

ПРОГУЛКА С КОЛЯСКОЙ

Сегодня у меня семейный вид!
Иду — смотрю по сторонам
с опаской:
Я не один, я с детскою
коляской,
В которой, улыбаясь,
дочка спит.
И все тревоги моего пути
Вам, папы, мамы,
хорошо знакомы:
Преодолеть колдобины,
подъемы,
Внимательно дорогу перейти...
Усилие —
подъем нежданно крут.
Усилие —
бригада яму рыла.
Усилие...
А может быть, та сила,
Что
д в и ж у щ е й
в истории зовут?

ВОСЬМИКЛАССНИК

Его девчонку видели в кино,
С тем, длинноногим,
из 8-го «Б»!
И вот —
лицо тоской искажено,
И все навек черным-черно
в судьбе.
Он жадно ловит
сигаретный дым,
Он в тонких пальцах
тщится гнуть пятак —
Его девчонку видели с другим!
Ну, как тут жить?
Как дальше жить?
Ну, как?!
Твердит отец,
что это ерунда,
А он, мальчишка,
нюни распустил!
Мать говорит, что это не беда,
А полбеды,
чтоб он ее простил...
А он кусает губы до крови,
А он кричит, что все на свете
ложь!
...Ты, паренек, сожмись,
переживи!
Ты в жизни все тогда
переживешь.

●

Нет, это не зрелость покуда —
Еще не такие года,
Но должен понять я: откуда,
Откуда мы все и
куда?
Пускай пародист затрепещет,
Почуяв двусмысленный ход.
Он этим беды не уменьшит
И выхода не найдет.

Живи, хоть смеясь, хоть стеная,
Пребудет с тобой навсегда
Походная песня земная:
Откуда мы все и куда?

ЕСЛИ...

Если в мире все
взаимосвязано —
От шуршанья трав до хода лет,
Значит, все,
что между нами сказано,
Важно для людей и для планет.

Значит,
оттого, что двое досветла
По Москве бродили,
обнявшись,
Где-то луг дождя напьется
досыта,
На планете мертвой
вспыхнет жизнь...

●

Словно старая детская книжка,
Словно вид надоевший
в окне,
Та проблема,
с которой мальчишка —
Мой сосед —
постучался ко мне.
Я могу объяснить, если надо,
Детям после шестнадцати лет,
Как узнать по холодному
взгляду,
Приглянулся ты ей или нет,
Как любить и влюбиться
навеки,
Как уйти, никого не виня...
(Я учителем был.
И коллеги
Перспективным считали меня!)
У парнишки все очень обычно.
Я тревогу развею, как дым,
Поделившись непедагогично
Личным опытом передовым,
В ситуацию вникну дотошно,
Чтоб совет оказался точней...
Но не легче любовь от того,
что
Я легко рассуждаю о ней!
Рассуждения все—пустословье!
Кто рассудит, как быть мне
с тобой,
С нашей бесперспективной
любовью
И с моей перспективной
судьбой?

РЫБАКИ

Отец и дед рыбачили вдвоем.
Был (час езды от Курского
вокзала)
Известный лишь немногим
водоем,
В котором потрясающе
клевало.
И наступал счастливейший
из дней —
И я стоял дозорным
при уловах
И до смерти боялся окуней,
Огромных, неестественно
лиловых.
Когда мы наш улов
несли домой,
Прохожие с расспросами
совались.
А дед с отцом рядили
меж собой
О рыбинах, которые сорвались.
О! Были удивительно вкусны
Уловы те. От памяти немею...
А после про рыбалку
снились сны
Такие,
что куда Хемингуэю!
Но так бывало только раз
в году,
В конце весны.
От мая и до мая
Я ждал, не понимая, что расту,
Как до сих пор еще
не понимаю.
...И по чему судить,
что мы растем?
По счету дней, иль памяти
былого,
Иль по тому, что умер водоем,
А дед уже не принесет улова?

МОЛОДЕНЬКИЙ УЧИТЕЛЬ

Молоденький учитель,
Я у доски страдал,
А ученик-мучитель
Вопросы задавал.
Откинет крышку парты,
Наставит гневный взгляд:
— А вот Некрасов в карты
Горазд был, говорят?
Добро и разум сеял,
А сам!..
Да как он мог?
А что Сергей Есенин
И Александр Блок
Творили в жизни личной!
Скажите, почему?

...Я непедагогично
Молчал в ответ ему.
Не знал я, как об этом
Сказать ученикам:
Нет, нелегко поэтам
Жить по своим стихам.

ВОСПОМИНАНИЕ О СТРЕЛЬБАХ

Заряд составлен.
Точная наводка.
И крик «Огонь!»
обычно деловой.
И в громе приседает
«самоходка»,
И шелестит снаряд
над головой.
Как будто бы порыв
густого ветра
Бьет в перепонки,
давит на виски,
А где-то — за четыре
километра —
Земля, вздымаясь,
рвется на куски.
...Ложилась пыль
на черные погоны.
И струйки дыма из-под ног
росли.
Мы часто цепью шли
вдоль полигона,
Осколки выбирая из земли,
Распаханной не плугом —
силой грубой,
Засеянной дождем семян
стальных,
Похожих чем-то
на драконьи зубы...
Кто ведает, что вырастет
из них!

ЖЕНЩИНА

— Все не так, все не так
сложилось!
А мечталось ведь о другом...
Завертелась жизнь,
закружилась,
А потом — ни души кругом.
По ночам я в подушку плачу.
Поутру говорю: «Пустяк!»
Но сложись у меня иначе,
Я тебя не любила б так!

На развороте вкладки: **А. Пластов. 1893—1972.** СЕНОКОС. 1945.

А. Саврасов. 1830—1897. ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ. 1871

Р. Зверьков. Род. 1921. ОСИНКИ. 1965.

Анатолий **КАЛИНИН**

РОМАН

Книга вторая

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ЦЫГАН

Поздней осенью в табунной степи машины по ступицу зарываются в черноземную грязь. Только и слышно со всех сторон, как завывают моторы. Ночью же лучше всего не рисковать пускаться не только в дальний путь.

Но и отказаться от того рейса, который выпал на долю Михаила Солдатова посреди такой ночи, он не мог. Вот когда ему на собственном опыте пришлось убедиться, что, оказывается, за одну только единственную ночь в жизни человека может произойти столько перемен, сколько до этого не произошло у него за все предшествующие тридцать лет.

Нет, Настя не будила Михаила, а только прошелестела возле его кровати рубашкой.

— Ты чего? — спросил он спросонок, пошарив на тумбочке рукой и включая лампу.

— Я, Миша, думала, что это пройдет, но...— Настя схватилась за бок.

— Сдурела?! Тебе же еще целый месяц.

— Я и сама так думала... Ой!

— Что же ты раньше молчала?

— Мне, Миша, жалко было тебя будить.

— Вот и допрыгалась! — всовывая ноги в резиновые сапоги, зло бросил Михаил.— Смотри, не роди, пока я за фельдшерицей сбегаю.

Так он и знал. Ровно за месяц до положенного срока началось. Допрыгалась в хороводах с чужими детишками в садике и доездилась за Дон на могилу, в которой была похоронена то ли ее сестра, то ли еще какая-то другая цыганка.

И фельдшерицы, как водится, не оказалось на месте, уехала на машине с красными крестами в Семикаракоры отметить сорок дней по двоюродной тетке. Когда Михаил через полчаса подъехал домой на своем самосвале и, взбежав на крыльцо, рывком открыл дверь, Настя уже корчилась в темной луже на крашеном полу в зале их премиального коттеджа для молодоженов.

А вокруг не было ни души, хоть кричи. Полуночная мгла стеной обступила поселок. Даже уличные фонари не разбавляли, а лишь прокалывали ее, как точечками булавок. Лишь одно серебристо-матовое облачко зависло над самым центром поселка, над новой столовой конезавода, где, должно быть, еще с вечера засиделся генерал Стрепетов со своими фронтовыми друзьями, которые всегда съезжались к нему в это время года.

И, уже отъехав от поселка, еще раз оглянулся Михаил на это призрачное облачко, реющее над темной степью, подумав, что вот теперь они там, конечно, сидят в тепле вокруг столиков, сдвинутых буквой «П» под большой люстрой, сверкая золотом и серебром своих наград, и никак не могут наговориться о том, о чем им, должно быть, хватило бы говорить не на одну ночь. Особенно под этот упорный, мелкий дождь, который тоже, видно, зарядил на всю ночь, а может, и больше.

Во всяком случае, Михаилу со своим прильнувшим к его плечу грузом все время надо было быть на скользкой дороге начеку, чтобы на повороте или на ухабе руль вдруг не вырвался из-под его власти и самосвал не сполз в кювет, из которого потом совсем не просто будет выбраться без посторонней помощи в этой глухой степи.

Но даже и на самых нежных рессорах машины с красными крестами никому бы не удалось везти этот груз так мягко, как вез его Михаил в кабине своего самосвала, несмотря на то, что ему нужно было, выворачивая одной рукой тяжелые колеса, успевать другой переключать скорости и поддерживать притулившуюся к его плечу Настю, чтобы она тоже не сползла с сиденья на пол кабины. После он и сам удивлялся, как ему удавалось со всем этим справляться.

Сквозь рев мотора глухо пробивались стоны Насти. Уже лежала она на плече у Михаила, как тяжелая каменная плита.

— Потерпи, девочка, еще немного,— увидев в зеркальце ее желтое, с закрытыми глазами и с закушенными губами лицо, дрогнувшим голосом сказал Михаил.

Вдруг он увидел в зеркальце, подпрыгивающем перед его глазами в кабине, как она открыла веки и, приподнимая с его плеча голову, пошевелила распухшими губами.

— Я хочу, Миша,— сказала она,— чтобы у нас с тобой все было по-честному до конца. Я виновата перед тобой. Да, да, когда я вдруг согласилась за тебя замуж выйти, я все еще любила не тебя, а его. Нет, ты, конечно, и тогда мне нравился, я знаю, из наших девушек любая бы за тебя пошла, но я не хочу и теперь тебя обманывать, будто по любви вышла. И потом, когда уже мы были вместе, я все еще больше любила его, хотя и тебя тоже...— Должно быть, увидев в зеркальце, как при этих словах окаменело лицо Михаила, она поспешила добавить: — Но теперь я только одного тебя люблю. Пожалуйста, Миша, не смотри на меня из зеркальца такими глазами. Я и сама знаю, что зря тебе это рассказываю, но еще хуже и дальше все это при себе носить. Я так понимаю, что между нами ничего скрытого не должно быть. А там как хочешь.

И, закрывая глаза, она опять опустила голову ему на плечо.

Михаил молча смотрел прямо перед собой. Вдруг колеса самосвала сразу оборвались в глубокую выбоину, скрытую набежавшей в колею водой, и целый столб жидкой грязи обрушился на кабину, сплошь залепив переднее стекло.

Но и ослепленный, Михаил сумел все-таки удержать руль. А неутомимые ползунки, соблюдающие чистоту смотрового стекла, тут же раздвинули перед его глазами черную муть. Опять открылась взору при свете бегущих фар заполненная водой колея в пузырьках дождя.

Лишь однажды, еще на полпути до райцентра, все-таки чуть не вырвало самосвал Михаила из разъезженной колеи, когда ему на повороте вдруг потребовалось разъехаться с какой-то дурной бричкой, которая раскорячилась по самой середине мокрой дороги со своей латанной-перелатанной цыганской халабудой.

— Егор, ты где? Заснул, что ли, на своем троне?!

— Здесь я, не голоси на всю степь. Детишек побудишь. Как же, заснешь по такой дороге. Больше он на тебе едет, чем ты на нем. Это сверток на Мартыновку, туда нам нельзя. Там обязательно милиция должна быть.

— Скоро уже нам никуда нельзя будет. И генерал Стрепетов может от ворот развернуть. А где, спросит, вас в самое горячее время мордовало? Давай, Егор, поедем напрямки через Мартыновку, а там до конезавода и рукой подать.

— Ты что же, соскучилась мне передачу за конокрадство в тюрьму носить?

— Ничего я не соскучилась. Нет мочи, руки болят. Как чужие. Нехай вместо тебя меня забирают. Это, скажу, я украла кобылу в Придонском совхозе. На малых детишек мне и срок поменьше дадут.

— Так тебе и поверили! Гляди, Шелоро, навстречь какая-то машина прет.

— А вдруг это правда милиция?

— Там под сиденьем нож. Сразу же и руби с этого бока постромки. А я — с другого.

— Я тебе перерублю! А детишек с Будулаем, значит, тут бросим. Нет, это какая-то грузовая. И чего их по ночам носит?! То-то государственного бензина не жалко. Сейчас он нас с головы до ног в грязи выполоскает. Да потуши ты свою чертову фару!

И трудно сказать, сумел бы самосвал Михаила разъехаться на мокрой дороге с этой злополучной бричкой, если бы не возница ее, который до этого скорее всего придремал с вожжами в руках под шорох дождя под нахлобученной на голову клеенчатой венцерадой. Едва лишь щупальца фар дотянулись до конских морд, как он вдруг круто свернул в сторону, к лесополосе. Но когда Михаил, проезжая мимо этого места, пошарил боковой фарой среди голых и мокрых ветвей, там никого не оказалось.

— Тр-р, растреклятые, навязались на мою душу! Далась ему в зубы эта старая цыганская сказка. Да теперь уже и все умные цыгане давно на своих личных машинах кочуют. А ты, жена, погоняй, дергай за вожжи.— Кнут Шелоро остервенело обрушился на конские спины.— Егор,— жалобным голосом позвала она,— где ты там?

Тотчас же голова Егора в картузе с блестящим от дождя козырьком вынырнула из мглы рядом с передним колесом брички. Он все время неотступно следовал за ней на мотоцикле. Мотор чуть слышно шелестел на малых оборотах.

Шелоро накинулась на него:

— Тебе, конечно, хорошо, ты на нем красуешься, как какой-нибудь царь, а мне из-под конских хвостов нюхать. Они мне уже все глаза позаляпали грязью. Все руки повыворачивали уже. Я, Егор, больше не в силáх.— В голосе у нее зазвенели слезы.

— Еще немного потерпи, ласточка. Скоро доедем до парома, а там, считай, дома.

Продолжение. См. «Огонек» № 22.

— А где он, наш дом? С детишками под лесополосой, да? Небось, генерал Стрепетов уже какому-нибудь другому ключи от нашего коттеджа отдал.

— Не имеет права! — Егор даже голос возвысил, как будто генерал Стрепетов мог теперь быть где-нибудь поблизости в ночной степи.

— А ты, значит, Егор, имел право государственный табун бросить, да? Пусть доглядает за ним кто хочет. И я за тобой.

— Нет, это ты же первая и сбесилась: дыма хочу понюхать. Тебе первой взбрело.

— Такие цыганки, как Тамила, в кольцах и в браслетах ходят, а я у тебя всю жизнь из-под них нюхаю. Ты мне всю жизнь поломал.

— Вон ты как заговорила! Правильно мой отец говорил, что все бабы из гадючьих спинок сделаны. Гадюка будет с тобой в одной постели лежать, а потом возьмет и ужалит.

Шелоро вдруг протянула ему с брички кнут:

— Все! Сам погоняй коней. Сам теперь и детишек корми. Это, значит, я, по-твоему, гадюка, да?! Все, все, ехай! — И спрыгнув с брички, она метнулась с дороги в сторону, в темноту.

Егор не на шутку испугался. Она всерьез обиделась на него. Бросив посреди дороги мотоцикл, он побежал в степь догонять ее.

Нет, генерал Стрепетов решительно не помнил, чтобы он еще когда-нибудь был так счастлив. Мало кто из подчиненных ему на конезаводе узнал бы теперь его, всегда сурово-сдержанного, с тупо обточенными, как у скифского каменного божества, скулами, в этом гостеприимном и веселом хозяине, который так и сыпал случаями из фронтовой жизни:

— А он уставился на него исподлобья и представляется через час по столовой ложке: «Заместитель... командира... пятого... донского... казачьего... кавалерийского...» Буденный не выдержал: «Что ты на меня волком смотришь?» «У меня, товарищ маршал, взгляд такой».

От хохота табачный дым облаком взмывает под потолок, на столиках бокалы звенят. Один Стрепетов остается серьезным, зная, что ему смеяться еще рано.

— Еле глазами повернет. Но когда где чем-нибудь хорошим запахло, ни за что не пропустит. Адъютант уже знает, что в поездку по частям надо с собой тару брать. «А что это у вас, казаки, в сапетке шебуршит?» «Раки, товарищ генерал». «Адъютант, пересыпь половину. Они себе еще наловят». «Наловим, товарищ генерал, берите все». «Нет, все нам ни к чему».

— Он и с чужой тарой брал! — с восхищением кричит полковник Привалов. И, несмотря на то, что рядом Клавдия Андриановна, его неотступная фронтовая подруга и жена, предостерегающе толкает его в бок кулачком, перехватывает нить разговора: — Когда в Ольгинке стояли, Клавдия Андриановна купила у хозяйки гуся и поставила на печку во дворе, а он, проезжая мимо, не поленился заглянуть: «Адъютант!» «Нам, товарищ генерал, уже не во что брать». «Бери с кастрюлей». А потом по телефону хохочет и на гусятину зовет. Но и над своим тоже не дрожал. За храбрость мог с собственного плеча бекешу подарить.

Не один, а сразу несколько разговоров схлестываются за столиками в зале столовой. У каждого столика, за которым кучками сидят ветераны донского корпуса, своей пружинкой

поддерживается разговор. Для непосвященного человека не было бы никакой возможности хоть что-нибудь понять из этого роя возгласов, взрывов смеха, перекликов от стола к столу. Но в том-то и дело, что здесь собрались те, кто научился понимать друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда еще с того времени, когда они на длительном марше поскрипывали рядом седлами в Терских бурунах или же спали на одной бурке, укрывшись другой, в Ойтозском ущелье, в горах Венгрии.

— Я собираюсь «крякнуть», а мне говорят «хрюкай». Я хочу «му-у», а от меня требуют «кукареку». В облсельхозуправе всегда лучше знают, какую в нашем колхозе ферму держать.

— Мы,— говорит,— не против, плыви. Выплывешь — героем будешь, а нет — на себя пеняй.

— Молчи, Никиша.

— А что же в Москве Павел смотрит?

— Ему некогда смотреть. Я когда пробился к нему в кабинет, чтобы на нашу встречу пригласить, он руками замахал: «Куда мне! — И календарь на столе полистал.— У меня на этот день одних только выступлений три: на коллегии, на симпозиуме и на приеме иностранной делегации». Пробежал глазами пригласительный билет и вздохнул. «Спасибо,— говорит,— но ты же сам видишь, что я нарасхват».

— Сам же и нахватал.

— Потому что своим заместителям не доверяет.

— Боится, кто-нибудь из них умнее выступит.

— Не захотел, значит, снизойти с высоты.

— Был Павел, и нету Павла.

— А по-моему, просто задергали его. Что мы, не знаем Павла?

— Чтобы, говорят, по-настоящему человека узнать, надо дать ему власть.

— Все-таки завидую я тебе, Стрепетов. Действительно король табунных степей.

— Вот-вот, как в Англии. Вот тебе дворец, вот жалованье, а решать все будет парламент.

— Не прибедняйся. Всего у тебя, я вижу, навалом.

— Вы, Сергей Ильич, поинтересуйтесь у моего фронтового ординарца, а теперь председателя колхоза Ермакова, как ему приходится те же запчасти к машинам добывать.

Польщенный вниманием своего бывшего комдива, Тимофей Ильич Ермаков не замедлил отозваться из-за столика в дальнем углу зала:

— Для этого я еще с вечера ставлю перед своей супругой Валентиной Никифоровной боевую задачу: организовать к утру новый сувенир. Тут ведь тоже нельзя отстать, потому что на каждый день должен быть новый сувенир. Если вчера за коробку скоростей достаточно было гуся с четвертью вина отдать, то сегодня уже давай канистру цимлянского с дюжиной рыбцов. На гуся и краем глаза не поведет. А за мотор к трактору отвези в придачу к накладной барана не меньше чем на полсотни шашлыков.

Крышка столика затрещала под кулаком полковника Привалова:

— Дустом их, подлецов!

Если и в самом деле отныне ничему живому или мертвому уже не укрыться от заоблачного космического ока, обшаривающего лицо земли, то ничего не стоило ему набрести в табунной ночной степи и на одинокую бричку с шатром. Все на земле давно уже спали, а ей сейчас во что бы то ни стало надо было продираться куда-то сквозь дождливую мглу и хватающий с обочин дороги за колеса своими лапами репейник.

Хорошо еще хоть Егор все время светит из-за брички фарой, иначе колеса давно уже провалились бы в какую-нибудь пропасть, разрытую скатами «МАЗов». Мимолетно прочесав золотым гребнем гривы лошадей, одинокий луч бежит впереди них, упираясь в ярко-синюю, сотканную из тончайших нитей стенку влажной мглы.

— Ты чего это опять стала, Шелоро?

— Две дороги тут.

Егор выехал на мотоцикле из-за брички. При свете фары сверкнули заполненные водой колеи, расходясь друг от дружки парами в разные стороны.

— Я же тебе сказал: пока только прямо держать.

— А ты не мог бы, Егор, ко мне пересесть?

— Что же я, мотоцикл на дороге брошу?

— Может, как-нибудь его сзади за бричку привязать...

— Вот и дура ты, Шелоро. А за рулем кто?

Понижая голос, Шелоро оглянулась на мокро мерцающий своими ребрами шатер над бричкой.

— А вдруг, Егор, мы его...— она запнулась..— уже неживого везем? Ты бы туда фонариком посветил.

— Сколько можно светить? У меня батарейка села.

— Ну тогда поезжай хоть немножко рядом.— Она снова оглянулась, передернув плечами.— А то иногда кажется, что он из-под шатра прямо мне в спину смотрит.

— Значит, живой, если смотрит. Я же и говорю, что ты у меня дура. Пока мы тут будем с тобой растабарывать, милиция...

Взвизгнул в тишине ночи кнут. Лошади дернули бричку вперед, окатив Егора грязной водой.

— Дура, дура! — вдогонку закричал Егор. Но бричка уже уехала вперед. Вскоре и он заелозил за ней на мотоцикле по размытой дороге, то и дело соскакивая с него и выруливая его из низин на подъемы.

Опять одинокий тусклый луч бежал впереди шатра на колесах.

— Вот ты, Егор, всегда меня моей дуростью шпыняешь, а сам, если что, норовишь из-за моей юбки выглядать. Так спокойней тебе. На словах какая-нибудь полурусская цыганка Настя у тебя и самая грамотная и самая умная, а без Шелоро ты ни шагу. Знаешь, что она в любой иголке дырочку чайдет и скорее сама десять раз обманет, чем кто-нибудь сможет ее обмануть. Ты развесишь свои лопухи и веришь всему, что тебе лепят, а Шелоро, кто чего сто́ит, сразу может понять. Вот, например, генерал Стрепетов для тебя как?

— Все они, начальники, одинаковые.

— Вот и нет. Я знаю, что ты его больше всего боишься, Егор. Не отворачивайся, знаю я.

— Смотри, бричку перекинешь.

— Стыдно тебе сказать, как будто я тебе не жена. А вот я его ни капельки не боюсь. Совсем не боюсь.

— Ну и радуйся. Еще поглядим, как ты будешь радоваться, когда на место приползем.

— Поглядим. Но только я и сейчас могу тебе сказать, что бывает просто начальник, а генерал Стрепетов — человек.

— А еще обижаешься, когда я тебя дурой назову. Я бы тоже человеком был, если бы мне генеральская пенсия каждое двадцатое число по почте приходила. Да в придачу еще за свою должность гребет.

— Ох и сволочной же ты, Егор!

— Но, но!

— Не грози. У меня свой есть.— Она легонько помахала перед ним кнутом.—Он ведь лично тебе, Егор, ничего, кроме хорошего, не сделал.

— Разве я чего-нибудь набрехал на него? Я только сказал, что за такие червонцы тоже всем бы только одно хорошее делал.

— Он свои червонцы не в карты выиграл. И орденов у него на груди за целых три войны набралось.

— Может, ты еще что-нибудь про него знаешь?

— Пока еще не знаю.

— Смотри.

— Но я давно уже знаю, что тебе ничего не стоит мне любые штаны прицепить.

— Ладно, хвали дальше.

— И похвалю. Ты же за своими кобылами не видишь, как он чуть ли не каждое утро по дороге на работу первым делом в детский садик заходит с детишками за их столиками посидеть. Беседует с ними, как со взрослыми. И с нашим Данилкой тоже.

— Своих внуков не нажил, вот и тешит свою старость.

— А ты знаешь, что у него первая жена с двумя близнецами в эшелоне сгорела?

— Откуда ты и это можешь знать?

— Цыганское радио сказало. И еще оно передавало, как он прошлым летом за ради нашего конезавода воздержался звездочку героя получить.

— У него и так уже есть.

— Это за войну. А мог бы и за геройский труд иметь. Тогда бы у него на родине в станице еще при жизни памятник из меди стоял.

— Не из меди, а из бронзы.

— Главное, что при жизни. Подумать только, человек стоит и на памятник смотрит, а памятник на него. Но генерал Стрепетов ответил, что полтора плана зерна он государству уже вывез, а на два своего согласия не может дать, чтобы не оголодить на зиму племенные табуны.

— Лучше бы тебе, Шелоро, об этом поменьше знать. За такие разговоры по головке не гладят. Генерала Стрепетова я, может, не меньше твоего уважаю, только я не какая-нибудь баба, чтобы об этом на всю степь звонить. Не мужское это дело — начальство хвалить. А памятник в своей станице он еще успеет заслужить. Лучше нашего конезавода по всей области нет. И ключи от нового коттеджа он нам с тобой лично вручил,— неожиданно заключил Егор.

Впереди сквозь дождь едва выступали гривы лошадей. Шелоро оглянулась на шатер.

— Ты батареек не жалей, Егор, посвети еще разок, глаза у него открытые или нет. Я больше всего боюсь, что наши детишки у него, уже мертвого, на плечах спят. Я потом тебе десять батареек из Ростова привезу.

Луч фонарика, вспыхнув в руке у Егора, забирается под брезентовый полог, но так ничего и не успевает осветить в глубине шатра, потому что тут же и слабеет, гаснет.

— Смотрит? — тревожно спрашивает Шелоро.

— Еще и как! — уверенно отвечает Егор.— Ты же сама видела, что он всю дорогу с открытыми глазами лежал.— Для вящей убедительности Егор добавляет: — Как у волка горят.

Еще почмокали копыта по грязи.

— Жалко его, но сам же он и сделал себя одиноким. Сам от своего сына бежал. Сам не захотел жить, как все другие люди живут. Сам все время отказывается от своего счастья.

— Нет, Шелоро, он не одинокий. Какой же он был бы своему Ване отец, если бы взял и всю ему жизнь поломал? До этого Ваня всегда знал, что он русский, и уже привык, что его отец на войне погиб. По-моему, Шелоро, и от всех других цыган он тоже не откололся, а просто...

Шелоро поощрила:

— Говори, говори, я все пойму.

— Ну вот,— подхватил Егор.— Ты ведь знаешь, за что он свои ордена получил?

— Это все цыгане знают. За то, что из всех разведчиков самым смелым был.

— Вот, вот,— еще больше обрадовался Егор,— а теперь, значит, наши цыгане его, как бывшего разведчика, тоже послали по дороге чуток впереди посмотреть, как надо дальше жить.

— Никто его не посылал, Егор.

— А божилась, что все-все поймешь. Значит, должны были послать, это все равно. Потому что, Шелоро, многие из нас еще тянут не за ту вожжу. А он знает, за какую надо тянуть.

— И мы же сами ему за это вместо ордена...— догадалась Шелоро.

— Да. Еще много времени должно пройти, пока и все другие цыгане поймут, потому что...— Егор не договорил, устав от этого трудного для него разговора.

На этот раз не сразу собралась с мыслями и его подруга, а когда она наконец заговорила, откровенная гордость сплелась в ее голосе с восхищением.

— Вон ты как все это придумал, Егор. Всем людям за один раз не докажешь что к чему. Все, Егор, на конезаводе — и цыгане

и русские — думают, будто ты у меня всю жизнь под каблуком, а ты...

— Погоди, Шелоро, ты слышала что-нибудь?

— А что? — Она испуганно оглянулась.

— Нет, это показалось мне.

Вот он наконец и отыскался, тот долгожданный ответ на вопрос, который мучает каждого, особенно в детстве, когда так хочется знать, что же бывает с человеком после смерти, и предвкушение ни с чем не сравнимого восторга объемлет душу, как ты лежишь и, уже мертвый, слышишь, как вокруг жалеют и понимают тебя именно так, как всегда хотелось тебе при жизни.

— Присвети-ка фарой, Егор, что там впереди темнеет. Нет, правее.— Шелоро сама же, когда справа из дороги зазолотилось пятно, выхваченное из влажного мрака лучом света, и ответила: — Скирда! Давай, Егорушка, подвернем к ней. Я уже до последней косточки промерзла. Лошади тоже пощиплют соломки и передохнут чуток.— Она предупредила его колебания: — Никакой тут ни милиции, ни полиции нет на сто верст кругом. Вся она теперь по своим полосатым будкам спит.

Последний довод подействовал на Егора сильнее всего. Он решительно сверкнул кнутом.

— Подвертай!

Как арбузы, безвольно катались по корыту брички от борта к борту беспробудные головки, когда она переезжала через кювет, пока опять не успокоились на широких и теплых плечах, на которых им было так удобно спать. Только и светились во мраке глаза того, кто все это время и все так же неподвижно продолжал лежать навзничь, на спине, то ли совсем не в силах пошевелиться, то ли боясь спугнуть глубокий и счастливый сон доверчиво прильнувших к нему детей.

Зеленые, острые звезды прорезались сквозь рядно туч и трепетали над табунной степью в недосягаемой вышине, пока под ними внизу вершилась любовь. И никто бы в присутствии этих беспристрастных свидетелей вечности не посмел сказать, что в эту глухую, ненастную ночь остановилась жизнь на земле.

Но потом вдруг зашевелился брезентовый полог шатра на колесах, черная взлохмаченная голова, вся в соломенных иголках, показалась из-под него. Безвольно болтая ею, как пьяный, человек выбрался из-под шатра и, судорожно цепляясь руками за борта брички, неуверенно доставая ногой колесо, стал сползать с нее. Так и не достав колеса, он мешком свалился на мокрую землю, но тут же встал и, держась за борт брички, пошел вокруг нее на другую сторону. Его шатало и все время отрывало от борта, но он все-таки обошел шатер. Лошади, воткнувшиеся мордами в бок теплой соломенной скирды, повернули к нему головы и захрапели.

— Тр-р, проклятые! — прикрикнул на них из-под скирды сонный голос Шелоро.

От звезд, все больше разрывающих тучи, светлее стало в степи, но, похоже, человек только ощупью сумел набрести на мотоцикл на другой стороне брички, и тут же он стал заносить ногу на седло. Ему это никак не удавалось, и все так же не слушалась его голова, болтаясь из стороны в сторону, как сухой подсолнух под ветром, а когда удалось, он сразу же и запрокинулся с седла навзничь, падая с мотоцикла. Сонный голос Шелоро опять грозно прикрикнул на лошадей:

— Стоять!

Одни только звезды и наблюдали с недосягаемой высоты, как, выбиваясь из сил, барахтался на мокрой холодной земле человек, стараясь опять подняться на ноги. Так и не смог он подняться. Тогда, хватаясь за обод и спицы колеса, он стал все выше подтягиваться на руках опять в бричку, пока не переломился через борт и не рухнул в нее вниз лицом. Теперь ему осталось только проползти по корыту брички под шатер, пока опять не сомкнулся за ним брезентовый полог.

Сладким и чистым теплом беспробудно спавших детей дохнуло на него.

Продолжение следует.

ЗАКОН ВАШИНГ

Этот закон политической жизни Соединенных Штатов выработан самой американской действительностью, но до сих пор четко не сформулирован, хотя именно он определяет не только политический, но и моральный облик американской столицы. А она, как это ей и положено, задает тон всей стране.

Попробуем подступиться к этому непреложному правилу, которое иначе, чем законом Вашингтона, не назовешь. Для полной объективности обратимся к американским источникам, причем истории вопроса коснемся вкратце, а основное внимание уделим затем нашему времени, то есть началу 80-х годов, правлению администрации Рейгана.

«Вашингтон пост», одна из самых солидных американских газет, пишет, что еще «сто лет назад железнодорожные и промышленные бароны покупали и продавали сенаторов и членов палаты представителей, словно скот на аукционе». А как сегодня? Та же газета так отвечает на этот вопрос: «Ситуация в конгрессе гораздо хуже и вызывает больше опасений, чем можно предположить по скандальным газетным заголовкам. Фактически на наших глазах махинации, опутавшие это учреждение, приобретают такой характер, что напоминают мельничные жернова, перемалывающие всех, кто не хочет или не может приспособиться к сложившимся правилам игры».

С помощью этих цитат мы уже можем приблизиться к процессу формулирования закона Вашингтона, в них звучит основополагающая безысходность давно создавшегося положения.

И еще — высказывания двух американцев. Марк Твен утверждал, что в США «нет специфически преступного класса — не считая конгресса». Вашингтонский сатирик Марк Рассел вносит свой вклад в формулирование интересующего нас закона: «Есть только одна возможность гарантировать стопроцентную честность конгресса США — легализовать взяточничество».

Материнским молоком политики назвал деньги такой компетентный человек, как казначей штата Калифорния Джесс Унру. В самом деле, процесс создания политического деятеля требует денег. Как подсчитано самими американцами, для избрания кандидата в сенат в среднем затрачивается около одного миллиона долларов. Еще дороже обходится место губернатора. Так, в 1980 году Джон Рокфеллер IV в ходе предвыборной борьбы выложил за губернаторское кресло в штате Западная Вирджиния одиннадцать миллионов долларов. Понятно, что далеко не каждый может пойти на такие расходы, как этот член богатейшего семейства Рокфеллеров. А если средств нет? Тогда приходится искать деньги на стороне, а потом, после избрания, надо их отрабатывать... Долг платежом красен!

Еще дороже, разумеется, стоит кресло президента США в Белом доме. Тут счет идет уже на десятки миллионов долларов, подходя к отметке в 200 миллионов. «Денежный поток Рейгана затопляет нас!» — завопил в панике руководитель избирательной кампании Картера в 1980 году. Этот денежный поток и решил судьбу выборов. Большой бизнес в тот раз поставил на Рейгана и, как считают американские специалисты, дал ему 165 миллионов долларов на предвыборные расходы (цифра эта, разумеется, не точная, явно заниженная, так как все поступления в фонд избирательной кампании точно учесть просто невозможно). Из пятидесяти руководителей крупных корпораций, опрошенных тогда газетой «Уолл-стрит джорнэл», только семь предпочли Картера.

Но вот новый американский политический деятель (новый сенатор, губернатор и т. п.) родился. И тем не менее финансовая пуповина, связывающая его с бизнесом, при этом не рвется. Как правило, политическому деятелю никак не хватает положенного ему денежного содержания, особенно когда через определенный срок наступает время очередных выборов...

Выше, в начале нашего разговора, мы привели несколько американских отзывов о продажности представителей законодательной власти. Но есть еще две грани государственного триединства: исполнительная и судебная власти. Несколько слов о них.

Говоря об исполнительной власти, достаточно вспомнить, что история США знает случаи, мягко говоря, неблаговидного поведения американских президентов и вице-президентов, а уж губернаторы, мэры и другие высокие должностные лица не раз и не два попадались на том, что нарушали законы, которые они обязаны были проводить в жизнь. Судебная власть тоже не лучше. Угодил за решетку бывший министр юстиции, угодил именно за то, что грубо нарушал закон. Его участь разделил и юрисконсульт американского президента. Куда уж дальше ехать! Эти факты относятся к президентству Никсона, то есть отстоят от нас всего на одно десятилетие, о котором есть смысл напомнить, чтобы наш дальнейший рассказ о 80-х годах, об администрации Рейгана, был более понятным и не казался чем-то уж из ряда вон выходящим. К тому же этот небольшой исторический экскурс поможет нам еще ближе подойти к определению закона Вашингтона.

Выдающийся (по американским понятиям) политический деятель Спиро Агню был вице-президентом при Никсоне. На этом посту, втором по значению в государстве, был уличен во взяточничестве. В ходе следствия было установлено, что он вымогал деньги и раньше, когда был губернатором штата Мэриленд.

Этот случай выявляет три побочные закономерности, обычно сопутствующие в США крупному политическому скандалу. Во-первых, Агню фактически отделался испугом. Ему полагалось бы посидеть несколько лет за решеткой, но он получил по суду три года условно и был оштрафован на 10 тысяч долларов (нич-

тожная сумма по сравнению с его официальными и нелегальными доходами). Во-вторых, Агню хорошо заработал на своем позоре: по примеру других бесчестных политиков, а также по примеру убийц, гангстеров и прочих «звезд» бульварной журналистики и литературы он взялся за перо и написал не просто мемуары, а роман, который «Чикаго литерари ревю» назвала «супербестселлером о международном предательстве, сексуальном скандале и политическом преступлении в высших сферах» (как видите, автор действительно писал о том, что хорошо знал). В-третьих, все случившееся с Агню можно назвать прямо-таки классическим, эталонным скандалом, поскольку Агню считался «высокоморальным человеком, самым выдающимся поборником закона и порядка, бдительным воителем с внутренними врагами, защитником устоев дома, семьи и флага» (газета «Вашингтон пост»). Совершенно верно! Именно таким он и считался... Многие годы был кумиром консервативной Америки, которая приклеила к нему такой ярлык: «Спиро — наш герой!»

Запомните названные выше три закономерности, выявленные нами на примере бесславной карьеры американского вице-президента.

В качестве ура-патриота, кумира реакции, поборника морали и нравственности прославился с самого начала своей политической деятельности и Ричард Никсон, ставший затем президентом США. При нем и разразился крупнейший в истории страны политический

Владимир НИКОЛАЕВ

ТОНА

скандал, так называемое уотергейтское дело, в результате которого Никсону пришлось уйти в отставку, а его ближайшие сотрудники угодили в тюрьму. Туда же должен был попасть и Никсон, но... американская Фемида столь высокого преступника пощадила так же, как и Агню. Да и подручные горе-президента отсидели совсем немного в условиях, можно сказать, наибольшего благоприятствования. А уж сколько заработали они на скандале и собственном позоре!.. За десять лет было написано об уотергейтском деле 169 книг, их авторы получили за них 49 миллионов долларов. А сам Никсон за мемуары о «скандале века» получил несколько миллионов.

В 1976 году в Белый дом пришел Джимми Картер, он поклялся очистить страну от «никсоновской скверны». И вскоре разразился новый политический скандал, названный «Корея-гейтом» (по аналогии с Уотергейтом). В центре его оказался бывший агент сеульской разведки Пак Тон Сун. В течение нескольких лет он в Вашингтоне был лоббистом сеульских правителей, с их ведома тратил миллионы долларов на подкуп законодателей, чтобы те принимали решения, приносившие Сеулу огромную финансовую выгоду. В этих махинациях оказались замешанными около пятидесяти конгрессменов. Подсчитано, что за 20 лет сеульское правительство получило 12 миллиардов долларов в виде американской «помощи», так что десятки миллионов на подкуп из этой суммы — сущая безделица!

Вскоре попал в историю Берт Лэнс, ближайший друг и соратник Картера. Он был банкиром, и именно ему поручил Картер вытаскивать страну из финансовой трясины, назначив его директором административно-бюджетного управления. Развернуться на этом посту Лэнс не успел, так как попался на противозаконных финансовых махинациях. А министр финансов при Картере, бывший бизнесмен Уильям Миллер, тоже оказался не в ладах с законом: занимался взяточничеством, будучи главой корпорации «Текстрон». И опять-таки при Картере произошел скандал, так называемый «Абскэм», когда сотрудники ФБР под видом богатых арабских шейхов подкупили нескольких конгрессменов. Каждый раз, когда очередного законодателя провоцировали на получение взятки, сцена эта тайно снималась и записывалась на пленку. Потом было на что посмотреть и Картеру и всей Америке!

На этом список скандалов в период правления картеровской администрации далеко не заканчивается. Долгое время президента позорил своими финансовыми махинациями его родной брат Билли. К тому же вскрылись связи Белого дома с крупным международным финансовым аферистом Робертом Веско. И так далее и тому подобное...

Как известно, правление Картера закончилось полным провалом, он оказался банкротом по всем статьям. Тем не менее и тут сработала еще одна вашингтонская закономерность, по которой Белый дом является для его временных обитателей трамплином в миллионеры. Уже много времени спустя после падения картеровской администрации в США было проведено исследование о финансовом положении и трудоустройстве ее двадцати высокопоставленных деятелей. Сам Картер заработал на своих воспоминаниях несколько миллионов. У бывшего специального посла США на Ближнем Востоке Роберта Страуса доходы перевалили за миллион долларов (нефтяной бизнес, банковское дело и юридическая фирма). Упоминавшийся выше Берт Лэнс, которого пришлось освободить от должности директора административно-бюджетного управления за финансовые махинации, живет припеваючи, заправляет главным банком в штате Джорджия и увеличил свои доходы до четырех миллионов долларов. Бывший государственный секретарь Эдмунд Маски при Картере получал зарплату около 70 тысяч долларов в год, а потом стал партнером владельца крупной юридической фирмы с годовым окладом в 750 тысяч долларов. Сотни тысяч долларов ежегодно получают и другие бывшие министры кабинета Картера — Б. Бергланд, Б. Адамс, Р. Маршалл. Бывший министр обороны Г. Браун и помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский тоже в несколько раз увеличили свои доходы после завершения деятельности в администрации Картера — каждый имеет в год около 300 тысяч долларов.

И, разумеется, сидя в Белом доме (а не только после ухода из него), члены каждой очередной администрации прежде всего делают там себе деньги. Это обстоятельство, конечно, не способствует созданию здоровой деловой атмосферы в высшем эшелоне политической власти. Причем наблюдается любопытная закономерность. Только что мы рассказали о том, как разбогатели члены кабинета Картера, уйдя из политики. С другой стороны, большинство высших сановников каждой американской администрации приходят в политику из бизнеса и юридических фирм, очень много теряя при этом в зарплате: от ежегодных доходов, скажем, в полмиллиона долларов они идут на места с окладом в 60—70 тысяч в год. Что это — непрактичность у деловых людей?! Нет, наоборот, это, можно сказать, сверхпрактичность! Несколько лет их пребывания у власти принесут корпорациям, которые они на время покинули, огромные дополнительные барыши, при этом, разумеется, не будут забыты и «непрактичные» бизнесмены и юристы, делегированные в очередной набег на Белый дом, вернее, на американскую казну.

Этот бесконечный процесс особенно ярко проявляется на примере администрации Рейгана. В США вышла книга Р. Браунстайна и Н. Истона «Правящий класс Рейгана: портреты ста высших должностных лиц президента». Каждый четвертый в этой сотне — миллионер (вице-президент Дж. Буш, министр обороны К. Уайнбергер, министр финансов Д. Риган, министр юстиции У. Смит и другие). Остальные из этой элиты считают свои доходы на сотни тысяч долларов. На скромно оплачиваемый пост министра финансов (скромно по сравнению с его собственными миллионами) Д. Риган пришел из компании «Мерилл Линч», которая, зная, на какое «нищенство» он себя обрекает, выдала ему выходное вознаграждение в 400 тысяч долларов. Именно Д. Риган по своей должности стал одним из самых главных проводников в жизнь экономической политики Р. Рейгана, цель которой — сделать бедных беднее, а богатых богаче. Так называемая новая налоговая политика Рейгана — Ригана уже принесла огромные прибыли корпорациям и одновременно обездолила миллионы нуждающихся американцев.

В газете «Нью-Йорк таймс» был опубликован рисунок Белого дома, причем на его крыше разместилась огромная эмблема крупнейшей калифорнийской строительной компании «Бектел», которая оказала большую финансовую поддержку Рейгану во время президентских выборов в 1980 году. И именно эта компания направила в «команду Рейгана» двух его главных советников: президент «Бектел» Дж. Шульц стал государственным секретарем, а один из ее руководителей, К. Уайнбергер, стал шефом Пентагона. Газета «Нью-Йорк таймс» не без оснований отмечала: «Удивительно, что президент вообще не передал всю неразбериху во внешней политике корпорации «Бектел», откуда пришли Шульц и Уайнбергер. Это по крайней мере избавило бы правительство от забот о правительстве».

А что такое фирма «Бектел»? Это типичный транснациональный финансово-промышленный гигант, он ведет деловые операции колоссального масштаба не только в США, но и в ста других странах. Корпорации с таким размахом без влияния Белого дома не обойтись, вот она и решила сама в него въехать!

Шульцем и Уайнбергером непосредственные связи «Бектел» с Белым домом не ограничиваются. Небезызвестный советник и посланник Рейгана по делам Ближнего Востока Филип Хабиб является штатным консультантом концерна «Бектел», который, кстати, строит в этом регионе разные объекты на несколько десятков миллиардов долларов. Вот и разберись тут, чьи интересы прежде всего представляет двуликий Филип Хабиб — своего концерна или США?

Так вот и проводится большая американская внешняя политика... Вернее — так вот и обделывает свои дела большой бизнес в Белом доме.

При Рейгане заместителем министра обороны стал Р. Делоэр, бывший до того вице-президентом одного из крупнейших оружейных концернов ТРВ, который является главным подрядчиком в создании ракетно-ядерной системы «МХ». Уж кто-кто, а мистер Делоэр, несомненно, обеспечит прибыльными заказами и свой бывший концерн и других фабрикантов оружия! Идеи разрядки его не увлекут... Наоборот! Как пишет газета «Нью-Йорк таймс», рейгановская администрация «обрушила золотой дождь многомиллиардных заказов на военно-промышленный комплекс».

И куда ни кинь взор среди «рейгановской сотни», всюду увидишь одну и ту же ситуацию: люди делают деньги, используя при этом имеющиеся в их руках политические рычаги. Так, директором бюро открытых разработок стал Дж. Харрис. Его задача — предотвращать расхищение природных богатств и при этом еще бороться против загрязнения окружающей среды. То есть Харрис по идее обязан быть грозой для горнорудных концернов. Обязан... Но дело в том, что он сам является крупным держателем акций этих концернов. Член палаты представителей М. Юдол со знанием дела свидетельствует: «Поставить кого-либо подобного отвечать за открытые горнорудные разработки равносильно назначению вампира заведующим донорским пунктом».

Отвечать за природные богатства по линии министерства сельского хозяйства США, в том числе и за сохранность лесов, при Рейгане поставили Дж. Кроуэлла. А ведь именно он до этого заправлял в деревообрабатывающих концернах. «Это то же самое, что поставить

лису охранять курятник»,—сказал о назначении Дж. Кроуэлла один из организаторов движения американцев за сохранение природы, П. Кирби.

Тот же самый принцип подбора руководящих кадров рейгановской администрации распространяется на все сферы ее деятельности. Видный американский религиозный деятель У. Коффин задается таким вопросом: «Посмотрите же, кому поручено вести международные переговоры. Все они всегда ратовали и продолжают ратовать за жестокую политику с позиции силы. По их рецепту сначала необходимо до зубов вооружиться, а уж затем в ультимативном порядке потребовать от другой стороны уступок. Не стремятся ли эти политики завести в тупик и женевские и венские переговоры?» То есть даже лица, официально обязанные выступать за ослабление напряженности, дуют в одну дуду с милитаристами, дуют во имя еще большего обогащения военно-промышленного комплекса.

В такой атмосфере перераспределения государственной казны в пользу сильных мира сего за счет нужд простого народа легко размножаются вирусы беззакония. Газета «Нью-Йорк таймс» посвятила рейгановской администрации статью «Личное богатство и служение обществу», в ней, в частности, говорится:

«В администрации Рейгана гораздо больше богатых бизнесменов и миллионеров, чем в какой-либо другой, известной нам... Такая концентрация богатства на самом верху администрации создает необычную ситуацию, в которой более чем дюжину самых высокопоставленных ее членов необходимо спрашивать об их финансовом состоянии и о возможных столкновениях между их официальными обязанностями и их личными интересами. В частности, встает вопрос о конфликте между моралью частного сектора и государственного... Большое число назначенных Рейганом лиц отвечают как раз за те сферы бизнеса, из которых они сами вышли: добыча полезных ископаемых, лесоразработки, транспорт, банки, производство промтоваров, ядерное производство, фармацевтика, скотоводство, радиоиндустрия...»

Это сделанное в весьма обтекаемой форме признание на деле оборачивается злоупотреблениями и беззаконием. Каждый на своем месте стремится урвать свое да еще обогатить тех, кого он представляет, кто его послал в правительство. Вот и происходят один за другим скандалы, крупные и мелкие, подходящие все под один знаменатель — коррупцию, под одно правило — закон Вашингтона.

Шеф ЦРУ У. Кейси оказался замешанным в аферах по купле-продаже акций различных компаний, в спекуляциях на бирже. Оно и понятно! У него на руках акции 27 корпораций, и он постоянно располагает (по своим секретным государственным каналам) информацией, полезной не только для разведчика, но и для бизнесмена. Вот тут и суди о возможных конфликтах между личными и государственными интересами!

Став главой ЦРУ, Кейси назначил своим заместителем дельца-миллионера Макса Хьюджела, а вскоре в американской прессе появились материалы о грязных махинациях Хьюджела в сфере бизнеса. Факты эти были преданы гласности его бывшими деловыми партнерами. Пришлось Хьюджелу уйти в отставку. А Кейси остался на своем месте...

Между прочим, газета «Вашингтон пост» сообщила о наличии пленок с тайными записями бесед Хьюджела со своими коллегами по бизнесу. Газета пишет, что «репертуар» этих записей был весьма любопытным, хотя и специфическим. В них Хьюджел, например, угрожал убийством своим конкурентам-бизнесменам и адвокатам и признавался в том, что является «лжецом, осведомителем и шулером». Выразительный портрет бизнесмена и государственного деятеля!

Попался на финансовых махинациях и министр юстиции США Уильям Смит: он в нарушение налогового законодательства прикарманил около 175 тысяч долларов. Уличен в незаконных операциях министр торговли М. Болдридж, он нарушил закон, запрещающий лицам, назначенным на федеральные посты, иметь побочные доходы (получил от корпорации «Сковилл» в виде различных «льготных выплат» и «премий» более одного миллиона долларов).

Не отстал от других и министр военно-морских сил США Дж. Леман. В нарушение существующих законов он уже после назначения на свой пост в Пентагоне продолжал поддерживать свои финансовые связи (то есть продолжал делать деньги) с фирмой, представляющей интересы военного бизнеса. Дело в том, что он еще с 1977 года являлся президентом консультативной фирмы «Абингдон корпорейшн», клиентами которой состоят такие крупнейшие подрядчики Пентагона, как «Боинг», «Нортроп» и другие. И вот уже на посту министра Леман продолжал загребать деньги, причем, конечно же, с еще большим успехом, чем раньше, поскольку теперь он имел в своих руках влиятельные рычаги правительственного аппарата. Повторяем, официально такое использование служебного положения считается серьезным преступлением.

Примечательно, что в скандальные ситуации один за другим попадают ближайшие сподвижники Рейгана, которые в течение многих лет поднимали его вверх по политической лестнице.

Люди Рейгана в Белом доме — это не исключение, а правило политической жизни в США. Как и многие их предшественники, они и в Белом доме продолжают заниматься тем же, чем занимались, подвизаясь в бизнесе, где жажда наживы оправдывает и списывает любые преступления.

Приглядимся еще к нескольким ближайшим соратникам Рейгана.

Как известно, в начале 1981 года Рейган назначил Ричарда Аллена своим помощником по национальной безопасности. Официально, для всех, Р. Аллен был близким к Рейгану человеком, видным деятелем среди правых республиканцев, считался специалистом по внешней политике, при президенте Р. Никсоне работал в Белом доме...

Но оказалось, что одновременно жил и преуспевал другой Р. Аллен, нажившийся за счет преступных махинаций на политической арене. Например, в начале 70-х годов он стал представителем в Вашингтоне нескольких португальских фирм, связанных с тогдашним диктаторским режимом в Лиссабоне. Эти фирмы имели капиталовложения в Мозамбике и Анголе. В 1973 году в прессе появились сообщения о том, что в Мозамбике португальские колонизаторы стерли с лица земли несколько деревень, расстреляли и сожгли сотни мужчин, женщин и детей. Португальское правительство, разумеется, опровергало эти факты, а Р. Аллен, со своей стороны, делал в Вашингтоне все возможное, чтобы обелить палачей, у которых он за это получал зарплату.

Такого рода деятельность Аллена привлекала к нему внимание и других влиятельных иностранцев, заинтересованных в связях с Вашингтоном, где Аллен был, как рыба в воде. Почувствовав большой спрос на себя, Аллен основал консультационную фирму «Потомак интернэшнл корпорейшн». В ней он стал и ее основателем, и владельцем, и президентом, и главным консультантом. Примечательно, что клиенты фирмы и их запросы были строго засекречены. Есть сведения, что услугами этой фирмы Аллена пользовались японские компании, заинтересованные в увеличении сбыта своих товаров на американском рынке. Всплыли, например, факты, свидетельствовавшие о том, что Аллен проталкивал в Вашингтоне дела японских автомобильных фирм. При этом он передавал им полезную для них, но весьма конфиденциальную информацию. Последнее обстоятельство обнаружилось как раз в то время, когда Аллен в1980 году руководил кампанией по избранию Рейгана в президенты США. Из-за этого скандального разоблачения ему пришлось устраниться от руководства избирательной кампанией. Зато сразу же после прихода в Белый дом Рейган назначил его на пост своего помощника по национальной безопасности. Как видно, Рейгана нисколько не смущают грязные аферы его ближайших сподвижников, таких, как, скажем, Аллен. Последний остался верен себе и на высоком посту в Белом доме: он тут же попался на получении взятки. При разборе этого дела всплыли и другие махинации Аллена. Оказалось, что при вступлении в должность помощника президента он в письменном заявлении указал, что свою консультативную фирму «Потомак интернэшнл» продал еще в 1978 году. При проверке выяснилось, что Аллен оставался ее владельцем до января 1981 года и только тогда продал ее П. Хеннафорду. Но и после Аллен продолжал держать тесную связь с Хеннафордом и с его клиентами из Японии, то есть продолжал делать деньги, используя свое политическое влияние.

Пример этот — типичный для нравов Вашингтона. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет, что в американской столице «политические связи — это валюта для занимающихся обработкой общественности и лоббизмом». Вот еще один факт из деятельности фирмы Аллена — Хеннафорда. С ее помощью диктаторы из Гватемалы добились возобновления продажи американского оружия правительству этой страны. Помните, как чуть выше мы упоминали о совместных делах Аллена с португальскими диктаторами в 70-е годы? Теперь — Гватемала...

Пришлось Аллену уйти в отставку. До того он оказался скомпрометирован. Тем не менее, принимая его отставку, Рейган заявил, что расследованиями не установлено «никаких злоупотреблений» со стороны Аллена. Почему же он все-таки вынужден был уйти?

В длинном перечне сподвижников Рейгана, имеющих сомнительную репутацию, нельзя не упомянуть одного из его ближайших друзей — миллионера Альфреда Блюмингдейла. Он из тех самых денежных тузов, которые посадили Рейгана в Белый дом. Известно, сколь щедро финансировал Блюмингдейл избирательную кампанию Рейгана.

Скандал вокруг Блюмингдейла разразился вскоре после его смерти. Некая Вики Морган, молодая и эффектная манекенщица, запросила у семьи покойного одиннадцать миллионов долларов. Это был самый настоящий шантаж, но не без оснований. Находчивая Вики так дорого оценила те секреты, которые выбалтывал ей наедине Блюмингдейл, ее покровитель и любовник. Вдова и другие родственники покойного донжуана отказались удовлетворить требования шантажистки, и тут, как из рога изобилия, посыпались разоблачения.

Оказалось, что о тайной интимной связи старого миллионера с молодой манекенщицей узнала в свое время израильская разведка «Моссад». Боясь разоблачения и публичного скандала, Блюмингдейл стал послушным слугой израильской разведки. Будучи близким человеком Рейгана, он обеспечивал в Белом доме интересы израильских «ястребов». Вместе с этим сенсационным фактом всплыли и другие. Например, подробности финансирования избирательной кампании Рейгана. Так, оказывается, в избирательный фонд поступали средства из игорных домов из штата Невада. А принадлежат эти заведения мафии... Вот в какой адрес привел еще один вашингтонский скандал! Деньги не пахнут...

Итак, что же мы имеем? Законодателем политической жизни в Вашингтоне, барометром вашингтонской морали является элита, сосредоточенная в Белом доме, конгрессе и высших судебных органах. И, как показывает жизнь, она подчиняется одному правилу — захватил власть, используй ее в своих корыстных интересах, обогащайся во что бы то ни стало! Это и есть закон Вашингтона, сформулированный предельно кратко. Конкретные злоупотребления властью во имя личной выгоды, мошенничества и аферы могут быть самыми разными, отклонения от официально принятой морали тоже могут бесконечно варьироваться, но суть всегда в одном — в использовании служебного положения в интересах личной наживы.

Таким образом, мы подходим к тому непреложному факту, что политическая жизнь, идущая по закону Вашингтона, подпадает под более общее правило американской жизни — закон бизнеса. По нему, как известно, нет такого преступления, на которое не пошел бы предприниматель ради прибыли. И чем крупнее возможная эта нажива, тем на большее преступление пойдет бизнесмен.

Политика в США — это тот же бизнес, в данном случае политический. Отсюда и следуют все неизбежные выводы, которые на примере администрации Рейгана особенно заметны и наиболее выпукло вырисовывают контуры закона Вашингтона.

Душа клоуна

Роман Сомоновский — В. Павлов, Сергей Синицын — В. Соломин.

Фото И. Ефимова

Сначала была повесть «Мой любимый клоун».

Теперь появился одноименный спектакль. Автор повести, опубликованной в журнале «Юность», и пьесы, поставленной ныне на сцене Малого театра,— известный киноактер, он же сценарист, прозаик Василий Ливанов.

А постановщик спектакля и исполнитель главной роли — клоуна Сергея Синицына — Виталий Соломин.

Их имена, В. Ливанова и В. Соломина, объединяет многосерийная телевизионная лента о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, где они играют этих популярных героев. И хотя ее содержание не имеет, разумеется, ничего общего с жизненным и человеческим материалом спектакля «Мой любимый клоун», длительное актерское партнерство, надо думать, сказалось на новой совместной работе В. Ливанова и В. Соломина, на сей раз в театре. Возникшие и закрепившиеся в процессе телевизионных съемок их творческое единомыслие, взаимное доверие, художническая близость способствовали рождению сценического произведения, гармоничного и цельного, как по своей нравственной основе, так и по форме выражения.

Герои нового спектакля Малого театра — люди цирка. И в его особую, ни с чем не сравнимую атмосферу сразу же после открытия занавеса погрузит зрителей радужная театральная метафора циркового представления. Сцену празднично расцветят всеми красками мигающие фонарики, яркие развевающиеся ленты (художник К. Шимановская). И под бравурную цирковую музыку (композитор В. Мороз) продефилируют — многообещающе и чуть загадочно — все участники спектакля. А через все последующее действие, как бы обрамляя его, пройдет специфический цирковой антураж в виде забавных клоунских «антре». Их ведут совсем молодые клоуны Сева и Игорь (студенты Щепкинского театрального училища В. Хабаров и И. Лях), радуя публику своими вполне профессиональными репризами, пантомимами, трюками и одновременно ловко и чисто выполняя функции слуг просцениума.

Но все это — лишь форма спектакля, уместно придуманная и выполненная изящно, легко, темпераментно. А его содержание, его нерв — в душах людских.

О, как они ослепительно прекрасны и безмятежны, как они сильны и отважны, виртуозны или смешны на манеже — артисты цирка! Как победительно и счастливо упархивают они с арены под шквал восторженных рукоплесканий! А за кулисами они становятся такими же людьми, как все. И каждому из них, только что сиявшему, расточавшему улыбки, ведомы и грусть, и боль, и печаль, и самые обычные житейские заботы и проблемы...

Пусть эта тема не нова и в известной мере традиционна в художественных произведениях о цирке. Василий Ливанов нашел для нее свой поворот, свою жизненную окраску, свой добрый и умный взгляд в поведанной им истории о клоуне Сергее Синицыне. Вернее, о двух клоунах, потому что коверный Сережа не только на арене, но в жизни неразлучен со своим партнером Романом Сомоновским. Это история самоотверженной мужской дружбы, верности своему призванию; история непростой, трудной любви Сергея; наконец, история о том, как он усыновил детдомовского мальчонку Ваню и как боролся за жизнь этого внезапно заболевшего малыша...

— Нелепые мы с тобой люди,— говорит однажды Роман Сергею.— Одно слово — клоуны.

Но чем дальше разворачивается действие спектакля, тем больше и больше убеждаешься, что вся их «нелепость» — лишь в той по-детски чистой, открытой непосредственности, с которой эти взрослые люди выражают свои чувства и побуждения. И без которой, наверное, не может быть настоящего клоуна... Да, профессия наложила свой отпечаток на героев — они и в житейском обиходе привыкли шутить, дурачиться; порой могут даже в сложной и драматичной ситуации скрыть за какой-нибудь экстравагантной выходкой истинную глубину своих переживаний, своей душевности... Важно, что эту глубину — дорогу и драматургу, и театру, и нам, зрителям,— ощущают и раскрывают тонко и выразительно Виталий Соломин и Виктор Павлов. Их герои вовсе не нелепые. Они умные, добрые, сердечные. Именно поэтому так достойно преодолевают они нелегкие нравственные испытания, что выпадают на их долю, составляя довольно напряженный сюжет спектакля. И хотя его жанр обозначен как комедия и в зрительном зале часто звучит смех, спектакль этот отнюдь не развлекательный и дает повод для раздумий о многих куда как серьезных жизненных материях. Коверные клоуны Синицын и Сомоновский успешно развлекают зрителей на арене цирка, а в жизни они являют поучительный пример подлинной человеческой красоты и благородства.

Разностороннему выявлению этой их внутренней сути так или иначе помогают все остальные персонажи спектакля. Эскизность, эпизодичность не помешали разглядеть в них интересные, приметные характеры А. Евдокимовой и Н. Вилькиной (актрисы цирка Алиса Польди и Полина Челубеева), Г. Куликову (шпрехшталмейстер Димдимыч), В. Хохрякову и М. Овчинниковой (супруги Баттербард), Г. Скоробогатовой (соседка Синицына Мать Мария), Г. Деминой (дежурный врач).

В нынешнем театральном сезоне на столичной сцене появился целый ряд спектаклей, посвященных теме морали, нравственным исканиям современника. «Мой любимый клоун» занимает среди них место заметное.

Н. ЛЕЙКИН

О чем поведали колокола

На афише республиканского Русского драматического театра в Чебоксарах появилось новое название: «Колокола души». Спектакль по одноименной пьесе Николая Терентьева, народного писателя Чувашии, поставлен режиссером М. Зильберманом (художник — заслуженный работник культуры РСФСР В. Мазанов).

И вот миновала премьера, наступили будни. Коллектив театра дорабатывает сцены, актеры углубляют характеры героев.

Сложную социальную проблему решает автор в своем произведении. В конце семидесятых годов сельская жизнь знала такие деревни, где есть Дом быта и Дворец культуры, асфальт и водопровод. А за ближним лесом или оврагом, как были, так и остались слабые деревеньки. Иные даже хуже стали!.. Короче, люди села оказались в неравных условиях... В пьесе Николая Терентьева горячее стремление решить эту насущную проблему сложно переплетается с личными отношениями и конфликтами. Во многом сюжет формирует, движет и развивает судьба Веры. Это одна из главных героинь в пьесе и спектакле, молодой парторг крупного колхоза-миллионера «Маяк».

Человек непростой жизни, Вера трагически потеряла мужа. А в детстве она была свидетелем того, как ее отец «тужился-тужился в председателях, аж до седьмого пота», но в колхозе, носящем имя «Прогресс» он так и не достиг никакого прогресса!.. Поэтому так убежденно, так наступательно Вера (Т. Попова) спорит с председателем и организатором колхоза «Маяк» Таисией Федоровной (А. Баулина).

Конечно, причина столкновения героинь еще и в том, что обе они любят одного и того же человека, это Петр Яковлевич, председатель райисполкома, муж Таисии Федоровны. Раскрывая их образы, театр показывает сложность конфликта — и личного и общественного...

Время побед, какие одерживала Таисия Федоровна, прошло. Отстаиваемый ею «комплекс» ведь еще больше осиротит слабые, бесперспективные деревеньки... В сложном характере своей героини А. Баулина высвечивает волю и бессилие, гордость и безысходность.

Зато в роли Веры Т. Попова, осуществляя авторский замысел, показывает человека, убежденного в своей правоте; раскрывает характер солнечный, ясный. Сценический образ Веры привлекает темпераментом, оптимизмом: она напориста, серьезна и одновременно женственна, пластична. В ее действиях — искренняя забота о людях села, об их будущем. Таисия же, соперница Веры, как раз и не учитывает ни нравственного опыта, ни чаяний людей села...

Все актеры, занятые в спектакле, нашли точные и яркие штрихи для характеристики своих героев. Театр показывает интересных, живых людей, наших современников, в самой гуще нынешней жизни.

Вл. ДОЛГОВ

Чебоксары.

Таисия — А. Баулина.

Фото Алексея МАСЛОВА

Поцелуй землю

Муин БСИСУ,
палестинский поэт

Каждый колокол — колос,
Плод граната,
Коробочка хлопка...
Бейте же громче, колокола
тутовых дерев!

Из суры «Хлопок».

Двести восемьдесят дней в году светит солнце над Ферганской долиной, где тутовые деревья до сих пор оплакивают поэта Хамзу Хакимзаде Ниязи, принявшего мученическую смерть от камней... В Коканде я видел руки мастера-резчика Кадерджана Хайдарова, выпускающего на волю птиц, таящихся в деревянных чушках. В Куве секретарь горкома партии Мусаджан Шербутаев преподнес мне плод граната размером с узбекскую лепешку и кинжал прозрачнее петушиного глаза, кинжал, похожий на шелковый локон, на острый рог, отлитый из воды.

Столица Узбекистана — это стихи, хлопок и тутовый шелкопряд. Это прядильщица Милихон Абдуллаева, в прошлую пятилетку выполнившая план одиннадцати лет. Сколько километров ткани будет соткано из выработанной ею пряжи?..

В совхозе «Ямпол» в Андижане юная девушка преподнесла мне куст хлопчатника. Когда я принес его в гостиницу, коробочки раскрылись, став похожими на зеленые колокола.

В Намангане я видел необыкновенный памятник — партийный билет, отлитый в бронзе, на котором была надпись: «Сражался во время Великой Отечественной войны».

В Туракургане мне показали партийный билет Кемалджана Тугунова, защищавшего дом сержанта Павлова в Волгограде.

...На перроне Ташкентского вокзала стояли женщины, мужчины, дети. Они ждали поездов из разных городов страны, осажденных гитлеровцами. Эти города, словно висячие сады — баррикады, где мешки с песком стали огнем, затвердевшим и превратившимся в неприступную скалу.

Во главе этих городов — Ленинград, город-герой, город белых ночей. Тот поезд, в ожидании которого был Ташкент, прибывал из Ленинграда. Пассажирами его были дети, вырванные из огненной пасти, из горящего окна,— новое поколение советских людей...

Шахмет Шамухамедов — отец восьмерых детей. Он хорошо знает цену хлеба. Но сердце его больше, чем все ташкентские хлеба. Он раскрывает свои руки навстречу поезду, принимая в свои объятия девять детишек из Ленинграда, влившихся в его семью. Шахмет стал отцом семнадцати детей.

Когда идешь по улицам Ташкента, Самарканда, Бухары, по дорогам Ферганской долины, чувствуешь, что Шахмет Шамухаммедов тоже идет по ним со своими ленинградскими детьми и внуками.

Это мой второй приезд в Ташкент.

Тринадцать лет тому назад я уже был в Ташкенте. Тогда я познакомился с Евгением Евтушенко, который первым перевел на русский язык мои стихи. Это было стихотворение «Барабан». Я читал его по-арабски, а Евтушенко — по-русски.

Ташкент представил меня стихами. Самарканд подарил мне другое стихотворение, внука старинной легенды, героями которой были строитель и губы женщины.

В легенде этой говорится: «...Жена Тамерлана задумала удивить своего мужа, чтобы глаза его прозрели, а сердце сделалось мудрым. Призвала она строителей и потребовала возвести дворец, подобного которому нет на белом свете. Сделать это надо было за семь дней. Дворец будет подарком Тамерлану, а строители получат все, что потребуют. Все, кроме одного, отступили. Он встал перед женой Тамерлана и сказал о согласии возвести дворец, подобного которому нет, за семь дней... За это просил он всего лишь одну вещь: чтобы разрешила ему жена Тамерлана поцеловать себя...»

Один поцелуй — за возведение дворца, о котором еще и не помышлял строитель. Дворец — за один поцелуй.

После того как дворец будет построен, наступит расчет... Согласилась жена Тамерлана предать свои уста строителю.

На седьмой день жена Тамерлана вместе со строителем была во дворце. Какой же дворец построен за поцелуй? Какие окна? В каждом окне — женщина. В фонтанах струи воды, соединяясь гроздьями, взметаются ввысь и разлетаются в стороны. Каждая гроздь превращается в женщину. Раковины, которые падают вокруг фонтана, раскрываются, и сыплются из них жемчужины: красные размером с гранатовое зернышко, белые размером со страусово яйцо...

Невольница ставит перед женой Тамерлана две чаши, наполняет одну водой, другую — аракой...

— Смотри,— говорит Тамерланова жена строителю,— в этой чаше вода, она похожа на араку в другой чаше. Каждая женщина похожа на другую, в чаше ли, на ложе ли... Выбирай из моих невольниц, какую хочешь для своего ложа... И оставь меня...

Но строитель жаждал испить ту чашу, которую он выбрал, ради которой построил дворец. Дворец в виде чаши. Чаша эта — прекрасные уста жены Тамерлана.

Женщина кладет руку поверх своей чаши, поверх своих уст, подставляет щеку для поцелуя... Молния, застывшая на губах строителя, расплавилась, росинки, застывшие на ресницах его, растворились, дождь, застывший в крови его, растаял... Мрамор дворца, рожденного из уст его, плавится над щекой женщины, убравшей ладонь со рта своего, чтобы насладился им строитель... И поцелуй — словно гроздь винограда!

...1969 год преподнес мне Ташкент как поэму... Самарканд подарил мне легенду о строителе дворца Тамерлана и женских устах... Бухара, отягченная историей столица караванов, привозивших золото и соль, шелк и пряности на спинах верблюдов, шеи которых' словно мосты, соединяющие ее с арабскими странами, с Индией,— новая Бухара, Бухара стали и стекла, преподнесла мне сверкающий электрический букет.

Сейчас в Бухаре возводится оперный театр. Это третий после Ташкента и Самарканда оперный театр в Советском Узбекистане.

Когда в Каире сгорел оперный театр, во всем арабском мире не осталось ни одного оперного театра.

Сейчас, спустя тринадцать лет, я вхожу в Ташкент второй раз — словно из дверей того поезда, что доставил детей. Из дверей, раскрытых мне узбекским другом Палестины Сарваром Азимовым, первым секретарем правления Союза писателей Узбекистана. В первый вечер он пригласил меня на ташкентскую свадьбу. Свадьбы в Узбекистане играют в сезон сбора винограда и хлопка, и узбекское дитя словно рождается в рубашке из хлопка с виноградной гроздью в руке...

Новобрачные, перед тем как уединиться в опочивальне, преклоняют колени и целуют землю. Это старинный узбекский обычай — первый поцелуй новобрачные отдают земле.

В этот приезд мне довелось встретиться с первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС товарищем Шарафом Рашидовым. Он вручил мне ключ от Ферганской долины.

Вход в знаменитую долину — город Коканд, которому уже без малого тысяча лет. Город поэтов... О нем писал золотой водой свои книги Якут ар-Руми... Но пришел грозный завоеватель Чингисхан и разрушил Коканд своим мечом...

Но город, уничтоженный огнем, родил из крови своей поэта, имя которому — Хамза Хакимзаде Ниязи.

В Коканде, поэты которого рождены тутовыми деревьями и соками земли, есть кладбище поэтов. На этом кладбище высится купол мавзолея поэта Мукими Мухаммада Аминходжи, сына узбекского народа, жившего еще при царизме.

Отсюда направляемся к скульптору, работающему по дереву, народному художнику Кадерджану Хайдарову, одному из тех, кто придает неповторимое выражение лику Коканда. Его дом стал учебным классом, мастерской для многих его последователей, которые извлекают из куска дерева сокрытого в нем круглолицего разукрашенного младенца...

В 1923 году Кадерджан Хайдаров изготовил деревянную тумбочку, украсил ее резьбой, словно драгоценный сосуд для книг, и подарил ее, как завещал ему отец, Владимиру Ильичу Ленину. Она сейчас находится в Доме-музее В. И. Ленина в Горках Ленинских.

Мастер Кадерджан Хайдаров — дедушка кокандских мастеров по дереву.

Меня представили ему как палестинского поэта. Он взял разукрашенную, круглую, как луна, тонкую деревянную дощечку, вырезал на ней свое имя и вручил мне...

Под охраной тутовых деревьев отправляемся из Коканда в Маргилан — город шелка. Маргилану уже исполнилась тысяча лет. Он ежегодно дает земному шару шелковый водопад в 26 миллионов метров.

Слава тутовому шелкопряду!

Из Маргилана — в Фергану, которую называют «спящей красавицей». В Фергане во время Великой Отечественной войны жил и работал Алексей Толстой. Из Ферганы — в соседний город Хамза, названный по имени Хамзы Хакимзаде Ниязи. Раньше селение называлось Шахимардан.

Стоишь перед могилой поэта... Надгробный камень, как и на других могилах, говорит скупо:

«Хамза Хакимзаде Ниязи
1889—1929»

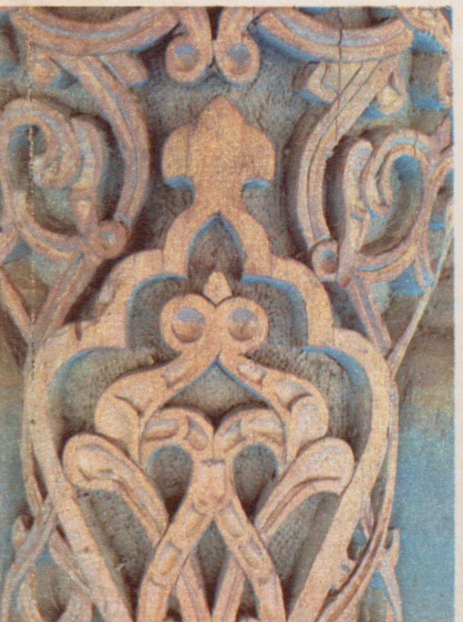
А ниже строки его стихов:

...Радость наша будет вечной,
Солнцем яростным взорвется.
И печаль исчезнет в ночи...

Так писал поэт, убитый душманами...

Для солнечной радости революции писал Хамза свои стихи, призывавшие крестьян к

Жемчужина Узбекистана — Самарканд * «Почерк» К. Хайдарова, искуснейшего резчика по дереву, известен далеко за пределами его родного Коканда * Хлопок — это не только жаркий труд, хлопок — это и современная техника... * Шелковые «водопады» города Маргилана.

борьбе против баев. Хамза открыл школу, для которой написал учебники в соответствии с новой программой, принятой после победы Советской власти.

В Коканде Хамза создал национальный узбекский театр, сочинял для него пьесы.

Первую узбекскую актрису, игравшую главную роль в пьесе Хамзы, муж забил камнями... В Узбекистане сцена театра в те времена была гильотиной для женщин-актрис. И чтобы не закрылся театр Хамзы, русская актриса вызвалась выступать в нем...

Театр рождается на камнях. Из голоса русской актрисы и узбекского поэта...

Из театра на камнях — к театру на повозке. Поэт Хамза создал передвижной театр, в котором он был и автором пьес и актером. Он писал для театра песни на собственные мелодии. Кровь поэта-мученика взорвалась музыкой...

В селении Шахимардан, где Хамза построил канал, в Шахимардане, куда он принес свои песни в ладонях, как живительную влагу для крестьянских детей, в Шахимардане, где он создал первый колхоз, в Шахимардане, где он читал крестьянам основанную им же газету «Свобода», в Шахимардане, где он долгими ночами на радость крестьянским сердцам играл на различных музыкальных инструментах, в Шахимардане окружила его банда баев. От их рук пал революционный поэт...

На холмах города Хамзы, где высится купол мавзолея — музея Хамзы, разбросаны круглые, как ежи, гладкие камни, цветом напоминающие шафран. Идешь среди этих камней и остерегаешься, чтобы не наступить на них ногой. Смотришь на них, и глаза твои загораются гневом...

Может быть, этот камень, похожий на волчий череп, был брошен в Хамзу, рассек его лицо, и ресницы его слиплись от крови...

Из города Хамзы в город Куву, лицо которого — гранатовое дерево.

Утренняя сводка погоды: ожидаются сильные дожди.

Прогноз оправдался. Разверзлись хляби небесные. Затопило хлопковые поля... Мусаджан Шербутаев, первый секретарь горкома партии, в то время был на плантациях вместе с колхозниками буквально дни и ночи. Тысячи людей последовали за ним и другими коммунистами туда, где хлопковые кусты боролись с бушующими потоками воды...

Куст хлопка победил буйство воды...

И вот Мусаджан Шербутаев, боровшийся с бушевавшей стихией, защищая хлопок, разламывает узбекский хлеб-лепешку, делит ее на двоих.

— Мы радуемся,— говорит он,— когда у нас в Куве рождается ребенок, когда приезжает к нам гость, когда раскрываются коробочки хлопка...

Я был гостем Кувы, гостем гранатового дерева...

Путь в Андижан... Мы завершаем первую часть поездки по Ферганской долине.

Андижан встретил меня руками Махфары Таджихалиловой, заместителя председателя облисполкома, и Шарфатджаны Берматовой, заведующей отделом областного комитета партии.

Из этих женских рук, напоминающих крылья горлиц, мы направились в совхоз «Ямпол». Его директор — сын бывшего байского батрака, которого сделала хозяином земли революция.

Было время сбора хлопка. На полях совхоза «Ямпол» комбайны словно зеленые фонтаны среди кустов белого хлопка.

Я знаю, что этот хлопковый куст в Узбекистане растет и плодоносит, чтобы подарить букет чистейшей ваты раненому палестинскому бойцу в бейрутском госпитале «Газа», чтобы стать платьем, прикрывающим женскую грудь в Аддис-Абебе, чтобы превратиться в тапочки для рабочих, добывающих мрамор в Анголе. Я знаю этот хлопковый куст из Узбекистана. Я видел его в Кабуле...

Собранный на полях совхоза «Ямпол» хлопковый каравай я хочу разделить между детьми Палестины, Ливана и Узбекистана!

Мы были у реки Карадарьи и Большого Ферганского канала, пересекающего ее. В 1939 году канал этот длиной в 270 километров был вырыт крестьянами при помощи мотыг всего за сорок пять дней!

И вот я в Намангане.

Музей Муллы-Киргиза в Намангане превратился в детскую художественную студию, а студия стала выставкой детских рисунков и поделок.

На стене висит большой резной портрет Владимира Ильича Ленина — вождя революции, ведущей людей к будущему, XXI веку, висит текст декрета о сохранении культурно-исторического наследия. Все это сделано умелыми руками двух мальчиков, Аманова и Мухамедова.

Песчинка, попавшая в раковину, становится жемчужиной... Словно раковина, в которую вошла революция, высятся в Намангане купола мемориала тех, кто нес революционные знамена Советской власти.

Под сводами куполов Мемориала героев революции и Великой Отечественной войны в стеклянных сосудах хранится земля девяти советских городов-героев. Девять орденов из земли, расцвеченной камешками, на груди Намангана...

Из Намангана — в Туракурган, где заканчивается наша поездка по Ферганской долине.

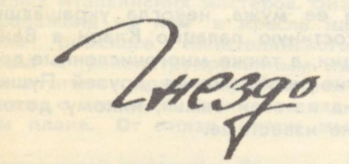
В центральном саду у мемориала тянутся ряды розовых кустов, как надгробия могил. Рядом с ними словно бы застывшая медная молния — табличка, на которой под красной звездой вычеканено имя бойца...

Мы возвращаемся в Ташкент.

Уезжаешь, увозя с собой подарки: имена новых товарищей и друзей, сыновей и дочерей хлопка, богатства Советской страны, сыновей и дочерей шелкового дерева.

Уезжаешь, унося в руках подарки Ферганской долины: хлопковый куст, кинжалы, подобные шелковым локонам, закаленные всеми цветами радуги, платки, подобные облаку зеленых трав, плывущих, как стадо солнечных газелей. Роса ниспадает на них, уста их источают аромат жасмина...

Перевод С. ИВАНОВА

Анатолий ТУЧИН

●

На слом уходит старый дом,
и экскаватор рушит стены;
вот-вот заденет он гнездо,
ковшом работая степенно.

Змеятся щели по стене,
летит пластами штукатурка,
над домом крыши больше нет,
и пыль ползет по переулкам.

И пыль на ласточку легла —
сидит в гнезде седая птица —
два припорошенных крыла.
В глазах видны песка крупицы.

Вот скоро рухнет старый дом,
но до последнего мгновенья
в гнезде останется тепло
и новой жизни зарожденье

●

Ты мне сказала: «Уходи!
Встреч легкомысленных
не надо,
Но все же завтра позвони.
Я буду ждать.
Я буду рада».

В твоих глазах прочел я грусть
неодолимою преградой
и вдруг почувствовал весь груз
тяжелых слов: «Я буду рада».

В безмолвной, сумрачной ночи
и под холодным лунным
взглядом,
казалось мне, сквозь боль
кричит
твоя тоска: «Я буду рада».

НА ЖИЗДРЕ-РЕКЕ

Река течением влечет,
я ощущаю трепет весел,
а на холмах то дот, то дзот
в земле таятся сорок весен.
И вдоль нейтральной полосы,
теперь уж речки тихой-тихой,
стекают капельки росы
с берез, увитых повиликой.
Еще видны за рядом ряд
колючей проволоки струпья,
деревья сумрачно стоят
с тяжелой ржавчиной
на сучьях.
И ноши той не опустить
(Врастает проволока в тело).
И как деревьям объяснить,
что канонада отгремела?

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ХОРОШИ КАРАНДАШИ, НО...

Начальник проектной конторы «Новжилкоммунпроект» кандидат архитектуры И. И. Кушнир прислал в редакцию такое письмо:

«Обращаюсь с вопросом: куда исчезли карандаши твердости ТМ, Т, 2Т? Их когда-то было в достатке. Но вот уже два года они исчезли из продажи, не только у нас в Новгороде, но и в других городах. Чем работать нам, проектировщикам? Хочется спросить тех, кто создал этот дефицит: когда такие карандаши будут в достатке и хорошего качества? Ведь мы не можем без твердых карандашей разрабатывать проектную документацию».

Письмо это редакция переслала главному производителю карандашей — в Министерство местной промышленности РСФСР. Вот точка зрения на этот вопрос начальника управления развития производства школьно-письменных принадлежностей В. В. Свистунова:

«Управление развития производства школьно-письменных принадлежностей сообщает, что в связи с реконструкцией Томской и Московской имени Красина карандашных фабрик заявки торгующих организаций на карандаши в древесной оболочке длительное время не удовлетворяются. Управлением принимаются меры по увеличению выпуска карандашей. За 1981—1982 годы их выпуск на указанных предприятиях возрос на 143 миллиона штук, или на 34,1 процента, в том числе цветных (речь в письме читателя не о них. — Ред.) на 78 миллионов штук, или в полтора раза.

В декабре 1982 года реконструкция Московской карандашной фабрики имени Красина закончена и производство чернографитных карандашей, в том числе твердостей ТМ и Т и 2Т, будет осуществляться в объемах, предусмотренных планом на 1983 год и заявкой торгующих организаций».

Значит, все в порядке? Мы хотели было положить письмо в архив, а потом решили поинтересоваться положением дела у работников торговли. И оказалось, что заместитель начальника Главкультбытторга Министерства торговли СССР П. К. Капитонов настроен не так оптимистически. Он пишет редакции: «На протяжении ряда лет Московская карандашная фабрика имени Красина недопоставляет торгующим организациям значительное количество карандашей. Наряду с общей недопоставкой фабрика не выполняет отгрузку карандашей в согласованном с торгующими организациями ассортименте».

Значит, для успокоения оснований нет. Потому мы и просим Министерство местной промышленности РСФСР вернуться к этой проблеме, внимательнее рассмотреть и письмо читателя и мнение торгующих организаций.

Только что завершилась оптовая ярмарка культтоваров. На ней были представлены и карандаши. Ассортимент их куда беднее, чем требуют потребители. Может, наряду с карандашами в деревянной оболочке расширить выпуск механических карандашей? Это не только сбережет кубометры дорогой древесины (на карандаши идет кедровая дощечка), но и позволит расширить гамму выпускаемых карандашей. При этом приборостроителям, конечно, придется серьезно поработать и над конструкцией карандаша и над его исполнением.

Горячая пора — сев * Яки * Юные хозяйки у арыка.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ПУШКИ

Иван БОЧАРОВ, Юлия ГЛУШАКОВА

В одноименном предыдущем очерке («Огонек» № 7 за 1978 год) рассказывалось об интересных иконографических материалах, в том числе кисти русских художников, которые мы нашли, посетив в 1977 году в Венеции дом князя Клари, потомка М. И. Кутузова и правнука Дарьи Федоровны Фикельмон (для друзей — Долли), жены австрийского посла в Петербурге Ш.-Л. Фикельмона и хорошей знакомой А. С. Пушкина. Она послужила, как полагают, одним из прообразов Татьяны. Очерк заканчивался словами о том, что князь Клари обещал устроить нам встречи со своими родственниками — владельцами неизвестных портретов семьи Фикельмонов, встречи, сулившие новые неожиданности.

Е. М. Тизенгаузен. Во втором браке Хитрово. 1800-е годы [?]. Миниатюра П. Э. Рокштуля. Русский музей.

Но сюрпризы, как оказалось, еще не кончились и в доме Клари. Уже попрощавшись с хозяевами и проходя по слабо освещенному коридору, мы попросили разрешения познакомиться с развешанными там портретами и картинами. Был включен дополнительный свет. Наше внимание сразу же приковали две старые акварели, на которых были изображены интерьеры, как объяснил князь, первых этажей венецианского дворца Клари, в котором мы находились: на одной — кабинет Фикельмона, на другой — гостиная Долли. Обе акварели сделаны при жизни Фикельмонов очень педантичным художником, передавшим с необычайной скрупулезностью всю обстановку палаццо, включая многочисленные портреты и картины. Князь сказал, что мебель в этих помещениях, которые арендует французское консульство в Венеции, та же, что и во времена Долли, а портреты частью были перевезены в Чехословакию в город Теплице, где у Клари до второй мировой войны был родовой замок, частью перенесены в жилые покои их венецианского дворца. Действительно, на акварели гостиной Долли ясно можно было различить портрет ее матери Елизаветы Михайловны Хитрово кисти П. Ф. Соколова (он был опубликован на вкладке к предыдущему очерку), с которым мы только что познакомились, а также неизвестные нам парные изображения Фикельмона и его жены. По словам хозяев дома, обе эти работы остались в Теплице.

Сразу же мелькнула мысль, что благодаря акварели можно будет отыскать в Чехословакии и эти и другие портреты наших героев. Из книги Н. А. Раевского «Портреты заговорили» известно, что живописная коллекция Клари после войны из Теплице перекочевала куда-то в другое место, и ее следы затерялись. Теперь же появилась надежда разыскать ее.

В Праге у нас были давнишние друзья Владлен Евгеньевич Качанов, ответственный сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма», и его жена Роза Александровна, работавшая в секретариате Всемирной федерации профсоюзов. Мы и направили им снимки с акварелей внутренних покоев палаццо Клари с просьбой выяснить, где находятся сейчас воспроизведенные на них портреты и другие интересующие нас иконографические материалы.

В ожидании ответа из Праги, листая как-то двухтомник «Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея», мы неожиданно обнаружили еще одно изображение зятя Кутузова Ф. И. Тизенгаузена — его великолепный миниатюрный портрет, выполненный отечественным художником и эмальером П. Э. Рокштулем. Публикаторы обнародовали его как изображение некоего А. Тизенгаузена. Но это ошибка, ибо показанная нам в доме Клари фотография с живописного портрета зятя Кутузова, который находится в одном частном собрании в Брюсселе, убеждает, что его автор в точности повторил именно эту работу П. Э. Рокштуля — видимо, единственное прижизненное изображение героя Аустерлица, который был прототипом Андрея Болконского.

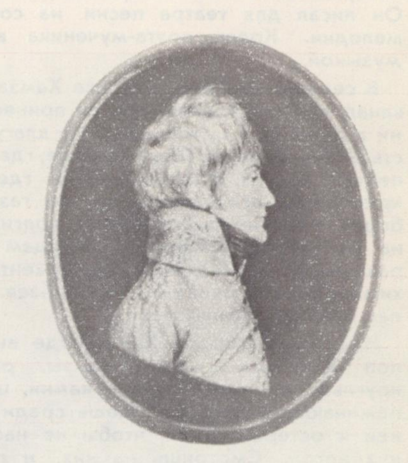
Изучая упомянутую публикацию, удалось сделать и другое открытие. В Русском музее вместе с миниатюрой Ф. И. Тизенгаузена, а также М. И. Кутузова — отца Елизаветы Михайловны, выполненного П. Э. Рокштулем, хранится и ее портрет, опубликованный как изображение неизвестной.

Рокштуль, видно, выполнял заказы всей семьи, и они единой коллекцией попали в музей. Но, помимо происхождения, в пользу гипотезы о том, что миниатюра написана с любимой дочери Кутузова, говорит явное сходство модели Рокштуля с чертами Елизаветы Михайловны на акварели работы П. Ф. Соколова, которую мы видели у князя Клари в Венеции. Только у Рокштуля она совсем еще молодая женщина. Сходство тем не менее легко прослеживается...

В Чехословакии наши друзья обратились за консультацией в числе других специалистов, историков и искусствоведов также к Сильвии Островской, имя которой хорошо знакомо читателям книги Н. А. Раевского «Портреты заговорили». По официальной линии запрос был передан в Чехословацкий институт охраны памятников и природы, где он попал в руки молодого искусствоведа Кветы Кршижовой. Так Сильвия Островская познакомилась с Кветой, и они вместе горячо принялись за дело.

Используя данные картотеки института, они решили ездить по музеям и знакомиться с их экспозициями и запасниками, сличая экспонаты с теми портретами, которые находились в Венеции и к тому времени частично были опубликованы в «Огоньке», и с изображениями, просматривавшимися на акварелях с интерьеров палаццо Клари.

После многочисленных неудач чехословацкие специалисты наконец нашли художественную коллекцию Фикельмонов в запаснике дворца-музея в Вельтрусах, на севере от Праги. Был открыт настоящий иконографический клад: портреты Дарьи Федоровны и ее мужа, некогда украшавшие гостиную палаццо Клари в Венеции, а также многочисленные другие изображения друзей Пушкина из этой семьи, никому дотоле не известные.

Ф. И. Тизенгаузен. 1800-е годы. Миниатюра П. Э. Рокштуля. Русский музей.

Неизвестный художник. Е. М. Тизенгаузен (Хитрово). 1800-е годы. Чехословакия. Дворец-музей в Вельтрусах.

НОВЫЕ НАХОДКИ

НИАНА

В декабре 1979 года мы посетили дворец Клари в Теплице, где сейчас располагается краеведческий музей, познакомились с материалами Дечинского государственного архива Чехословакии, куда попали фамильные бумаги Фикельмонов, и Вельтрусский музей.

В результате удалось не только увидеть открытые Сильвией Островской и Кветой Кршижовой вещи, но и выявить вместе с ними новые иконографические материалы, ускользнувшие от внимания чехословацких исследователей, а также в процессе работы в Дечинском архиве уточнить и решить целый ряд проблем, связанных с венецианскими находками.

Но прежде всего об изобразительных материалах, найденных в Чехословакии. Портреты, воспроизведенные на акварели интерьера палаццо Клари, оказались работами австрийского придворного художника А. Айнсле, написавшего в 1845 году старого Фикельмона, и Й. Крихубера, автора портрета Долли, который был известен нам по венецианской автолитографии. Литография довольно хорошо передает живописные особенности портрета, выполненного, как легко установить по переписке Долли, в 1849 году в Теплице.

В Вельтрусах чехословацкие исследовательницы нашли также портрет молодой Долли, написанный маслом на доске в манере старых итальянских мастеров. Она изображена на нем в кресле на фоне римского Капитолийского холма с реконструированным на нем античным архитектурным пейзажем, с колонной Траяна на заднем плане. От князя Клари мы знали о существовании этого портрета работы художника Агриколы.

Позднее, работая в Дечинском архиве, мы установили по переписке супругов Фикельмон, что Агрикола впервые написал Долли в Риме, еще в 1824 году, но остался недоволен своей работой. Встретившись с супругой австрийского дипломата и ее дочерью Элизалекс в Риме в 1838 году и узнав от них, что его произведение украшает кабинет Фикельмона в Петербурге, Агрикола был очень этим польщен и все извинялся перед своей знакомой за то, что старый портрет не удался. Долли так передавала в письме к мужу объяснения художника по поводу причин неудачи (перевод с итальянского): «Но что вы хотите, дорогая графиня, я не в состоянии был писать ваше лицо, от восторга я ронял кисть. Это было невозможно!»

В этом же письме из Рима от 7 ноября 1838 года Долли рассказывает, что Агрикола находит тринадцатилетнюю Элизалекс красавицей и без конца восклицает: «Che bell'ideale, che bella creatura!» («Какое совершенное, какое чудное создание!»)

Странный австриец, думали мы, перенявший, живя в Италии, не только язык, но и итальянские манеры и итальянскую привычку делать дамам пылкие комплименты. Ведь еще в Венеции князь Клари нам объяснил, что художник, сделавший портреты его бабки и прабабки и подписывавшийся одной фамилией без инициалов, был австрийский живописец Карл Алоис Агрикола, живший в 1799—1852 годах.

Долли в своей переписке, говоря об Агриколе, нигде не называет ни имени, ни национальности художника, однако те детали, которые она сообщает о его характере, рисуют облик живого, веселого южанина, а не сдержанного, рассудительного немца. Кроме того, из ее писем следовало, что старый приятель Фикельмонов живописец Агрикола все то время, пока они жили в Петербурге, оставался в Италии, а Карл Агрикола, как известно из художественной энциклопедии Тиме—Беккера, всю жизнь работал в Австрии.

Но Д. Ф. Фикельмон в своих письмах к мужу рассказывала о том, что Агрикола сделал в Италии большую карьеру, завел собственную мастерскую, выполняет заказы папы римского по украшению собора Сан Паоло фуори ле мура...

Было совершенно ясно, что князь Клари ошибался, приписывая авторство акварельных портретов Долли и Элизалекс, с которыми мы познакомились в его венецианском доме, австрийцу Карлу Агриколе. Заказы по украшению базилики Сан Паоло выполнял не Карл, а Филиппо Агрикола, знаменитый итальянский живописец академической школы, живший в 1776—1857 годах.

Филиппо Агрикола, как и Рафаэль, был родом из Урбино и всю жизнь подражал своему великому земляку. Как портретист, он имел довольно большой успех среди иностранцев, посещавших Италию, особенно среди дам, которых он изображал наподобие рафаэлевских мадонн, что им, конечно, чрезвычайно нравилось.

Явным подражанием Рафаэлю и по композиции, и по колориту, и по развороту фигуры является и портрет Долли в образе римской весталки.

Встретив эту женщину четырнадцать лет спустя в Риме и привязавшись к ней и ее дочери всей душой, маститый художник с увлечением показывал им Рим, который Дарья Федоровна изучала с дотошностью археолога и историка искусства, не пропуская ни одной достопримечательности. Он учил Элизалекс рисованию, обнаружив в ней художественные задатки, делал акварельные портреты матери и дочери, заботясь прежде всего о передаче душевного изящества глубоко симпатичных ему людей (портреты опубликованы на вкладке «Огонька» к предыдущему очерку).

На акварельном портрете голову Долли также украшают обручи и накидка весталки, и художник дает ее с тем же поворотом головы, что и на портрете маслом, который чехословацкие исследователи датировали 1824

А. Брюллов. А. П. Штакельберг. Чехословакия. Дворец-музей в Вельтрусах.

Неизвестный художник. Гостиная Д. Ф. Фикельмон в палаццо Клари в Венеции. Италия. Собрание Клари.

Ф. Агрикола. Д. Ф. Фикельмон. 1838 год. Чехословакия. Дворец-музей в Вельтрусах.

годом. Но разницы в возрасте модели на акварели и портрете маслом, которые в таком случае должны были быть сделаны с интервалом в четырнадцать лет, совсем не чувствуется. На живописном полотне, как и на акварели, отнюдь не двадцатилетняя красавица, какой была Долли в 1824 году, а дама за тридцать лет, хотя стилизация под Рафаэля, естественно, не способствовала верной передаче ее внешности. Таким образом, сам собой напрашивается вывод, что и акварельный набросок из Венеции и портрет Долли маслом из Вельтрусов были сделаны Филиппо Агриколой одновременно — в 1838 году.

Живописный портрет молодой дамы в роскошном туалете с горностаевой опушкой, полувозлежащей на тахте, чехословацкие исследователи определили как изображение Елизаветы Михайловны 1820-х годов, выполненное неизвестным русским художником. Русским потому, что на полотне справа от портретируемой в окне виден силуэт здания, очень похожего на московский дом Пашкова. Однако по живописи это скорее картина начала XIX века какого-либо из иностранных мастеров, работавших тогда в России. Да и наружность самой Елизаветы Михайловны, блещущей молодостью, говорит, что портрет, видимо, был сделан в первые годы после ее замужества.

Кроме этих работ, совместно с С. Островской и К. Кршижовой мы обнаружили в Вельтрусах также новый неизвестный портрет молодой Д. Ф. Фикельмон работы австрийского художника Иоганна Эндера.

Рисунок, подкрашенный акварелью, подписан автором, но не датирован им. Определить время создания этого произведения, однако, нетрудно. Портрет, судя по возрасту Долли, скорее всего мог быть сделан в 1828—1829 годах, когда перед отъездом в Петербург она проживала несколько месяцев в Вене. Дарье Федоровне было тогда 25 лет. Это единственное изображение Долли, сделанное накануне приезда в Петербург и знакомства с Пушкиным. Такой ее увидел великий поэт в далеком 1829 году...

Публикация нами этого портрета привела к новому чрезвычайно интересному открытию, которое сделала старший научный сотрудник Третьяковской галереи Л. И. Певзнер (см. «Художник», 1981, № 6). В пушкинской «Арзрумской» рабочей тетради есть профильное изображение молодой красивой дамы с горделивой посадкой головы, личность которой до сего времени не была установлена. Прическа, линия носа, бровей, рта, подбородка — все на этом рисунке, как в ходе своего исследования убедилась Л. И. Певзнер, совпадало с чертами Дарьи Федоровны, особенно если сравнить пушкинский рисунок с портретом работы И. Эндера. И главное, совпадали и даты. Пушкин возвратился из Арзрума в начале ноября 1829 года и вскоре познакомился с Фикельмонами. Долли, как свидетельствует рисунок Пушкина, уже с первых встреч поразила поэта своим обаянием, умом и красотой, а его карандаш, как всегда у него бывало в таких случаях, тут же воспроизвел черты «русской итальянки», занявшей его воображение...

Среди других вельтрусских находок, безусловно, следует отметить акварельный портрет А. П. Штакельберг, двоюродной сестры Долли и ее любимой подруги,— еще одного человека из близкого окружения Пушкина, чье изображение до сего времени совсем не было известно. Автором акварели, подписанной монограммой из двух переплетенных букв латинского алфавита «А» и «В», по всей вероятности, является Александр Брюллов, которому еще во времена совместного пребывания в Неаполе протежировала Е. М. Хитрово. В Вельтрусах, между прочим, отыскался и скульптурный портрет самой Елизаветы Михайловны, экспонировавшийся на юбилейной пушкинской выставке 1899 года, но с тех пор бесследно исчезнувший. Работа неизвестного ваятеля хорошо передает характерную внешность дочери Кутузова и вместе с ее акварельным портретом П. Ф. Соколова, обнаруженным в Венеции, дает возможность пересмотреть некоторые устоявшиеся иконографические атрибуции. (Работа П. Ф. Соколова, кстати, ныне украшает Государственный музей А. С. Пушкина в Москве: выполняя волю умершего осенью 1978 года мужа, княгиня Клари передала в музей акварель Е. М. Хитрово работы П. Ф. Соколова и портрет маслом Элизалекс кисти австрийского живописца Ф. Штроцберга.)

Дело в том, что в Дечинском архиве мы нашли письмо Долли к матери, посланное 20 декабря 1838 года из Рима, в котором она благодарит Елизавету Михайловну за присланный с оказией подарок — ее портрет. Дарья Федоровна пишет: «Твой портрет Соколова очень хорош, он мне доставил большую радость: я как будто наяву вижу тебя в твоем большом кресле...»

Помимо того, что письмо подтверждало авторство П. Ф. Соколова, оно давало основание датировать портрет 1838 годом, поскольку Долли говорит о нем как о новой, не виданной прежде вещи. А это вновь ставит вопрос о правильности атрибуции карандашного наброска О. Кипренского из Государственного музея А. С. Пушкина в Москве как изображения пожилой Е. М. Хитрово. Эта атрибуция в свете новых иконографических находок нуждается в пересмотре. Впервые об этом заявила известный советский исследователь доктор искусствоведения Т. В. Алексеева в своем выступлении на научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения О. Кипренского, которая состоялась весной 1982 года в Ленинграде. Отвергнув традиционную точку зрения на портрет, Т. В. Алексеева определила его как изображение известной русской актрисы Екатерины Семеновой...

Никаких следов разыскиваемых нами портретов Ш.-Л. Фикельмона и его дочери, написанных в конце 1830-х годов в Петербурге Карлом Брюлловым и вызвавших восторженные отзывы современников, в Вельтрусах обнаружить не удалось.

Но найденные там благодаря помощи чехословацких специалистов другие художественные произведения полностью вознаградили усилия по их поискам, так как они представляют большую историко-культурную ценность, расширяя знания об окружении великого русского поэта.

Венеция — Прага — Москва.

на житейских перекрестках

Признание

А. ЕРМОЛАЕВ

...Я познакомился с Анатолием Паршиным три года назад. Свел нас случай. Надо было добраться из Ленинграда до одной из спецкомендатур. Мне предложили машину, но с условием прихватить с собой попутчика. Им оказался Паршин — высоченный парень, для которого кабина «Москвича» была явно тесноватой. Он покашливал за моей спиной, неуклюже скрипел старыми пружинами сиденья, рылся в карманах, перекладывая какие-то бумаги. И внезапно затихал, очевидно, пугаясь этого производимого им шума. Только искоса поглядывал в зеркальце, наблюдая за мной.

Мне было понятно состояние соседа. Всего несколько минут назад в райисполкоме, на комиссии, Анатолию сказали «да» или «нет» в ответ на просьбу о досрочном освобождении. Попробуй тут быть спокойным. Возможно, после долгих месяцев он снова стал вольным человеком...

Захотелось помочь парню выговориться, накопилось-то на душе у него немало.

Не раз я слышал подобные исповеди. Эта как-то особенно подкупала своей искренностью.

* * *

...— Кажется, срок мой кончился. Бригадир вот характеристику написал, смотрите. Там, в самом низу, так и сказано: «...Досрочного освобождения заслуживает...» Одна строчка, три слова. Ручку взял — и готово. Н-да... Со стороны все просто, правда? А мне наизнанку пришлось вывернуться.

Начинал я здесь не здорово. Из мест не столь отдаленных прибыл на стройку и аж рот раскрыл от удивления. Жилье — хоромы, деньги хорошие. Вроде как на свободе. И тут решил я: была не была, мотану домой. Мотанул. Своим сказал, что в отпуске. Правда, мать что-то недоброе почуяла. Назад стала выпроваживать. Вернулся в спецкомендатуру, а меня уже в розыск объявили. А сам я еще того не знаю, только чувствую. Ребята смотрят на меня, точно на больного. Тут гением быть не надо, чтоб понять, чем моя поездочка кончиться может. Честно говорю — испугался. Не заманчивы эти «места не столь отдаленные». Вызвали к начальнику. Начальник со мной беседует, а я прикидываю, собирать вещички или как? Но по всему видно: обойдется дело. И в разговор я сразу вникать перестал...

Ну, естественно, наказали меня. Надо делать выводы. И надумал я вести себя потише. А если провинюсь все-таки, то покаюсь. Очень убедительно каяться научился.

Ладно. Идет моя жизнь чередом. День на день похожи, как родные братья. Но голова тем и занята, чтобы лазейку найти. Я так мыслю, что вокруг меня одни дураки — устраиваться не могут. И впрямь: мои соседи на стройке руки мозолят, а толку? Я-то без хлопот умудрился еще разок домой прокатиться. Как? Да очень просто. Одна знакомая врач письмо мне по моей же просьбе написала. Мол, мамаша твоя слегла, хворает старушка. Справка была приложена. Я к начальнику с этой «липой», слезу подпустил. Ну как тут человеку не порадеть? Наверное, я и дальше бы так ловчил. И скорее всего оказался бы там, откуда приехал. Да повстречался мне в жизни один человек.

Дело было так. На нашей стройке есть бригада. Старший там Михаил Иванович Смирнов. Званий и орденов у него — без бумажки всех и не вспомнишь. И что ни год, в бригаде всегда полкомплекта нашего брата — «условников». Проходит времечко, и, глядишь, то

один, то другой досрочно освобожденным оказывается. Разное про эти дела болтали. Да о Смирнове вообще по-всякому говорят. Молчун и крутой, своих — кадровых — в черном теле держит. Чушь, конечно. Чего же они из бригады тогда не уходят? Верно?.. Просто Иваныч — личность, так я теперь понимаю. У него глаз, как рентген. А про таких всегда сплетни разводят.

Я-то в перерождения никогда не верил. Нагляделся на некоторых. Перед администрацией ниже травы, тише воды, а среди своих на головах ходят. Да и я так же зарабатывал обычно послабление. Пока был в колонии, ни одного замечания не имел. Начальнику отряда на прощание в глаза умильно смотрел.

«Доверие ваше оправдаю»,— торжественно говорю ему. Слова мной выучены давно. Не раз выручали в трудную минуту.

«Мое доверие — это хорошо,— отвечает начальник.— Но отчитываться придется перед самим собой. Нет у человека более строгого судьи, чем он сам. Так-то вот».

«Конечно. Я понимаю. Нравственное наказание и все такое»,— снова говорю я, но думаю: «Чего в душу лезет? Подписал характеристику, и дело с концом. Мы с ним эту партию по-честному сыграли. Я ему показатели не портил, а он мне путевочку в комендатуру дал».

Такие, значит, у меня «передовые» взгляды были. Ну, и о Смирнове думал, что раздули мужику славу. А человек просто жить умеет. Нашел общий язык с ребятами. Мол, вы не бузите пару месяцев, а я где нужно за вас словечко замолвлю. Вот и возвращает на верную дорогу уважаемый Михаил Иванович «условников» целыми пачками. Ему почет, и администрации тоже хорошо, хлопот куда меньше стало. Нельзя сказать, что эти мысли мешали мне «уважать» Смирнова. Наоборот, мечтал перенять «опыт». И вот переводят однажды меня в известный коллектив Смирнова.

Очень мне было интересно. Глаз отвести от Иваныча не мог.

Ожидал я для начала задушевного разговора. Ничего похожего. Бригадир больше помалкивает. Остальные хоть и не держат язык за зубами, но намеков что-то не улавливаю. «Ладно,— думаю,— мы люди взрослые. Кое в чем разбираемся».

И согласно своим соображениям образцово-показательно тружусь на стройке целый квартал. Смирнов сквозь зубы похваливает. Кремень. И стал я примечать, что затягивает меня в смирновский омут. Что попал в оборот — это вижу, а как охмуряют — не пойму. Может, и бригада виновата. Старшой у них — бог. Молчун, молчун, а работает красиво, без помарочек. Я получку без вычетов получил, премию за выполнение плана и от начальника благодарность. А про досрочное не слышу ни полслова. Откровенно говоря, притомился я, нет уже сил и желания передовика из себя разыгрывать. И как-то сунулся я к бригадиру. Дело шло к концу смены. Наши парни в душевую двинули, а мы задержались. То есть я-то специально притормозил, а Иваныч кладку проверял.

«Бригадир,— обращаюсь к нему,— работа моя, что ли, не нравится?»

«Да пока нормально,— отвечает.— А что?»

«Обидно мне, Михаил Иваныч. Кому-то «досрочное» в руки валится. А я жилы рву, да толку мало».

«Выходит, ты, Анатолий, не задаром стараешься? Вину свою по счетчику искупаешь?»

«Чего там, бригадир,— зажегся я.— Зачем так говорить? Здесь трибуны нет. Давай полюбовно договоримся. Что делать нужно?»

«Давай договоримся,— кивает он.— Станешь человеком, а не прохвостом, сам поймешь, что нужно делать. И вот еще, Толя, запомни на всякий случай.— Тут Смирнов посмотрел на меня, а в глазах льдинки поблескивают.— Со стройки две дороги для тебя есть. Одна домой, а другая... сам знаешь куда. Бывало у нас и такое. Редко, но бывало».

...Словно кипятком меня ошпарило. Совсем непонятное дело. Чем же я насолил Иванычу? И так и этак прикидывал. Все вроде в норме было. Может, не за того его принял? Что же он за человек?

Вот сколько вопросов мучило меня. Сразу и не разберешься. А жить надо. Срываться боялся. Нагнал на меня страху бригадир. Положение — глупее не придумаешь: кругом Паршина хвалят, в пример другим ставят, а он в душе-то ни черта не переменился. Правда, сомневаться да задумываться кое над чем стал. Ну как здесь не задумаешься, коль ясность пропала?

Не долго я в хамелеонах ходил. Раз до того тошно стало, не железный же, взял и «раздавил» бутылочку. Дурь из меня вся и поперла. Скандал устроил. Видишь ли, по пьяному делу кинулся правду искать. В общем, противно вспоминать. Тут и явился Иваныч. Проверить, значит, почему я на работу не вышел. Только он переступил порог, я разом протрезвел. Вспомнил: ему ведь к жене в больницу надо. Сильно она хворала. Ждала его, небось, а он ради меня, дурака, теряет время. А я-то чурбаком считал его, бесчувственным!.. Да, доброта тоже разная бывает. Утром перед ребятами до того стыдно было. А больше всего боялся с Иванычем встретиться. В раздевалку красный точно рак заявился. Подломили, видать, натуру мысли неотвязные.

Подошел к нему: «Все, Иваныч, больше не повторится». Промямлил так жалобно, раньше куда бойчей каялся. Он рукой махнул, дескать, после поговорим. Весь день поглядывал на бригадира. «А ведь он старый уже,— вдруг подумал я тогда.— Вон лицо какое морщинистое. Кашель его бьет. Всю-то жизнь Иваныч так. И еще «условников» себе на шею вешает. Ясно, что не для славы. Тогда вроде задаром старается. Или не понимаю я чего-то? А? Самого главного?»

Едва дождался, пока смена кончится. Прямо невмоготу стало. Михаил Иванович позвал меня к прорабской. Сели на опрокинутые носилки.

«Закуривай, Анатолий, разговор у нас долгий будет».

Это он ко мне обращается, а голос у него спокойный и словно бы чуть грустный... Говорил он мне о своей жизни. О таком, о чем по всем углам не болтают. И я передавать не стану. Только это как последняя капля на меня подействовало.

...Свою историю Паршин рассказал до конца. Мне очень захотелось встретиться с его бригадиром.

* * *

...В комендатуре посоветовали ехать на объект к концу смены: «А то, знаете, Михаил Иванович не любит отрываться от работы. Может неправильно понять. И вообще лучше заранее позвонить в прорабскую. Предупредить человека. Мало ли какие у него дела».

Так мне было сказано. От этих предостережений подспудно нарастало раздражение. Столько церемоний, а идти предстоит на самую обыкновенную стройку районного масштаба. И честно говоря, исповедь Анатолия Паршина оставила у меня все-таки двойственное чувство. С одной стороны, немало хорошего делает Смирнов, а с другой... уж слишком суровым представлялся он. И непогрешимым. Бывают «наставники», которые ради удовлетворения собственного честолюбия буквально ломают чужие характеры, подчиняют себе людей. Кто знает, что здесь.

Он был скуп на слова. Чуть недоверчиво косился на непрошеного гостя. Но, узнав о моем интересе к судьбе Паршина, оттаял. И пожалуй, Михаил Иванович почувствовал, что мною движет не простое любопытство. Словно Паршин был близким человеком нам обоим. Он подумал несколько минут и заговорил, прицениваясь к каждой фразе, выдерживая томительные паузы:

— ...Что тут добавить? Вам, как я понимаю, все известно от Анатолия. Ну да на чужой язык полагаться нельзя, сфальшивить может. Сам скажу. А вы блокнотик уберите... что память удержит, о том и писать нужно.

Небось, смотрите на меня и думаете: «Сидит передо мной знатный строитель. Всем-то доволен, все-то ему ясно. Жизнь его — как на ладошке». Кому же в голову придет, что я когда-то тюремные харчи едал?

С чего начать?.. Юнцом попал на фронт. Силенкой бог не обидел. В одной-другой частях обкатку прошел. Пригласили на смотрины в штаб. Приглянулся. О той поре в двух словах не расскажешь. Всякое пришлось повидать. И хорошее и плохое. Но вот кончилась война. Уперся я лбом в мирную жизнь. По летам мальчишка, ничего делать не умею. Почва из-под моих ног уплывать стала. От неустроенности начал вином баловаться. Друзья-собутыльники появились. Да... Раз один такой хороший по пьянке пооткровенничал. Наживался подлец на чужом горе. Перекупал, продавал, как-то от фронта открутился. Почудилось мне тогда, что снова я на войне и передо мной враг, поопаснее диверсанта. Не сдержался я. А удар отработанный у меня был, сильный...

Оказался в заключении. Еще вчера боевой офицер, сегодня — преступник. Не выдержал такой перемены, поставил на себе крест. Что дальше получилось бы — нетрудно догадаться. Спасибо замполиту. Ровесник мне, но крепко стоял на ногах, хотя выдержал не меньше моего. Пробил он мой панцирь.

«Ты же добpayoловец,— толковал мне,— фронтовик. Подвиги совершал. Разве можно это зачеркнуть?»

Знаете, когда я повторяю эти слова, очень они прямолинейно звучат. Точно по газете. А ведь они мне душу перевернули. Важно не только то, как говорят, но и кто говорит. Исходили от этого паренька сила и вера в хорошее... Встречались мы недавно. Навещаю своего замполита по мере возможности. Поседел, постарел, а характер все такой же.

Да. Непросто все в жизни. Человек — вселенная. Перетряхнул мою вселенную замполит. Понял я, что может стать она с копеечный кружок.

Освободился. Пошел в строители. Так и работаю, в начальство не выбился да и не рвался. Мое место здесь — на стройке.

И знаете, давно люди простили мне вину, а я себе не могу простить. Старше становлюсь, время уходит, а боль за ту историю все еще едкая, точно кислота. Скривил свою жизнь, как кладку неумеха новичок кривит. Только кладку переделать очень просто...

Дал себе зарок быть своему замполиту однополчанином на все годы. Не бросать людей в трудную минуту. Одно у меня накопленное добро есть — опыт. Это, значит, и есть мой «секрет». Ведь часто меня спрашивают, как я своих «условников» переучиваю...

Вы вот Паршиным интересуетесь. Что ж, любопытный парень. Круто в нем замешано плохое пополам с хорошим. Привык ловчить, полюбовно со всеми договариваться. А на пути разные люди встречаются. Так он и с подлецом и мерзавцем договорится. Зато спокойно. Так бы, видно, и юлил до конца дней. Да, видишь, на меня натолкнулся. Не получилось у него со мной обстряпать дело. Не таковский я оказался. Тут он заметался. Это, поверьте, самый ответственный момент, когда человек крепко задумываться начинает. Через это все мои «крестники» прошли.

Надо, чтобы парень потянулся к настоящему. Слова здесь особенные требуются. Шелухой обычной у всех уши давно забиты.

Я, например, Анатолию, ничего не скрывая, рассказал о себе: и про фронт, и про заключение, и особенно про теперешние бессонные ночи. Просто передал автобиографию как есть, без выводов. Было ему над чем призадуматься. Биография больно богатая.

Учти и такую штуку. Паршин верил мне. Знаешь, мне ведь все верят. Это я не для хвальбы говорю, годы мои не те, а чтобы понятно было. Если человек тебе не верит, то никакие правильные слова не помогут.

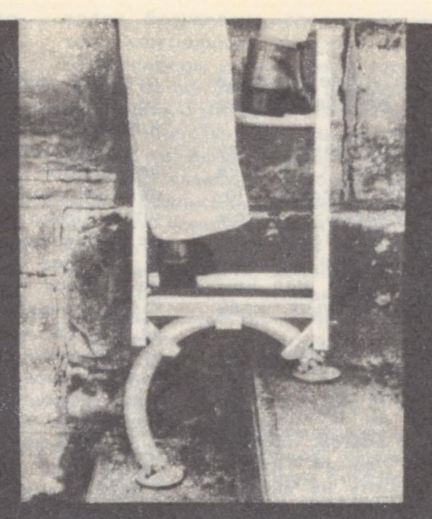
Гарантий, кроме производственных, моя бригада не дает. Как-то еще жизнь у Анатолия сложится — не берусь предсказывать. В одном уверен — он уже разобрался в том, что на свете есть не только ловкачи. А это, ох, как не мало...

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

ЛЕСТНИЦА С НИВЕЛИРОМ

Вот такое простое устройство, изобретенное в Австралии, позволит пользоваться лестницей, если ее установить на неровной площадке.

ЛОШАДИНАЯ ОБУВЬ

Во Франции создана обувь для скаковых лошадей, которая может сделать ненужными подковы. Подошва «башмака» выполнена из очень прочного и твердого материала (адипрена), а та часть, которая соприкасается с копытом, наоборот,— из очень эластичного. Преимущества несомненны: благодаря свойствам адипрена при беге в таких «башмаках» лошадь испытывает меньшие вибрации, она почти не скользит, увеличиваются амплитуда и качество шага, подошва мало продавливает грунт, наконец, такой лошадиный башмак много легче, чем подкова,— всего 50 граммов.

СТОРОЖИТ ИГРУШКА

Если дотронуться до этой мохнатой игрушечной собачки, то она залает, как настоящая. Создатель этой забавной игрушки полагает, что она сможет принести пользу: конечно, не набросится на воров, но, во всяком случае, оповестит о вторжении, нужно только положить ее у входной двери.

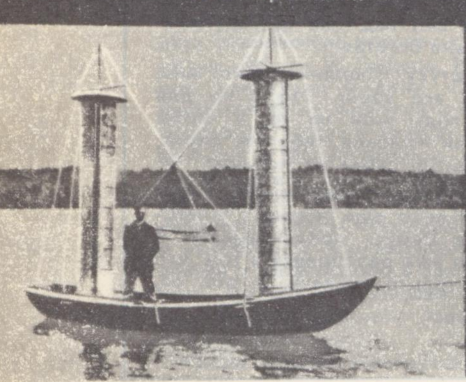

ЦИЛИНДРИЧЕСКИЕ ПАРУСА

В середине прошлого века немецкий физик Г. Магнус (бывший, кстати, иностранным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук) сделал открытие: если в поток жидкости или газа поместить вращающееся тело, то на него будет действовать сила, направленная в сторону, где скорости потока и вращения тела совпадают. В 1925 году был построен первый корабль с цилиндрическими парусами, создатель которого моряк и инженер А. Флетнер впервые использовал эффект Магнуса. Флетнер успешно пересек Атлантический океан на своем судне с цилиндрическими парусами, которые приводились во вращение маленькими моторчиками.

Другой конструктор, С. Савониус, построил судно с двумя цилиндрическими парусами, не нуждавшимися в моторчиках, так как благодаря продольным прорезям в цилиндрах и остроумному их расположению ветер не только приводил в движение само судно, но и вращал паруса. Этот снимок его судна был сделан в 1928 году. Однако, несмотря на бесспорные преимущества цилиндрических парусов, о них скоро забыли, так как конкурировать с паровыми судами парусные, конечно, не могли. И вот в наши дни снова возник интерес к цилиндрическим парусам. Экономически выгодные, обладающие прекрасными мореходными качествами, такие суда с цилиндрическими парусами различной конструкции уже используются, в частности на рыболовных промыслах.

НАЧНИ ЖИЗНЬ СНАЧАЛА

В № 15 «Огонька» было опубликовано письмо Гали Г. из Тайшета «Познакомилась с парнем», в котором девушка делилась своей бедой, своим горем, просила совета, помощи. Читатели не остались равнодушными к чужому горю и прислали нам в редакцию множество писем. Но, как говорится, сколько людей, стольно характеров. Подавляющее большинство читателей тепло и подружески решили поддержать незнакомую девушку, растерявшуюся перед трудным испытанием в жизни. Были и такие, которые осудили Галю за легкомыслие, отсутствие силы воли, слабохарактерность. Кто из них прав, пусть судят наши читатели. Сегодня мы публикуем строки из некоторых писем, адресованных Гале Г.

Дорогая Галочка! Позволь называть тебя так: у меня дочь— твоя ровесница. Я приняла близко к сердцу твою беду. Тебе нелегко сейчас, опустились руки. Да, предательство трудно переживать, знаю по собственному опыту.

Мой совет: не забывай, что у тебя замечательнейшая профессия и ты нужна людям. Ни в коем случае не озлобляйся на жизнь. Хороших людей на свете больше, чем плохих. И еще: старайся жить интересно. Кроме кино и чтения, что-то делай своими руками. Затевай на работе интересные дела — ты же наверняка комсомолка. Ставьте спектакли, создавайте художественную самодеятельность. Словом, иди к людям, будь с ними.

Встретится еще в твоей жизни человек, который полюбит и оценит тебя. Тебя ждет великое женское счастье — материнство! Выше голову, Галя!

Л. РЕЗНИК

Донецк.

Не спеши, не суетись! Живи так, как до этого жила. Будь добра и ласкова к людям, как и прежде, тем более что и профессия тебя обязывает. Время — лучший лекарь. Оно лечит самые глубокие раны.

Тебя обманули, но ты не пытайся никого обманывать, и тем самым ты победишь и себя этим возвысишь.

Преимущество твое перед многими в том, что ты молода, а следовательно, тебе еще встретится на твоем пути настоящий друг. Советую еще раз: не спеши, не делай необдуманных поступков, недостойных тебя, за которые будешь после каяться и сама себя презирать. Боль в сердце постепенно утихнет, и все наладится, ибо человек, который обманул тебя, недостоин тебя, да и вообще вряд ли он кого-нибудь достоин. Такие «петухи» думают о том, чтобы себя лишь усладить в этой жизни, а о ком-то им заботы мало. Обманул, и ладно, хотя, может быть, этим обманом он и себя обкрадывает, так как потом выясняется, что жизнь прожита, а в жизни путного ничего не сделал, кроме лжи и подлости. Может быть, до него это еще сейчас и не доходит, но дойдет, когда будет уже поздно.

В. КОНОНЕВИЧ

Харьковская обл., п. Близнюки.

Прочитал в номере пятнадцатом заметку «Познакомилась с парнем», подписанную Галей Г. из Тайшета. Прочитал, и удивился, и обозлился одновременно. Ну сколько можно? Ведь ни один парень не написал, что вот-де я ее любил, а она замуж за другого вышла. Что мне делать, помогите... А вот девушки пишут. А о чем раньше думают? Ведь и Гале девятнадцать, а не четырнадцать, должна знать, что, прежде чем выбор делать, надо подумать, серьезно решить что-то для себя. Припомнился мне один эпизод. Был как-то на рыбалке с товарищем. И вот на берегу реки видим палатки, молодежь. Дым от костров, гитары, шум, гам. Это, оказывается, десятиклассники после экзаменов веселятся. «Дяденьки, дайте рыбки!..» Мальчишка с девчонкой шлепнулись неподалеку на обрывчик, свесили ноги, смеются. Видно, что паренек чуть навеселе. Мы от них в десяти шагах, а они целуются. Друг мой не выдержал: «Вот так! Костер, палатка... А потом — «Дорогая редакция!..»

И сидит, ждет (да еще как, Галя Г. не может работать!), кто ее пожалеет. И такие находятся. «Не унывай, не бери в голову, будь гордой, одна воспитаешь, не смотри на него, пусть ему будет стыдно!..» И т. д. и т. п.

А я считаю, что таких вот Галь не то что жалеть, а осуждать нужно. И это как раз нужно делать на страницах журналов и газет. Выйди сперва замуж, а там уж и люби на здоровье.

Извините, может быть, резко что вышло. Но не вызывают у меня сожаления такие письма и тем более их авторы.

Я не ханжа. В жизни всякое может быть. Но думать надо заранее. А уж если это случилось, самой отвечать.

Б. ЗАХАРОВ

Владимир.

Галя, посмотри на поступок твоего парня другими глазами. Мне кажется, этот «парень с БАМа» сделал так, как велел ему долг: не оставил одних, своего ребенка и его мать. Ты обязана была отдать ребенку отца. Думаю, тебе повезло, что так быстро все обнаружилось. А как бы вы жили, если бы ты знала, что где-то, быть может, рядом растет его сын.

Т. СИКАЛЕВА

Челябинск.

Здравствуй, Галя Г.! Я тебе скажу, дорогая моя: раз он так подло поступил, то он недостоин тебя, а любовь проверяется временем. Все они хорошо относятся сначала. Не думай ты о нем, ведь на свете таких, как он, очень и очень мало, больше хороших людей. Своей профессией ты приносишь людям здоровье, радость. Да как тебя можно не любить!

Считай, что тебе сильно повезло! Вовремя все получилось, а представь, если бы он так сделал, когда вы с ним уже поженились бы! Было бы больней во сто раз!

И. ЧЕПУРИНА

Волгоград.

Б. ПРОТОПОПОВ

Давайте говорить друг другу комплименты...

ФЕЛЬЕТОН

Послушаем поэта: «Давайте восклицать, друг другом восхищаться!..» Это так приятно — говорить комплименты, а еще приятнее выслушивать их. Нежно зардевшись, лепетать в ответ на похвалу: «Ну, что вы, это мой долг! Всякий бы на моем месте...»

Недаром врачи утверждают, что каждый комплимент увеличивает продолжительность жизни минимум на полчаса. И тому, кто его сказал, и тому, к кому он обращен.

Не менее важно отметить, что и у того и у другого сразу повышается коэффициент полезной деятельности. Процентов этак на десять, а то и больше.

Почему же так нечасто мы пользуемся этой возможностью?!

История, которую я хочу рассказать, произошла в подмосковном городе Мытищи. Здесь строился новый газопровод.

А теперь позвольте несколько отклониться в сторону и привлечь ваше внимание к первокласснику Вовке и его папе. В одну из суббот, используя лишнюю возможность пообщаться с сыном, папа отправился за ним в мытищинскую школу № 23, где наследник получал образование, но в десяти метрах от цели остановился в недоумении: доступ к школе преграждали две трубы, нависшие над тротуаром. Вправо их концы терялись в необозримом пространстве; влево, где трубы уходили под землю, чернела траншея, которую не преодолеть и слону.

Выхода, вернее, входа в школу, не было.

Конфузливо улыбаясь, солидный Вовкин папа встал на четвереньки и, оставляя на мокрой глине пятипалые следы, довольно ловко пролез под трубами. Ободренные примером, за ним поползли и другие родители, до того стоявшие в растерянности. Кроме, конечно, тех, кому проделать этот трюк не позволяли собственные габариты.

Восклицания — увы, отнюдь не комплименты! — в адрес строителей, конечно, раздавались, но наш папа был в благодушном настроении, и это маленькое происшествие его не обескуражило.

— По трубам к нам домой пойдет газ,— воспитывал он сына на обратном пути.— Видишь, как торопятся строители? Они работают даже под дождиком!

Кряхтя, папа опять полез под трубы. И тут ему не повезло: сначала он поскользнулся и угодил ногой в яму с водой, которую строители позабыли закрыть, а выпрямляясь, треснулся головой о трубу, отчего его мысли невольно приняли другое направление.

«Ну, допустим, трассу нужно было вести именно по школьному участку. Но о переходах для ребятишек и прочих граждан можно было подумать?! — размышлял он, закипая.— Мостик-то сделать ведь плевое дело!..»

Наш герой написал письмо в редакцию, и вот я на месте событий.

...Прораб монтажников В. В. Слепцов с напряженным лицом следил за моим приближением.

— Ах, корреспондент...— вздохнул он с облегчением.— А то, знаете ли, родители школьников на нас чуть ли не с кулаками наскакивают: о чем, дескать, вы думаете, такие-сякие, зачем дорогу к школе перегородили? Объясняем популярно: мы подрядчики, монтажники передвижной мехколонны треста Союзцентрогаза. Наше дело — трубы проложить, где велено! Насчет мостика нужно обращаться к заказчику — Мытищинской теплосети!

Представитель заказчика, старший мастер городской теплосети Владимир Петрович Воропаев, объяснил мне, что трасса газопровода строится по варианту «как скорей», а при таком методе учитывать интересы школы и ее питомцев просто смешно. Что же касается переходов, то это дело другого подрядчика: СМУ-5 треста Мособлстрой.

— Мостик? Какой еще мостик? — изумился главный инженер управления В. С. Ильин. Однако, воочию увидев сцену, подобную описанной выше, помягчел: — Ладно, сделаем!

И сделали же ведь мостик! Как обещали, так и сделали. И по этому поводу можно было бы бить в литавры, говорить высокопарные слова и комплименты. Впрочем, оставим иронию. Поговорим серьезно. Почему же раньше-то, несколько месяцев наблюдая, как дети и взрослые лазят под трубами, никому — ни заказчикам, ни подрядчикам, ни рядовым рабочим — не пришло в голову создать это нехитрое сооружение? Ордена за это, конечно, не дадут, инициатора, наверное, даже в приказе не отметят — мелочь!.. А такой ли уж это пустяк? Разве просто сердечное «спасибо» от того же Вовкиного родителя не награда? Почему бы не продлить и ему и себе жизнь на полчаса? Вместо того, чтобы и ему и себе ее укорачивать...

Ах, эти «мелочи»! Сотни тысяч советских граждан каждый год становятся новоселами. Автор этих строк тоже новосел. В доме, который выстроил трест Минтрансстроя. Дом отличный. Не опасаясь высокопарных слов, восклицаю и восхищаюсь. Но вот сижу за письменным столом и не могу отвести взгляда от суковатого полена, которое вместо плинтуса прибито на самом видном месте. Почему? Зачем? Мастер, руководивший отделочными работами, конечно, виноват: недосмотрел. Но сам-то плотник неужели ждал указания свыше: «Ты, дескать, уважаемый товарищ, вместо плинтуса полено не ставь, не надо. Лучше оструганную реечку прибей!..»

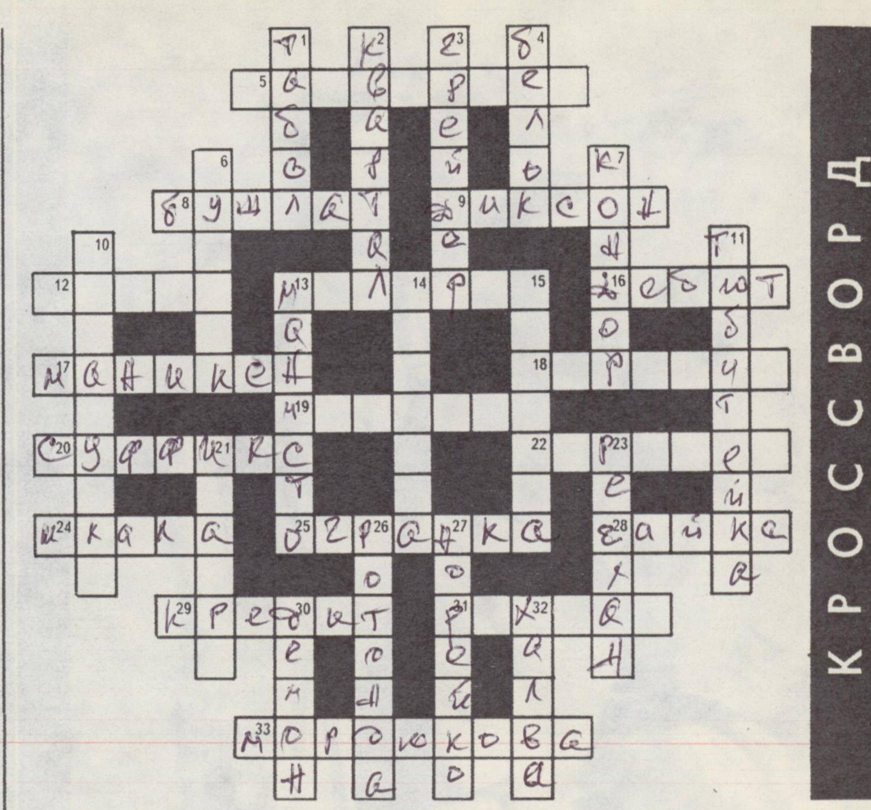
Плинтус я заменю и паркет, испорченный «уважаемым товарищем», тоже. И двери перекошенные поправлю, и ванну, чем-то заляпанную, постараюсь отскрести, но... но обидно, черт возьми: почему такое пренебрежение ко мне? Да если бы только ко мне одному! В выходные дни и по вечерам, когда жильцы возвращаются с работы, наш новый дом звучит, как барабан, от стука молотков, а у фасада растут груды кривых неструганых плинтусов, поломанных паркетин, кусков обвалившейся штукатурки — плоды работы строительного Неуважай-корыта.

Я уверен, что эти самые неуважай-корыта отлично понимают, что такое хорошо и что такое плохо. И если работают спустя рукава, то только потому, что мы с вами не обращаем на них должного внимания. Именно мы с вами! Вовкин папа хоть письмо в редакцию написал, а кто из жильцов нашего нового дома всерьез поставил перед Минтрансстроем вопрос о привлечении к ответственности бракоделов? И не только прораба и бригадира, но и непосредственных виновников брака?

Мы называем себя хозяевами своей страны, и это действительно так, почему же спускаем тем, кто относится к своему делу спустя рукава? Надо приучить их к мысли, что ни один их проступок не останется безнаказанным. Как этого добиться? Да чаще надо, извините, тыкать носом бракодела в то, что он натворил. Ручаюсь — это лучше всех постановлений, приказов и инструкций научит их уважать людей и ценить их благодарность.

А мы тогда не будем скупиться на комплименты в их адрес, не опасаясь самых высокопарных слов. Давайте продлевать друг другу жизнь!

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Агрегат для получения стали из чугуна. 8. Матросская форменная куртка. 9. Порт на Карском море. 12. Способ решения определенной задачи, приемы исследования. 13. Озеро в Швеции. 16. Начальная стадия шахматной партии. 17. Фигура для примерки и показа одежды. 18. Басня И. А. Крылова. 19. Керамическая плитка для облицовки. 20. Часть слова между корнем и окончанием. 22. Геолог и географ, академик, Герой Социалистического Труда. 24. Циферблат или линейка с делениями в измерительных приборах. 25. Обработка ювелирного камня шлифовкой и полировкой. 28. Деталь с внутренней резьбой. 29. Предоставление денег или товаров в долг. 31. Тюлень. 33. Киноактриса, народная артистка СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приток Иртыша. 2. Четверть года. 3. Колесная машина для строительства и ремонта дорог. 4. Высокомолекулярное органическое вещество. 6. Разновидность орешника. 7. Американский гриф. 10. Декоративное растение, цветок. 11. Круглая шапочка с узорами, головной убор у народов Средней Азии. 13. Ожерелье. 14. Город на юго-востоке США. 15. Чешская писательница XIX века. 21. Водоскат в Финляндии. 23. Фасон пальто, платья. 26. Круглая постройка с куполом. 27. Персонаж романа М. Горького «Мать». 30. Поэма М. Ю. Лермонтова. 32. Кондитерское изделие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Гагарин. 5. Борозда. 7. Спартакиада. 11. Елгава. 12. «Тоска». 13. Оладья. 14. Ящерица. 16. Ахундов. 18. Гвоздь. 19. Элерон. 21. Граната. 23. Киплинг. 25. Мениск. 27. Тулуп. 28. «Пролог». 29. Лобачевский. 30. Афалина. 31. Америка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Труппа. 2. Гродно. 3. Гамалия. 4. Неретва. 5. Бригада. 6. Алябьев. 8. Аксуат. 9. Палеография. 10. Майданников. 15. Ижора. 17. Укроп. 20. Ущелье. 21. Гренада. 22. Антраша. 23. Капуста. 24. Громова. 26. Клотик. 28. Пример.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Научный сотрудник Окского государственного заповедника В. Г. Панченко — это подтверждает и международная эмблема на его рукаве — занимается изучением и разведением журавлей. На снимке: В. Г. Панченко с самым редким журавлем — стерхом.

Фото Ю. Кавера.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Древнее село Ухошино Псковской области — «столица болотного края». (См. в номере материал «Вода из озера Полисто».)

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 16.05.83. Подписано к печати 01.06.83. А 00684. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 1396. Заказ № 623.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

О музыка!

Семья.

Кабалевский пришел навестить друзей.

С внуком Арамом.

Мы в доме Хачатуряна.

Нынешней весной Араму Ильичу исполнилось бы восемьдесят лет.

Здесь, в большой гостиной, где все сохранилось как было при нем, кажется, что вот сейчас он выйдет из своего рабочего кабинета и сразу просияет навстречу удивительными огромными глазами да и всем выразительным, крупной лепки, добрым лицом... Именно доброта, открытость души, пронзительная человечность,— может быть, они-то и звучат сильнее всего в сочинениях, становившихся классикой уже при жизни композитора. Он был призван музыке. И отдавался ей самозабвенно, без всякой пощады к себе...

— А с близкими!.. Как складывалась — при неистовом отношении к долгу, к работе, к призванию — жизнь семьи Арама Ильича!..

Это — вопрос к сыну Хачатуряна, искусствоведу Карэну Арамовичу Хачатуряну. Сосредоточенно разбирает он фотографии из своего архива. И вдруг резко отстраняется. Печальны темные его глаза, в точности повторившие отцовские.

Карэн Арамович молчит. Потом сразу, без раздумий, начинает говорить — быстро, взволнованно, а вместе с тем сосредоточенно, как люди говорят только о том, что все время живет внутри них: живет и тревожит, не дает покоя.

— Нас было трое. И мы были одним целым!.. У нас, у нашей семьи была удивительно красивая, более того, прекрасная жизнь! Именно красивая. Разумеется, не внешними аксессуарами «красивая», когда вокруг все блестит, все нарядно, все аккуратненько расставлено на полочках; такой «уют» — мечта для роботов, для мещан... А в нашем доме полыхало невидимое пламя, костер горел! Царили отношения, которые жизнь дарует только настоящим людям. И самая настоящая любовь связывала отца и маму...

По своей одаренности, талантливости они были достойны друг друга. Композитор Нина Макарова — так же, как и Арам Хачатурян (оба — лучшие ученики знаменитого Мясковского),— ценила отца, мне так казалось, как могучую творческую личность, человека гармонически цельного, без малейшего душевного изъяна! Но она и сама была точно такой же... А когда равные люди вот так любят друг друга, это становится счастьем всех окружающих... Но я-то был не «окружающим»,—я был безраздельной частью их прекрасной жизни.

Конечно, они оба хотели, чтобы я тоже был композитором, музыкантом... Я даже сыграл однажды сонатину отца, посвященную детям города Прокопьевска. И это мое исполнение передавалось по радио! Но музыка не стала моим призванием... Не потому, что я видел, какого беспощадного, неистового труда она требует от человека,— нет! Музыка, наверное, должна быть вложена в душу задолго до появления композитора на свет; должна быть судьбой... Так это было у отца и мамы. Особенно поражал отец... Он всегда нес в себе нечто сказочное, легендарное, а не только тогда, когда писал музыку или дирижировал. Он приходил домой, и в доме сразу зажигался какой-то особенный свет, не только тот, который давали все вместе празднично зажженные люстры. С ним входило в дом нечто мощное, звучное, особенное!.. Он нес в себе большую душу, большую жизнь, потому что сам был большим человеком, при этом как бы не сознававшим своей величины, а значит, тем более интересным и обаятельным... Он очень редко сердился, но часто расстраивался, особенно когда волновался обо мне или о маме. Если мы с мамой вдруг опаздывали куда-нибудь, а он не знал, почему, то мог страшно расстроиться, потерять самообладание...

Мама всегда понимала и очень остро чувствовала душевную ранимость отца. Она старалась помогать ему, оберегать его от малейших волнений... И как же ему трудно было, когда он остался без нее! Я уверен: живи подольше мама, отец, несомненно, продолжил бы себя в творчестве...

Творчеству необходима любовь.

Отец и мама — особенно когда они были вдвоем — неотразимо действовали на людей: покоряли их своей искренностью, открытостью, душевностью. И сколько же у них было друзей! Люди начинали к ним тянуться сразу же, при первом знакомстве... Я вспоминаю, как просто и доверчиво чувствовал себя в нашем доме Ван Клиберн: он полюбил моих родителей всем сердцем! И высказал это со свойственной ему простотой: мы, все четверо, сразу стали как родные... А на Кубе отец и мама точно так же — с первой минуты — подружились с Хемингуэем, будто целый век знали друг друга.

Была в моих родителях та колдовская сила, которая зовется душевным богатством. Человечностью... И великое счастье, что это богатство щедро воплотилось, глубоко выразилось в музыке Арама Ильича... Я свидетель того, как он создавал свои творения,— он думал о людях. Думал и волновался о ЧЕЛОВЕКЕ. О радостях и горестях человеческого сердца. О бесконечной жизни музыки для человечества. Музыки, в которой вдруг один-единственный человек сказал так бесконечно много...

Беседу вела Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Музыка...

Сарьян пишет Хачатуряна.

В гостях у Хемингуэя, на Кубе.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663